

СОФЬЯ ОРЕХ

ANIMA CHRISTI, SANC-
TIFICA ME. CORPUS
CHRISTI, SALVA ME. SAN-
CTUS CHRISTI, INEBRIA
ME. AQUA LATERIS
CHRISTI, LAVA ME.
PASSIO CHRISTI, CON-
FORTA ME...?

ДОЛГИЙ ПУТЬ СКОМОРОХА

РОМАН В ТРЁХ КНИГАХ

16+

Annotation

Времена Ивана Грозного... Немногословный, обаятельный Ратмир прибился к трупке скоморохов четыре года назад и стал их предводителем. Его образование и блестящий аналитический ум помогают ему в раскрытии кровавых преступлений, что приносит не только признательность окружающих, но и появление серьёзных недругов. Друзья-скоморохи всегда вместе в беде и в радости, вот только в какой-то момент они начинают понимать, что Ратмир не совсем тот, за кого себя выдаёт... Обложка: ArtOfPhotos. Handsom men. Лицензия Royalty Free. Автор Julia Petrova. Red-haired woman. Лицензия Royalty Free.

Почти все события и персонажи в трилогии
«Долгий путь скомороха»
являются плодом фантазии автора и любые
совпадения случайны

Светлой памяти моей мамы –
Сабагатулиной Дамиры Лутыевны
посвящается

Часть первая

Пролог

Шёл одна тысяча пятьсот шестьдесят восьмой год и двадцать четвёртый год правления царя Ивана Грозного на Руси. Вот уже третий год народ всей державы стонал под гнётом новых жестоких царских слуг – опричников. Ведь, поссорившись с боярами и опасаясь мести с их стороны, Великий государь сбежал из Москвы и основал в Александровой слободе вторую столицу. Здесь же он и набрал себе новой войско опричь основного. И стали его воины называться опричниками. Вот тогда и стал Великий государь Иван Четвёртый править из Александровой слободы с их помощью и при полной их поддержке. А призванные на службу к царю в противовес боярскому сословию опричники взялись рьяно исполнять свои обязанности по поиску, разоблачению и наказанию тех, кто что-то замышлял против царя и государства. Вместе с попавшими в опалу боярами жестокому наказанию подвергались все их близкие, холопы и принадлежавшие им крестьяне...

Плохие погодные условия одна тысяча пятьсот шестьдесят восьмого года оставили большую часть страны без урожая, и во многих районах страны наступил голод. Недовольство титулованной знати и народа пресекалось царём и опричниками самым жестоким образом.

Неподалёку от огромного подворья боярина Скобелева шелестело пожухлыми колосьями пшеничное поле. Дождя не было с конца весны, и чахлые колоски едва качались под слабым ветерком. Почти не было слышно птичьего гомона. Несмотря на раннее утро, солнце уже начинало припекать. Трое мужиков в белых холщовых рубахах, подпоясанные выдавшими виды поясами, сгрудились в нескольких метрах от края поля. Они периодически утирали взмокшие лбы от подступавшей жары рукавом рубахи и, молча, обескуражено смотрели на тело юной девушки, лежавшее перед ними прямо на помятых пшеничных колосьях...

– Кто же это её так?! – покачал головой высокий, жилистый мужик лет тридцати пяти. Он запустил пятерню в свою густую русую бороду и принялся в волнении перебирать её своими заскорузлыми пальцами.

– Кто ж теперь знает... Погубил какой-то ирод девку... снасильничал, видать, и удавил... – хмуро отозвался второй. Ростом он был пониже, с копной каштановых волос на голове, стриженных «под горшок». Борода такого же цвета, с лёгкой проседью, едва доходила ему до груди.

– А ты откуда знаешь, что удавил? – спросил первый, продолжая перебирать пальцами густую бороду.

– Так вон же у неё на шее какие синяки! – воскликнул второй и указал пальцем на тоненькую, с синими пятнами, шейку девушки. – Прятаться надо, братцы. Как только боярин узнает, что кто-то его единственную дочку жизни лишил – так сразу озверееет и всем нам достанется. Не станет разбирать – кто прав, кто виноват. Все под плеть пойдём, пока не дознается, кто тот самый убивец... – озабоченно добавил он.

– А ведь Макар дело говорит, ребята... Уж больно скор на расправу наш боярин, Светозар Алексеевич. В прошлом году вон, считай, всю Сафроновку посёк плетью за нечаянную порчу ржи, – взволнованно заговорил молчавший до этого третий мужик с чёрной смоляной бородой по пояс. Он тоже был высок и кряжист. Старенькая суконная шапка едва держалась на его плохо выбритой голове.

– Да уж... тогда он и пастушка малого не пожалел. Умом-то и сдвинулся Андрейка после той расправы... Только матушку свою Акулину криворукую до себя и допускает, когда она ему в норку его земляную еду какую приносит... – отозвался Макар и озабоченно почесал затылок.

– Вчера только смех её колокольчиком слышал. А теперь вон холодная лежит, уже никогда не повеселит батюшку с матушкой... А глаза у неё неприкрыты, ребята... Страшно как-то... – испуганно произнёс высокий, жилистый мужик.

– Эх, монет с собой нет – глаза прикрыть бы. Надо хоть личико платочком укрыть, а то ведь так и начнёт высматривать, кого с собой утянуть... Подай платочек ейный, Дормидонтка. Вон у куста валяется... – указал куда-то в кусты коричневым пальцем Макар.

– Так как? Расходимся и молчок, пока кто другой не найдёт Богданушку нечаянно в пшенице? Как будто знать ничего не знаем... – продолжая волноваться, предложил чернобородый мужик.

– Можно и так, Арсюшка, да только не по-христиански это будет. Баба, она хоть и не человек как бы, но Богданушка всегда была добра к нашему брату. И деток наших не обижала, пряниками когда могла – баловала... – подал расписной, шёлковый платочек жилистый

Дормидонт.

– Прав Дормидонтка... Хорошая была девка... И характера лёгкого была, и весела, и разумна не по летам. Помните, как она тайком от боярина на конюшне жеребят всё мазями да порошками лечить бралась?

– Все помнят, чего там... Один только и сдох, а остальных она вылечила. Только боярин с нами чикаться не станет... Коли узнает, что Богданушка светлицу без его разрешения покидала, то сразу нас всех в норки земляные загонит, как Андрейку ...

– И то, правда... Что же делать-то, ребята? Не миновать нам плетей, если узнает от нас... – схватился за голову Арсений.

– Гонца надо послать.

– Вот тебя, Дормидонтка, и пошлём.

– Ага, фигушки... Доносчику как раз первый кнут и будет... Эй, прячься, вон там кто-то идёт. Да присядь же ты тоже, Арсюшка! Вымахал вон с версту коломенскую. Вся макушку твою видать... – ткнул его в плечо хмурый Дормидонт.

– Ага, а твою, можно подумать, не видать! Всего-то на полголовы и ниже меня. Кто хоть идёт-то? – спросил, опустившись на корточки, Арсений

– Да вот я и пытаюсь разглядеть... Похоже не из наших...

– А-а, это же из тех скоморохов, что вчера потешки на боярском дворе показывали. Вот забава была! – воскликнул Макар.

– Тише ты, Макарка! Не дай бог, заметит он нас.

– Так давайте-ка, ребята, его и назначим гонцом. Он – человек пришлый, ему от боярина может ничего и не будет... Да и по годам ещё мальчишка совсем... Хотя вот Андрейкины года не помогли ему от боярского гнева уберечься... – удручённо покачал головой Дормидонт.

– Ага... а может это он и есть убийца...

– Ну, ты, Макарка, горазд на выдумки! С какого перепуга ему в таком случае здесь околачиваться? Убийца – он завсегда подальше от убитого держаться будет. Он же не дурак, чтобы так подставляться!

– Так может и нам тогда пока не прятаться? Позови-ка его, Арсюшка.

– А чего я-то?! Ты, Дормидонтка, сам это придумал – сам и зови пришлого.

– Эх, трусы же вы, ребята! Эй, малой! Да, да – ты! Иди-ка сюда, не бойся – не тронем...

– Дормидонт замахал рукой какому-то мальчишке, случайно проходившему краем поля и что-то искавшему у себя под ногами.

На большом, раскинувшемся вдоль реки Пахры подворье боярина Скобелева Светозара Алексеевича стояла непривычная тишина. Даже животные в хлевах и птицы в птичниках вдруг замолчали. Огромная территория, огороженная высоким забором из ошкуренных дубовых бревён с заострёнными верхушками, внезапно обезлюдела, несмотря на ясный жаркий солнечный день. Вся придворная челядь попряталась в своих избах да по закуткам в ожидании страшных событий. Только ветер разносил едва слышное перешёптывание из одного конца боярского подворья в другой...

Внезапно заскрипела и медленно приоткрылась тяжёлая, обитая медными узорами дверь, и на широком крыльце под высоким навесом показался сам боярин – высокий, крепкий, с чёрной с проседью бородой по пояс. Под распахнутым кафтаном на холодном подкладе виднелась красная полотняная сорочка, расшитая по вороту мелким жемчугом. Тёмно-малиновый кушак, подпоясанный под объёмным животом, подчеркивал дородность и величавость боярина. На голове у него была расшитая золотом и серебром тюрбетейка – подарок одного из татарских ханов. Подрагивавшая окладистая борода плохо скрывала багровый румянец на искажённом гневом лице боярина. В правой руке он судорожно сжимал тяжёлый посох с серебряным набалдашником в форме волчьей головы.

– Где она, Устин? – едва размыкая сведённые судорогой челюсти, негромко спросил он, не поворачивая головы.

– Ох, батюшка! Не вели казнить... – шедший за ним худой, седовласый слуга упал на колени и сжался весь в ожидании удара. – Беда-то какая, батюшка! Прости, отец родной, без твоего разрешения я велел занести сюда Богданушку. Люди сказали, что на том берегу волчица нору выкопала и волчат принесла. Вот я и велел девоньку в медвежью полость завернуть и на повозке сюда доставить, чтобы волчица её не погрызла.

– Где она?! – уже прорычал сквозь густую бороду боярин.

– Там, батюшка, там... в возке и лежит около ворот. Фёдка с Козьмой её охраняют и твоих указаний дожидаются, – заелозил на коленях слуга, поглаживая изуродованными старческими пальцами мягкие сапоги хозяина и продолжая вжимать голову в плечи.

– Скажи им, чтобы в задние сени снесли. И ждите меня там. Только вначале позови мне Макарку с Дормидонткой в сопровождение, – прорычал вновь боярин, не трогаясь с места.

Он стоял изваянием, не сводя налитых кровью глаз с массивных деревянных ворот, за которыми находилось тело его любимой дочери Богданушки.

Через короткое время Светозар Алексеевич в сопровождении рослых холопов Макара и Дормидонта зашёл в сени. Там на лавке, на распахнутой медвежьей полости он увидел свою дочь. Казалось, что юная девушка лет четырнадцати просто прилегла отдохнуть. Но черты её почти детского личика уже начали заостряться. Полузакрытые глаза ещё хранили нежную округлость век. Тень от густых, чёрных ресниц ложилась на уже западавшие мертвенно-бледные щеки. На незащитно тоненькой, как у птенца, шейке девушки отчетливо были видны расположенные по кругу синевато-багровые пятна. Левая рука её покоилась на груди, а правая – бессильно свисала вниз, и полураскрытая кисть лежала на выскобленном добела деревянном полу. Растрёпанная светло-русая девичья коса змеилась по медвежьей полости. Синий парчовый сарафан, одетый поверх белой рубахи с длинными вышитыми рукавами, был сильно испачкан и разорван снизу доверху по пояс. На подоле белой рубахи темнели уже

побуревшие пятна крови. На одной ноге у девушки сохранился испачканный землёй синий атласный сапожок, украшенный изображением единорога из слоновой кости и белыми жемчужинками. Вторая нога была боса и также запачкана землёй.

Увидев всё это, боярин Светозар Алексеевич издал звериный рык и, тяжело дыша, только и спросил:

– Кто?! Кто это сделал?!

Все присутствовавшие слуги разом пали на колени и, прикрывая головы руками, заголосили:

– Ой, не знаем, батюшка! Не бей, отец родной! Если знали бы кто, так своими руками и порвали бы эту сволочь...

В этот момент боярин, продолжая тяжело дышать, начал охаживать их своим посохом по скрещённым над головами рукам и сгорбленным спинам, рыча:

– А вы где были, твари?! Как она могла из комнаты своей, из терема выйти без моего на то разрешения?! Она же – дитё малое ...не знала, что делает... Где же вы были, недоноски?! Главная ваша обязанность была терем сторожить! Как она могла в пшенице заблудиться?! Как за ворота вышла? Быть Артёмке повешенным сегодня же на этих воротах за то, что недоглядел! На то он и был приставлен за воротами присматривать, чтобы никто без моего ведома не смел со двора уйти... Всем плетей сегодня достанется! Всех перепорю, пока не узнаю, кто посмел мне такую обиду нанести!

– Ой, ой, ой, не погуби, батюшка! – продолжали голосить слуги, с ужасом следя из-под скрещённых рук за посохом и привычно стараясь увернуться от беспощадных ударов своего хозяина. – Не погуби, Светозар Алексеевич! Только прикажи – и сейчас же мы начнём искать убийцу. Дозволь нам исправить нашу ошибку...

И хоть был боярин в силе и в теле, но и он вскоре устал. Откинув посох в сторону, приказал всем слугам выйти из сеней и остался он один на один с телом дочери.

– Донюшка моя... Богданушка... – прошептал боярин и грузно опустился на колени перед лавкой. Левой рукой он коснулся холодных пальцев дочери, а правой начал гладить её по отяжелевшей голове. – Что же ты натворила, Богданушка?! Ведь знала ты про запрет мой. Знала и про то, что судьба ваша бабья – в теремах сидеть, да рукодельничать... Сам я виноват, дурень старый! Не должен был потакать тебе... Всё думал – баловство это и вот-вот поумнеешь ты. Много лишнего позволял тебе. А теперь видишь, вон, как обернулось-то...

По густой бороде боярина потекли крупные слёзы. Он машинально убрал с лица дочери какую-то мусоринку и откинул её в сторону. Поглаживая толстыми пальцами тоненькие холодные пальчики дочери, увидел под ногтями тёмную кайму из грязи и обрывков травы.

– Не поддавалась извергу маленькая моя...до последнего вздоха боролась... Клянусь тебе, Богданушка, что отыщу я обидчика твоего! Смертной клятвой клянусь! Слезами кровавыми умоется он и весь род его. Сам буду в кипящую воду опускать выродка помаленьку... Чтобы извивался он от боли и чтобы кричал и молил о пощаде, как ты молила его... И вся родня его будет смотреть на это и винить им за это будет некого, кроме него самого... – всхлипывая, продолжал шептать боярин, поглаживая голову девушки. – Прости меня, донюшка, что недоглядел я за тобой. Что не было меня рядом с тобой в тот страшный миг... Что не спас я тебя – прости ...

Долго ещё стояли слуги неподвижно и безмолвно под дверью, ведущей в сени. Молча, переглядывались и понимали, что уже недолго оставалось им ждать до начала очередного страшного судилища и пыток, на которые горазд был их господин. И что это судилище не в пример предыдущим окажется самым жестоким и кровавым. Поругание чести единственной любимой дочери и убийство её – для боярина это больше, чем его самого обесчестить и лишить жизни.

А на боярском дворе продолжала стоять зловещая тишина, и только лёгкий ветерок гонял по чисто выметенному деревянному настилу двора неизвестно откуда взявшийся коричневый прошлогодний берёзовый листок.

– И что сказал тебе старец? – чёрные глаза Елены пытливо уставились в глаза Теодора. Тот пожал плечами и хмыкнул:

– Ну, поначалу испугался он сильно, аж затрясся весь. Потом узнал, в каком месте я увидел покойницу, и погнал меня от себя. Иди, мол, к своим потешникам, и сидите там смиренно. А то не миновать вам, говорит, гнева боярского...

– Как же ты, дурень, с такими вестями решился к боярскому управителю – тиуну на глаза показаться?! – всплеснула руками Елена. Поправив на голове расшитую цветочками повязку, она подошла к сидевшему на лавке у деревянного стола подростку и, приобняв за плечи, прижала его голову к своей груди. – Эх, сыночка! Вроде и двенадцать годков уже тебе, а ты всё как малое дитё – никакого страха не имеешь.

– Так уже тринадцатый пошёл, мамушка, – задиристо засмеялся Теодор. – Я уже и жениться смогу скоро...

– Бреешь ты всё, малец! – внезапно послышался густой бас из угла горницы. Там прямо на полу, на потрёпанной медвежьей полости, подложив под голову огромный кулак, лежал могучий здоровяк с огненно-рыжей шевелюрой на голове, укрытый по пояс пёстрым лоскутным одеялом. И, громко зевая, добавил:

– И жениться ты пока не можешь и про покойницу бреешь. Откуда ей здесь взяться? Никого вчера на нашем представлении из молодых боярышень я не видал...

– Вот те истинный крест, Василий! – часто закрестился мальчишка. – Это псы брешут. А я – нет! Всё как есть – правда! Так и мужики те обмолвились, что это боярышня была... Ой...

– Ну-ка, ну-ка, шалопут, выкладывай – какие такие мужики?! – вытаращила глаза Елена. – Ты же мне сам сказал, что один был в поле и случайно увидел покойницу... Какие мужики – говори быстро! – прикрикнула она, одарив сына гулким подзатыльником.

– А-а-а, чего дерёшься-то, мамушка?! – схватившись за голову, заканючил мальчишка. – Я тогда за ворота гулять пошёл в поле, гнёзд птичьих поискать хотел. Там около поля меня эти мужики-то и позвали. Это они уговорили меня, чтобы я пошёл на двор к кому-то из боярских слуг и рассказал про покойницу-то...

– И что пообещали они тебе за это, неслух? – неожиданно из-под лоскутного одеяла здоровяка Василия раздался звонкий, почти детский голос и показалась встрёпанная женская голова.

– Обещали пять копеек дать, – опустив голову, едва слышно пробормотал Теодор.

– Что? Я не слышу, громче повтори, – вновь оглушила звонким голосом женская голова.

– Обещали дать пять копеек, – громче произнёс мальчишка и заскулил, прикрыв лицо руками.

– Дали? – усмехнулся Василий.

– Не-а ... сказали – потом ...

– А ты, стало быть, решил нам про денежки-то эти не рассказывать и себе припрятать?! – из-под лоскутного одеяла вылезла карлица и, уперев руки в бока, выжидательно уставилась на Теодора.

– Да-а, брат, – разочарованно протянул Василий. – Не ожидал я от тебя такой подлости. А ведь сам знаешь, что у нас всё идёт в общий котёл. Мы же тут – одна семья. И обманывать друг друга – это последняя пакость с твоей стороны.

В ответ на это Теодор заревел белугой, размазывая ладонями слёзы по щекам.

– Эх, ты, Теодорка, балабол ты, а не добрый человек, – подала вновь возмущённый звонкий голос карлица. Она стояла в длинной полотняной рубахе с вышитыми рукавами и неодобрительно качала головой.

– Ой, да замолчи ты уже, Дунька! – дёрнул её на себя здоровяк Василий. – От твоего крика в ушах звон стоит. Да этот ещё ревёт как резаный...

– Ишь, голос ему мой не нравится! – забарахтавшись в его крепких руках, продолжила возмущаться раскрасневшаяся от борьбы Авдотья. – А чего же тогда женился-то на мне? Вон, взял бы себе в жёнки немую какую. Она тебе бы тогда ни слова поперёк не смогла бы сказать...

– Да погодите вы, черти верёвочные, – неожиданно раздался второй мужской голос из другого угла. Там среди сатиновых полотен на лавке лежал, опершись на локоть, крепкий, жилистый седобородый старик лет семидесяти. Он внимательно посмотрел на мальчика.

– Да и успокойся ты уже, Теодорушка. Вон шум какой подняли с раннего утра, отдохнуть от вас никак не получается.

– Да где же с раннего утра-то! День уже на дворе! – в сердцах выкрикнула Елена и, вновь подойдя к всхлипывающему мальчику, опять прижала его голову к себе. – Что накинулись-то на мальчишку как собаки бешеные?! Он же дитё ещё совсем. Ну, остутился – с кем не бывает. Повинился же! Вы ли все тут ангелы святые собрались?! Только что-то крыльев-то святых я ни у кого из вас за спиной не вижу. Отдал бы он вам потом эту самую денежку. Правда, ведь, сыночка? – целуя мальчишку в макушку, спросила она.

Тот, подвывая, согласно закивал и, обняв мать, уткнулся лицом ей в живот.

– Подожди, Олёнушка, не в деньгах дело, – обеспокоенно присел на лавке старик.

– А в чём ещё, Никифор? Вон, до падучей мальчика чуть не довели, бестолковые. И было бы из-за чего! Денег-то ему этих никто так и не дал до сих пор, – раздражённо отозвалась Елена, поглаживая рукой по тёмным, упругим кудрям сына.

– Вот именно. А по всему получается, что Теодорка первым и принёс в боярский дом дурную весть. Слышите на дворе-то какая тишина: ни кузница не гремит, ни голосов людских не слышно. Ох, не к добру это... Я и раньше слышал про лютый характер боярина Скобелева. Уж больно быстр и суров он на расправу...

– Что же делать-то нам, Никифор? – обеспокоенно глянула на старика Никифора Елена, прижимая к себе голову сына. – Мы-то кто здесь? Пришлые скоморохи – потешники. Позвали нас вчера на боярские именины картинки представлять да колесо крутить, вот мы народ и повеселили на славу. Все довольны были. А потом сам же боярин велел нам и сегодня скоморошьи игры представлять...

– Какие уж тут теперь потехи... – озабоченно пробормотал старик Никифор, доставая из-под лавки свои сапоги. – Уходить нам нужно скорее отсюда. Если до сих пор не нашли убийцу, то правильно Теодорке боярский управитель, тиун этот сказал, что гнев боярский может и нас достать. Именно потому, что мы для них люди пришлые, чужаки. На нас в первую очередь и подумают. Давай, Олёна, буди Ратмира. Будем совет держать, как побыстрее отсюда ноги уносить.

– Да он только под утро и заявился. Зря, что ли ему вчера дворовые бабы да девки всякие знаки внимания оказывали, кружили вокруг него. Вот и приголубил он, видать, одну из них, как обычно, – подала из своего угла звонкий голос карлица.

– А тебе, как всегда, до всего есть дело, Дуняша, – незлобливо отозвался из третьего угла

мужской голос, принадлежавший молодому сероглазому мужчине лет тридцати, лежавшему на лавке в шёлковой вышитой светло-голубой рубахе. Из-под головы у него виднелись голенища мягких сапог из телячьей кожи. Он лежал, запрокинув правую руку под голову, и накручивал на указательный палец левой руки прядь длинных волнистых чёрных волос. В чертах его тонкого, смуглого красивого лица явно угадывалось восточное происхождение.

– Так ты же, Ратмир, тихо, по-людски прокрасться на своё место не можешь. Тебе же обязательно нужно пошуметь, да всех перебудить, – не успокаивалась карлица.

– Замолчь, Дунька! – прикрикнул на неё старик Никифор. – Ты своим безмозглым бабьим умишком не понимаешь что ли, что все мы в большой беде? И не время нам сейчас ссориться. Если боярин решит сам искать убийцу своей дочери, то нам всем первыми идти на пытки.

– Это ещё почему?!

– Так боярин Скобелев – введённый боярин, и имеет право судить и своих холопов, и помещиков с их слугами. На то право у него есть законное, – отозвался Ратмир.

– Ну, так не только же мы здесь чужаки. Вон сколько гостей пооставались здесь на ночёвку, – растерянно попыталась возразить побледневшая Елена. Теодор прекратил рыдать и, продолжая обнимать мать, стал внимательно следить за происходящим.

– Никифор прав, – вздохнув, легко поднялся с лавки Ратмир. Он подпоясался узорным кушаком с алыми кистями, машинально провёл рукой по густым кудрям, откинул их назад и подошёл к небольшому, затянутому слюдой окошку.

– Ничего не видать, хоть и слюдяное, – констатировал он, щёлкнув пальцем по слюде, и неожиданно добавил: – А в Италии теперь в окна вставляют прозрачные листы. И видно через них очень даже хорошо... Но я сейчас о другом хотел сказать. Надо как-то разузнать: поймали уже убийцу или нет. Боярин Скобелев всех гостей знает в лицо. Гости эти знают своих слуг, с которыми приехали сюда. А вот нас-то как раз никто не знает...

– погоди, Ратмир. Мы ведь здесь тоже не вдруг объявились. Боярин Саврасов, поглядев на наше представление, предложил боярину Скобелеву позвать нас на именины для развлечения своих гостей. Значит, он как бы знает нас, и у него на дворе никаких таких фортелей мы не выкидывали, – озабоченно потирая шею, произнёс старик Никифор.

– Вот именно, что – как бы знает, – вздохнул Ратмир. Он присел на лавку за деревянный стол, на котором со вчерашнего вечера стояли деревянные блюда с едой, принесённой для скоморохов с хозяйского стола. На блюдах лежали недоеденные гостями пироги, куски зажаренных уток, куриц. Тут же находились почти пустые глиняные горшки с квасом да медовухой. – Ну, что же... пожалуй, я пойду на двор, а там, глядишь, и встречу кого. А вы все садитесь, да ешьте. Вон сколько еды на столе!

– Да тут кусок в горло не ползет после таких известий! – огорчённо покачала головой Елена и присела на краешек скамьи.

– Ешьте, ешьте, – чуть ли не приказным тоном произнёс старик Никифор, и первый потянулся за куриной ножкой. – Ратмир прав: неизвестно теперь, когда поесть удастся.

Ратмир, присев на лавку, натянул на стройные ноги мягкие сапоги-ичиги, набросил на себя кафтан и посмотрел на Теодора:

– Скажи-ка мне, мой юный друг, ты за коняшками нашими присмотрел?

– А как же! – с набитым ртом отозвался тот, держа в руке кусок пышного рыбного пирога. Затем Теодорка быстро проглотил то, что у него было во рту, и зачастил: – Мамушка меня разбудила совсем рано утром и отправила на конюшню воды и сена подложить лошадям

нашим. Да ты же сам как раз из дальней избы вышел и к нам сюда воротился спать...

– Глазастый не по годам, – усмехнувшись, прервал его Ратмир. – Дальше-то, как было?

– А дальше, задав лошадам корма, я и пошёл за забор птичьих гнёзд искать. А там как раз те мужики меня и позвали и...

– Ладно, дальше я всё сам слышал, – опять прервал его Ратмир и озабоченно спросил: – А узнать тех мужиков ты сможешь?

– А как же! Ты же знаешь, дяденька Ратмир, что у меня глаз – алмаз! – с готовностью воскликнул мальчишка. – Прямо сейчас пойдём признавать?

– Да нет, Теодорка. Сначала я схожу – разведую, что там почём. А потом уж дальше будем решать что делать.

– Ты это ... поаккуратней там, Ратмир, – дожёвывая кусок баранины, вступил в разговор здоровяк Василий. – Если что – свисти что есть мочи, как ты умеешь свистеть, и я мигом буду к тебе на подмогу.

– Да уж, Ратмирушка, поостерегись там, – подошла к нему Елена и прикоснулась рукой к рукаву его шелковой рубашки. – Нам ведь без тебя никак. Сам знаешь...

– И на меня не обижайся, Ратмир, – подбежала к нему карлица Авдотья и обняла скомороха за ногу. – Ты же знаешь, что мы всё равно тебя все любим. А то я просто по глупости тебе наговорила всякого...

– Я постараюсь, – улыбнулся Ратмир и шагнул за порог.

Скрипнула входная дверь в сени.

– Кто? – не оборачиваясь, глухо спросил Светозар Алексеевич, продолжавший стоять на коленях возле бездыханного тела дочери.

– Это я – Устин, батюшка. Принёс вот чаши с водой и кашей...

– Ставь на окно, – не поднимая головы, произнёс боярин.

– Так положено-то на покойницу ставить, батюшка...

– Я тебе сказал – на окно!

– Да, да, батюшка. Ты только не сердись, родимый. Всё сделаю, как скажешь... Вот и монетки медные принёс... Сейчас класть на глаза-то Богданушке или подождать? – в почтительном поклоне склонился к боярину управитель дома седовласый Устин.

– Клади, – тяжело вздохнул боярин и со смертной тоской в сердце смотрел, как скрюченными пальцами старик бережно положил тяжёлые медные монеты на полуприкрытые глаза дочери и так вдавил их в верхние веки, чтобы они полностью сомкнулись с нижними.

– И ещё, батюшка... Я там приказал плакальщиц созвать...

– Рассказал ли кто моей Матрёне Петровне о случившемся? – глухо спросил Светозар Алексеевич и медленно, горбясь, поднялся с колен.

– Не вели казнить, батюшка! – опять рухнул на колени старик, прикрывая руками голову и плечи. – Когда мальчишка прибежал с дурной вестью – там во дворе бабы с сеном копошились. Они слышали, врать не буду. Сразу по избам-то своим и разбежались... И Матрёна Петровна уже знает. В светлице у себя тихонько воет, губы все в кровь искусала. Твоего разрешения ждёт к дочери-покойнице припасть...

– Подождёт пусть немного... Сейчас в себя приду... дознание сам буду проводить. Скажи Артемке – со двора никого не выпускать под страхом смерти. Богданушку в полость завернуть и на ледник отнести. Завтра хоронить будем.

– Прости, батюшка, но можно и в часовенку – там ночью матушка Матрёна Петровна около дочери и побудет, – из-под скрещенных рук подал голос Устин.

– Дело говоришь, старик. Но в часовенке нашей не так холодно, чтобы до завтра Богданушке там находиться. День только занялся. Пусть до вечера на леднике побудет, потом бабы обмоют, приоденут. А в домовине на ночь в часовенку отнесите, – выпрямился Светозар Алексеевич.

– А плакальщицам где плакать разрешишь, батюшка?

– Пусть у ледника воют, да погромче – убийце на устрашение! – прорычал боярин, и у Устина мороз пошёл по коже. Он хорошо знал, что может означать это рычание.

– Ох, батюшка! Не вели казнить... – подполз к нему старик, подавая своему хозяину отброшенный им ранее посох.

– Чего ещё?!

– Бояре тебя дожидаются на дворе. Боярин Усов и боярин Пешков... Они тоже узнали про беду нашу и пожелали помочь тебе в поиске убийцы...

– Сам справлюсь. На то есть моё полное боярское право. Но и от их помощи не откажусь, – шагнул к выходу боярин Скобелев. – Я иду с боярами в тёмную комнату. Веди туда немедля того мальчишку, что Богданушку нашёл... Мнится мне, что не всё он тебе

рассказал.

– Сейчас, батюшка. Это мы мигом, – засуетился старик, с кряхтением поднимаясь на ноги.

Боярин Скобелев, выйдя за дверь, опять с силой приложился посохом по согнутым спинам своих слуг и, тяжело дыша, направился в сторону стоявших поодаль бояр Усова и Пешкова.

– Дошла до нас горькая вестушка, Светозар Алексеевич, – покачал головой введённый боярин Усов Семён Иванович. На тёмном густом меху его четырёхугольной высокой шапки ярко переливались вшитые драгоценные камни. Толстые волосатые пальцы машинально перебирали жемчужные четки. Одет он был в красный праздничный кафтан из тафты с пристёгнутым высоким воротом, также украшенный жемчугом. Под кафтаном виднелась вышитая светлая шёлковая рубашка до колен, подпоясанная зелёным атласным кушаком. Для подчёркивания дородности боярина кушак был подпоясан прямо под объёмным животом. На ногах у него красовались сафьяновые чулки, поверх которых были надеты мягкие красные кожаные сапоги.

– Скажи нам – товарищам своим – чем помочь можем? Может, словом каким, а может, и делом, – дотронулся до плеча Светозара Алексеевича боярин Пешков Антон Спиридонович, разодетый в тёмно-малиновый парчовый кафтан, с меховыми вставками по рукавам и подолу. Алая шёлковая рубашка навывпуск обтягивала его большой живот и также была подпоясана малиновым поясом с кистями из золотых и серебряных нитей. На ногах у него белели шёлковые порты, и обут он был в светло-коричневые башмаки из телячьей кожи.

– Я, конечно, за своих людей отвечаю. Но если узнаешь, что этот убийца из моих холопов, то отдам тебе его на растерзание безо всяких разговоров.

– И я готов к тому же, – важно кивнул боярин Усов. – Только ведь для допроса тебе же и дьяк Лаврентий понадобится.

– Ни к чему он мне. Да и уехал он вчера со двора с именин моих в Александрову слободу, не желая видеть представления скоморохов, – гневно стукнул посохом о деревянный настил Светозар Алексеевич. – Я и сам у себя судилище устрою такое, что убийце этому лучше прямо сейчас на осине самому повеситься. Потому что, когда я его найду, то он вскорости сам меня молить будет, чтобы я ему ускорил его смертный час. А я его обязательно найду. Вы меня знаете... – Знать-то мы тебя знаем, Светозар Алексеевич. Вот только без дьяка судилище незаконным считаться будет. Великий государь много раз напоминал всем об этом.

– Это если кто за забор слово лишнее отсюда вынесет, – упрямо, сквозь зубы, процедил боярин Скобелев. – А так я и сам введённый боярин, как и ты, Семён.

– Ну, мы-то может, и не вынесем. А вот холопам нашим платок на роток не накинешь. Да и у тебя сейчас посторонних людишек на дворе полно. Слух дойдёт до дьяка и, прискакавши сюда, он тебе под нос Судебником тыкать начнёт. Ни к чему сейчас, Светозар Алексеевич, дьяка дразнить. Он ведь, чёрт тощий, мигом Великому государю о твоём самовольстве доложит... Сам знаешь, какие времена для нас – бояр – настали, – продолжал гнуть своё боярин Усов. – Что замолчал ты вдруг?

В этот момент боярин Скобелев, не мигая, стоял и смотрел, как двое его холопов, держа в руках завёрнутую медвежью полость, осторожно несли её краем двора к леднику. Возле

них суетился дворовой управитель Устин. Чуть поодаль, в ожидании его указаний, начинали натирать глаза кулаками бабы-плакальщицы в чёрном. Бояре тоже замолчали, наблюдая, как Устин отворяет низкие двери ледника, и как холопы заносят туда завёрнутое в медвежью полость тело девушки.

– Старшие-то твои сыновья уже знают о беде? – сложив руки на объёмном животе, нарушил молчание боярин Пешков.

– Устин послал гонца известить их для прибытия к погребению, – сдавленным голосом произнёс Светозар Алексеевич. – Я решил пока вас позвать на допрос. За дьяком пошлю позже... Чего тебе, Устин? – обратился он к остановившемуся на почтительном от них расстоянии своему управителю. Тот, упав на колени и сжимая в руках шапку, дребезжащим голосом спросил:

– Дозволяешь ли, батюшка, начинать бабам плакать?

– Пусть начинают, да погромче. А ты, Устин, веди ко мне в тёмную комнату того мальчика, о котором сам рассказывал. Да Гаврилу позови ко мне. Может понадобится.

– Я мигом, батюшка, – попытался резво вскочить на ноги Устин, но, подвернув ногу, завалился на бок. – Сейчас, сейчас, родимый. Это я по неловкости своей да по волнению... – вскочил-таки он и поспешил обратно к леднику.

– Тиун-то твой, Светозар Алексеевич, несмотря на старость, службу свою исправно несёт, – неожиданно похвалил холопа Усов.

– Это правда. Устин своё дело туго знает, – вздохнул боярин Скобелев и направился в сторону стоявшего поодаль невысокого сруба с маленькими, зарешечёнными окошечками.

Бояре, молча, последовали за ним. И в этот момент на большом боярском подворье душераздирающе и протяжно заголосили плакальщицы. Боярин Скобелев невольно вжал голову в плечи и ускорил шаг.

– Ох, страшно-то как мне, мамушка, – Теодорка подошёл к матери и приобнял её со спины. – Что же они так сильно плачут? У меня прямо внутри всё дрожит...

– Да-а, прямо мураши по спине побежали, – поддержала его карлица Авдотья и покрепче прижалась к своему рыжеволосому мужу-силачу Василию.

– Оплакивают бабы загубленную душу. Красива была девка-то, Теодорка? – продолжая поедать куски пирога, спросил тот.

– Да я её толком и не видел. Мужики те сказали, мол, вот тут боярышня убитая лежит, и надо, мол, бежать к любому боярскому холопу, чтобы тот известил боярина, – присел за стол, загрузивший от доносившегося с улицы многоголосого плача мальчишка.

– А сами-то они, что не пошли докладывать своему боярину? – зло спросил Василий.

– Ясно дело – испугались, – озабоченно произнёс старик Никифор и прикрикнул на присутствующих: – Чего расселись? Вещи свои собирайте скорее. Ратмир вот-вот вернётся, а вы всё ещё не собравшись... А про боярина этого я уже говорил вам. Много наслышан о жестокости его к холопам своим. Только Великий государь над ним судья, и потому боярин может творить у себя на дворе любое беззаконие.

– И ничего ему за это не будет? – расстроено спросила Елена, запихивая в большой деревянный сундук разноцветные скоморошьи наряды.

– Ничего, милая, ничего, – вздохнул старик Никифор, складывая в котомку остатки еды со стола. – Всё надо собрать со стола. Кто его знает, как там дальше сложится. Еда нам всегда пригодится.

– Скажу сейчас богопротивные слова, но, может, за жестокость эту господь-то и наказал его через дочь? – звонкий, почти детский голос Авдотьи прозвучал из угла комнаты, где она, пыхтя, тоже укладывала костюмы в баул из мешковины. Старик Никифор не успел ничего ответить, потому что дверь в этот момент распахнулась, и на пороге показался встревоженный Ратмир.

– Сами уже вон слышите, что начали оплакивать боярскую дочь, – сказал он, схватил со стола глиняный горшок с квасом и сделал несколько глотков. Тыльной стороной ладони оттер губы и озабоченно добавил: – Местные говорят, что убийцу ещё не нашли и что у боярина есть своя темница, где он, по полному боярскому праву, может дознание проводить. И что есть у него мастер по пыткам. Он же – заплочных дел мастер по имени Гаврила.

– Так что же нам делать, Ратмир? – с мольбой в голосе спросила Елена. – Ох, чует моё сердце, что не миновать нам боярского гнева...

– погоди, не каркай, Олёнушка, – оборвал её старик Никифор. – Боярин хоть и жестокий, но не глупый, хотя при таком горе...

– Тихо! – неожиданно прикрикнул Ратмир и обернулся к входной двери. Все разом замолчали, и вдруг сквозь женский плач послышались чьи-то шаги, гулко отдававшиеся по деревянному настилу. Шаги приближались к их двери.

– Господи, помилуй нас! – прошептала Елена.

Все с ужасом уставились на входную дверь. Вот шаги стихли и дверь распахнулась. Первым на порог шагнул тиун Устин:

– Мир вам, люди добрые.

– И тебе, мил человек, мира доброго, – выступил вперёд с поклоном старик Никифор. –

Дело у тебя какое к нам?

– Да, но только не моё это дело, а боярина нашего Светозара Лексеевича. Уверен, что и до вас уже молва дошла о горе нашем. Бабы вон воют на всю округу, – старик внимательным взором обвёл присутствующих и остановил взгляд на мальчишке.

– Да, уже наслышаны мы тоже. И передай от нас боярину низкий поклон и наши слова утешения в горе его, – поклонился ему старик Никифор.

– Передам обязательно. Только вот у меня какое дело. Малец ваш нашёл мёртвой нашу Богданушку в поле и мне первому принёс эту скорбную весть...

– Это неправда! – воскликнула Елена и поспешила прикрыть собой сына. – Это мужики ваши нашли её первой, а моего неразумного сына послали к тебе с тяжёлым известием. Сами побоялись признаться, а мальчишка должен отвечать за них!

– Так ли это, вьюноша? Что это ты там за мамкиной юбкой прячешься? – обратился к Теодорке скрипучим голосом тиун Устин.

– Да, – в ужасе тихо отозвался мальчишка.

– Что ты там бормочешь?! Громче отвечай.

– Да, правду мамушка сказала. Это три мужика каких-то там, в поле, меня окликнули и попросили добежать до двора и сказать, что боярышню убили... – несмело показался из-за спины матери Теодор.

– Тут такое дело, скоморохи, – обратился ко всем присутствующим тиун Устин. – Боярин наш, Светозар Лексеевич, решил сам проводить дознание, и он прислал меня за вашим мальчиком...

– Не пуцу! – отчаянно закричала Елена, прикрывая собой сына. – Нет такого права, чтобы ребёнка пытаться!

– Замолчи, баба! – прикрикнул на неё тиун Устин. – С чего это ты вдруг про пытки заговорила?! Щенок твой, если невиновен, так просто и расскажет боярину, как всё было.

– Лучше меня пытайте, а его не трожьте, – сверкая чёрными глазами, не унималась Елена. Сзади к ней подошёл Ратмир и положил ей руку на плечо:

– Послушай, Елена, может пусть Теодорка и вправду расскажет боярину, как было дело.

– Зачем ты так, Ратмир?! – Елена в гневе скинула его руку со своего плеча. – Сами же с Никифором говорили только что, что боярин этот жесток и что у него даже палач есть! Вот народи себе детей, Ратмир и распоряжайся ими как тебе вздумается, а я своего сына на погибель не пуцу! Хоть режьте меня живьём!

– Дура баба, – тихо проскрипел тиун Устин и обратился к старику Никифору. – Я вижу, старик, ты тут самый старший. Так поясни бабе неразумной, что, если она не подчинится, то вы все получите плетей или ещё чего хуже. Лучше не сердить боярина. Он сейчас в большой печали и в большом гневе. Выслушает боярин твоего сына и отпустит с миром, если он ни в чём не виноват. Хоть и тяжёлого характера наш боярин, но не зверь он и меру знает, – сказал тиун и невольно отвёл взгляд в сторону. В это время в распахнутую дверь заглянул здоровый косматый мужик с чёрной бородой и в чёрной сатиновой рубахе, подпоясанной тёмно-синим поясом:

– Ну, что ты там, Устин? Боярин велел поторопить тебя. Где мальчишка?

– Да тут они все, Гаврила. Иди, мы сейчас тебя догоним, – махнул ему рукой тиун Устин, и косматый мужик, кивнув, исчез из дверного проёма.

– Так как, скоморохи? – опять тихо проскрипел тиун Устин. – Даю вам совет – лучше с нашим боярином по-доброму...

– Ой, что же делать нам?! – заголосила Елена. – Он же дитё ещё совсем. Чёрт его дёрнул пойти в поле сегодняшним утром.

– Не поминай рогатого, баба, в добром доме, – недовольно сдвинул брови тиун Устин.

Неожиданно Ратмир подошёл к нему и низко поклонился в пояс:

– Разреши мне пойти вместе с мальчиком к боярину. Я мешать ничем не стану, пусть себе боярин его спрашивает. Только мальцу спокойней будет, если с ним кто-то из нас будет поблизости.

– Нет, я, я с ним пойду! – воскликнула заплаканная Елена. Она чувствовала, как дрожал всем телом прижавшийся к её спине Теодорка.

Тиун Устин опять внимательным взглядом окинул присутствующих и махнул рукой в сторону Елены:

– Баба останется здесь, а ты, скomorох, пожалуй, пойдём с нами. Веди мальчика за мной. И пусть он ничего не боится, только правда нужна от него боярину.

– Ох! – только и воскликнула Елена и кинулась к Ратмиру. – Ратмирушка, присмотри за сыном моим, пожалуйста. Только тебе и доверяю я. Не дай его в обиду. Век тебя благодарить буду.

– Всё будет хорошо, – погладил её по спине Ратмир и, натянув на голову суконную расшитую шапку, протянул руку дрожащему от страха мальчику. – Пойдём, Теодорка. Не бойся, я буду рядом с тобой.

Тот посмотрел на мать, потом опять на Ратмира. Губы его дрогнули, но он пересилил себя и схватил Ратмира за руку:

– Пойдём, дяденька Ратмир, мне с тобой ничего не страшно.

– Не бойся, Теодорка, – подбодрила его карлица Авдотья.

– Вернешься, потом всё расскажешь нам, – кивнул ему силач Василий.

– И не забудь, Теодорка, боярину сто поклонов отбить большим обычаем, – напутствовал его уже у дверей старик Никифор. – На, и шапку-то, шапку-то тоже надень на голову.

– Это как – большим обычаем? – повернул голову в его сторону мальчишка, послушно натягивая на голову потрёпанную от времени чёрную бархатную шапочку.

– Идём, я тебе там покажу, – подтолкнул его в спину Ратмир.

Стояла жаркая, солнечная, безветренная погода. На подворье было всё также безлюдно. Кое-где в окнах срубов мелькали редкие тени, да плач голосащих женщин эхом отдавался над блестящей гладью реки.

Тиун Устин шёл впереди, подволакивая правую ногу. Он что-то шептал себе под нос и, периодически поглядывая в небо, крестился. За ним, приобняв Теодора за плечи, шёл Ратмир. Он что-то негромко говорил мальчишке, и тот, не сводя с него испуганных глаз, тихо повторял за ним какие-то фразы. Следом за ними шли два рослых боярских ратника в красных суконных кафтанах и красных же шапках с саблями наперевес. На ногах у них были тёмно-серые порты, поверх которых красовались зелёные сапоги с заострёнными носами.

Неожиданно Ратмир с Теодором услышали ещё один женский плач. Только шёл он не от ледника, где на коленях, уткнувшись в землю, голосили наёмные плакальщицы, а от большого сруба – терема, где третьим этажом располагалась большая светлица. Большие окна светлицы были завешаны кисейными шторами, и рядом с одной из них Ратмир разглядел женский силуэт, в отчаянии протягивавший руки в направлении ледника. Женщина стенала и причитала так, как может причитать только мать, потерявшая своё дитя. От этого душераздирающего зрелища у всех проходивших мимо буквально мороз шёл по коже.

– Быстрее, быстрее, – стал подгонять их тиун Устин. – Не нужно вам на терем смотреть. Узнает об этом боярин – ещё больше разозлится.

– А почему нельзя на терем смотреть? – шёпотом спросил Теодор у Ратмира.

– Потому что в теремах живут боярские жёны, дочери, сёстры... В общем, вся боярская родня женского пола, – также шёпотом ответил Ратмир, внимательно оглядываясь по сторонам.

– А смотреть-то почему нельзя? – опять повторил мальчишка.

– Потому что боярышни, как царевны, сидят в теремах, и не всякому разрешается их видеть. Особенно – простым людям. Но и самим боярышням не дозволяется покидать светлицу без разрешения батюшки и матушки. Поэтому их никого и не было вчера на нашем представлении.

– Ага, только я видел, что они вчера так же вот за занавесочками стояли и смотрели на нас. Прямо до самого конца и смотрели, – горячо шёпотом возразил Теодор.

– Да, и я заметил. Но боярину об этом не нужно говорить. Не дай бог ещё больше разозлится.

– А на что разозлится?

– Как на что? Вот дочь его ослушалась и убежала же как-то за забор без отцовского на то согласия. Теперь мы все страдаем из-за этого. А в первую очередь она же сама и погибла от рук убийцы...

– Ждите здесь, у двери, – взмахом руки остановил их старик Устин и сам шагнул за порог небольшого сруба, стоявшего на отшибе подворья. Буквально через несколько мгновений его голова появилась в проёме входной двери, и он призывно махнул рукой:

– Идите сюда, скоморохи. Боярин с товарищами ожидает вас.

Они зашли в небольшие сени, и тут Ратмир приостановился:

– Смотри на меня, Теодор. Вот такой поклон ты сейчас начнёшь делать боярину и его гостям. Кланяться будешь вместе со мной до тех пор, пока боярин сам нас не остановит. Повторяй за мной...

Ратмир встал напротив Теодора. Сначала левой рукой он снял с головы шапку. Затем правой рукой коснулся левого плеча и уже вслед за этим, низко наклонясь, коснулся правой рукой пола. Теодор быстро повторил.

– Вот это и есть поклон большим обычаем, – произнёс Ратмир, надевая опять шапку на голову.

– Что там, Устин?! Где этот щенок?! – раздался из комнаты раздосадованный рык боярина Скобелева.

– Вот он, батюшка. Вот этот мальчишка, – тиун Устин цепко схватил Теодора за локоть и втащил его в большую, слабо освещённую комнату, с высоко расположенными, конусообразными зарешечёнными маленькими окошечками. Ратмир поспешил за ними и, ткнув Теодора в бок, начал истово класть поклоны большим обычаем. Тот спохватился и также начал усердно кланяться кому-то, кто сидел в тёмном углу за большим деревянным столом.

– А этот ещё здесь почему?! – возмущенно прорычал Светозар Алексеевич. – Я этого скомороха к себе ещё не звал.

– А ведь точно это тот скоморох, что вчера так искусно колесо крутил, огнём жонглировал, да на лютне песни исполнял, – подтвердил боярин Пешков Антон Спиридонович. – А мальчишка этот с ним же и рыжим силачом фигуры акробатические представлял...

Боярин Усов Семён Иванович внимательно посмотрел на Ратмира и промолчал.

Ратмир упал на колени перед боярами:

– Любезные бояре! Позвольте мне остаться здесь с мальцом, чтобы не так страшно ему было здесь одному. Заставьте Бога молить. Проявите милость вашу. Он же дитё ещё совсем. Я и мешать-то не буду. Здесь вот в стороночке постою, вы меня и не увидите. А он просто знать будет, что я неподалёку, и не будет сильно переживать. И, значит, сможет спокойно и хорошо всё вспомнить и рассказать вам всё, что вы пожелаете.

– Да пусть остаётся, – лениво кивнул боярин Усов. – При нём мальчишка разговорчивее будет.

– Ну, оставайся коли так, – неожиданно согласился боярин Скобелев. – И скажи мальчишке, чтобы перестал поклоны бить. А то сейчас башку себе от усердия расшибёт.

И действительно, стоявший у порога покрасневшийся от напряжения Теодор продолжал бить поклон за поклоном.

– Стой, Теодор, остановись, – схватил его за руку Ратмир и подвёл ближе к тяжёлому деревянному столу, за которым расположились бояре.

– Всё рассказывай, как было. Ничего не скрывай, – Ратмир дал ему своё последнее напутствие и отошел в тень.

Теодор, вытянув руки по швам, дрожал от волнения и смотрел на людей, сидевших за столом, переводя влажный взгляд поочерёдно с одного боярина на другого.

– Рассказывай, щенок, – рявкнул на него боярин Светозар Алексеевич.

– Не так грозно, Светозар Алексеевич, – негромко в бороду произнёс боярин Усов. – Мальчонка и так вон от страха уже обмочился. Если так грозить, то он и вовсе заикаться начнёт, и ничего мы от него не узнаем.

– Ничего... я у любого дознаюсь, – нехотя возразил ему боярин Скобелев, но голос свой понизил и вновь обратился Теодору: – Как... как ты нашёл сегодня... мою дочь?

Теодор как зачарованный отбил ещё один поклон, нечаянно дотронувшись рукой лужи у своих ног, и рвущимся от волнения голосом стал рассказывать:

– Я сегодня утречком задал корму нашим лошадам и пошёл за забор в поле. Хотел гнёзд перепелиных поискать. Очень люблю я птичьи яйца собирать. У меня уже их много и каких только нет...

– Далее сказывай, – прервал его боярин Скобелев.

– Так вот, я пошёл к пшеничному полю... А там меня мужики позвали.

– Сколько их было?

– Три, три мужика было, боярин, – сминая от волнения в руках шапку, стоял перед ними Теодорка.

– И что они сказали тебе?

– Сказали, что вот тут в пшенице боярышня лежит мёртвая и что нужно мне бежать на двор и сказать любому боярскому холопу о своей находке.

– А сами они, почему не захотели сообщить эту весть?

– А сами они трусили сильно и просили не говорить, что это они попросили...

– Похоже, не врёт, малец-то, – наклонив голову к столу, тихо произнёс боярин Усов.

– А узнать ты этих мужиков сможешь? – спросил боярин Скобелев, не спуская с Теодора тёмного мрачного взгляда.

– Конечно, смогу, боярин. Я же их, как вас сейчас, видел, – воскликнул Теодор.

– Обещали ли они тебе плату какую за этот донос? Ну, чего глаза-то опускаешь? Прямо мне смотри и отвечай, как подобает юноше, – негромко произнёс боярин Усов.

Теодорка быстро-быстро заморгал глазами, рот у него скривился и, неопределённо пожав плечами, он уставился в глаза боярину Усову и с трудом выдавил из себя:

– Да – обещали. Пять копеечек пообещали.

– Ишь ты, не пожадничали, – покачал головой боярин Усов Семён Иванович. – Богато живут твои холопы, Светозар Алексеевич. Пуд ржи, однако, можно купить.

– Вот мы про то сейчас всё и узнаем. Эй, Устин, иди на двор и зови всех мужиков. Всех до единого! – вызверился боярин Скобелев.

– Бегу, уже бегу, батюшка! – неожиданно из тени в углу комнаты появился Устин и, торопливо поклонившись боярам в пояс, исчез за дверью.

– Иди-ка и ты сюда, скоморох, – неожиданно боярин Скобелев обратился к стоявшему поодаль Ратмиру и махнул рукой Теодорке: – Ты, малец, брысь в угол и сиди тихо, пока не понадобишься.

Теодорка растерянно заморгал глазами, но подошедший к нему Ратмир приобнял его за плечи и слегка подтолкнул в спину: – Всё хорошо, Теодор. Успокойся и иди, посиди вон в том углу. Потом, когда всё кончится – пойдём к нашим. С боярского позволения, – громко добавил он, кинув быстрый взгляд на сидевших за большим столом бояр.

– Всё только начинается, – вздохнул боярин Пешков. – Скажи-ка мне, скоморох. Вот

годами-то ты уже мужик, а борода твоя где? Иль ты нехристь какой? Иль басурманин?

Ратмир проводил взглядом исчезнувшего в тёмном углу Теодора и покачал головой:

– Доля скоморошья такая. В нашем деле бабам возможности играть мало, а потому приходится нашему брату за них отдуваться – в танце или в былине какой за бабу играть. Очень народу нравится, когда мужик дуру-бабу забавно изображает. А с бородой да усами это невозможно.

– Кинжалом каким морду-то свою шкребёшь? Ишь, какая гладкая, – произнёс неодобрительно боярин Пешков и спохватился: – Ох, не о том я... Прости, Господи, душу мою грешную. Нечего тут нам зубы заговаривать! Отвечай, вчера вечером и в ночь, где был?

– Так вечером на именинах боярина Светозара Алексеевича мы потешки представляли. И ваша светлость, и гости ваши, и холопы – все нас видели. Мы все на круг и выходим представлять, народ потешать. Все мы на глазах честного люда и были, пока представление продолжалось.

– Ну, это ещё мы проверим, – хмыкнул в бороду боярин Пешков.

– Видел ли ты когда-нибудь дочь мою? – неожиданно спросил Светозар Алексеевич, устремив на скомороха пристальный взгляд.

– Никак нет, боярин. Не приходилось. Все знают, что боярские бабы да девки в светлицах сидят, и дни свои в молитвах проводят, да рукоделием занимаются, – чинно склонил голову Ратмир.

– Чьих ты будешь, скоморох? Родом откуда? – спросил Пешков.

– Не знаю, боярин. Я ведь с малолетства в скоморохах. Ни отца, ни матери ни разу в глаза не видывал. Горько мне – сиротинушке, – жалобно произнёс Ратмир и потёр глаза рукавом кафтана.

– Ну-ка прекращай нам тут комедию ломать. Вашу лживую породу скоморошью за километр чую, – стукнул кулаком по столу боярин Скобелев. – Я бы вас на свой двор и близко не подпустил, если бы не боярин Саврасов Лука Дементыич. Развлеки, говорит, своих гостей. Говорил, что больно ловкие вы на фокусы всякие да на упражнения разные.

– Так оно же так и было, Светозар Алексеевич, – зевнув в широкую ладонь, произнёс боярин Усов. – Выступали они хорошо. С огнями, с факелами, с песнями...

– Не нравишься ты мне, паря. Смотришь в глаза прямо, говоришь смело. Нет в тебе ничего холопского, – покачал головой боярин Пешков. – Важного разговора избегаешь. Последний раз спрашиваю: где ночью ты был, после того как представлять закончили? Говори, иначе получишь прямо сейчас плетей боярских. Так ведь, Светозар Алексеевич?

Тот согласно кивнул:

– Гаврила уже давно заскучал в своём подвале.

Ратмир рухнул на колени и заголосил:

– Ой, простите, люди добрые! Грешен я... Не должен был пользоваться боярской добротой, но лукавый меня окрутил и не сумел я удержаться...

Боярин Усов, поставив локти на стол, прикрыл лицо руками и из-под пальцев продолжал смотреть на происходящее. В прищуренных глазах его прыгали то ли огоньки от факелов, освещавших комнату, то ли бесенята.

– Замолчь, сучий потрох! Рассказывай, где был! – рявкнул боярин Скобелев и, встав из-за стола, направился к Ратмиру.

– Ой, прости меня, боярин! Не погуби душу грешную! Я же мужик, боярин и очень баб

люблю...

– Ну... – грозно возвысился над ним боярин Скобелев.

– С бабой я был, боярин, – продолжал уже тихо Ратмир, стоя на коленях и прикрывая голову скрещёнными руками. – Холопка твоя. Прости, что без твоего ведома... Только и бабы ко мне уж очень благоволят. Прямо иногда и не знаю, какую предпочесть.

– Ах, ты – недоносок! – боярин Скобелев ударил ногой стоявшего на коленях Ратмира в бок и сам еле удержался на ногах. – Как ты посмел на моё добро позариться, смерд?!

– Прости, боярин! Это я по дурусти своей, по недомыслию, – завалился навзничь Ратмир, продолжая из-под скрещённых рук внимательно следить за действиями боярина Скобелева.

– Пусть имя назовёт холопки, Светозар Алексеевич, – гневно подсказал боярин Пешков. – И ей самой потом тоже плетей всыпать, чтобы не смела чужаков привечать! У тебя на подворье своих кобелей хватает!

– И то дело! – подал голос боярин Усов. Он убрал руки с лица и, сложив их на животе, продолжил наблюдать за происходящим. – Баба-то нам и скажет, был этот скоморох с ней всю ночь, или бегал куда на часок-другой. Только плетьюми бабу сечь не нужно, Антон Спиридонович.

– Это ещё почему такое? – удивился боярин Пешков. – Она же холопка!

– Молодые холопки очень даже красивые могут быть. Такая и самому может согдиться. Так зачем же её личико безобразить? А то и продать можно, – неторопливо пояснил боярин Усов, равнодушно глядя на лежащего на полу Ратмира, продолжающего прикрывать голову руками.

– Так и быть, сейчас посмотрим, что это за фря, что решилась на моём дворе чужака облагодетельствовать, – тяжело вздохнул боярин Скобелев и погрозил Ратмиру тяжёлым посохом. – Сказывай имя той бабы, смерд, а то быть тебе сейчас на дыбе!

– Лукерьей бабу кличут, боярин. Только не обижай её за доброту и ласку ко мне... Ты обещал, боярин, – приподнял голову Ратмир.

– Боярское слово – крепкое слово! – твёрдо произнёс боярин Усов, глядя прямо в глаза Ратмиру. Тот кивнул и опять поднялся на колени.

– Которая из них? На подворье две бабы с таким именем. Жёнка кузнеца Прохора, да дочка тиуна моего Устина, – нахмурил брови боярин Светозар Алексеевич.

– Я и не спрашивал у неё, чьих она, – пожал плечами Ратмир. – Только вчера на потешках девка танцевала браво, да глазами сверкала – прямо слепила. Там мы с ней и сговорились. Дело-то молодое... Годков семнадцать ей...

В тёмном углу кто-то негромко охнул.

– Что, Устин, охаешь там?! – крикнул в тёмный угол боярин Светозар Алексеевич. – Опять твоя шалава мужикам в штаны заглядывает...

– Ох, батюшка! И ума не приложу, что с ней делать-то! – из тени шагнул старик Устин и упал перед хозяином на колени. – И крапивою её по одному месту стегал, и розгами... Почитай каждодневно учу уму-разуму. А только никак не могу сладить с ней... Стыдобушка моя... Не вели казнить, боярин, дуру окаянную!

– В монастырь отошлю распутницу. Не посмотрю на твои заслуги, Устин! Ни стыда, ни совести у твоей дочери! – стукнул посохом об пол вконец разгневанный Светозар Алексеевич. – Тащи сюда её за космы!

Раздосадованный Устин вскочил с колен и исчез за дверью.

– А тебя, гуляка, – обратился боярин Скобелев к Ратмиру, стоявшему перед ним на коленях, – тоже нужно высечь, чтобы место своё знал и по чину утехам предавался.

– Не губи, боярин! Головой своей клянусь, что ни на одну бабу на твоём подворье и глазом не гляну. Даже, если она сама вокруг меня хвостом вертеть начнёт, – умоляюще сложил ладони Ратмир.

Через короткое время в сенях послышались шаги, и на пороге в полумраке показался Устин, тащивший за руку испуганную упиравшуюся девушку лет семнадцати. Войдя в комнату и увидев присутствующих, она тут же прикрыла лицо рукавом рубахи и начала тихонько подвывать.

– Замолчи, дура! – рявкнул на неё боярин Пешков. – Говори быстро, был этот кобель у тебя сегодня ночью или нет?

Девушка, не отрывая руки от лица, закивала головой.

– У-у-у, шалава! – с презрением посмотрел на неё боярин Пешков. – Подстилка ты подзаборная. Разве же какой добрый человек захочет жениться на такой... Да уж, Устин, слышал я, что девка твоя слаба на передок, но не думал, что и скоморохами она не побрезгует. Тьфу, мерзость!

Бледный, взмокший от душевного волнения Устин, обречённо закивал:

– Да, батюшка, Антон Спиридонович, слова твои верные. Стыдоба-то какая мне на старости лет...

– А скажи-ка нам, Лукерья, ходил ли куда от тебя ночью этот скоморох? – неожиданно любезным голосом спросил боярин Усов.

Подвигающая девица отрицательно замотала головой.

– Словами говори! Нечего тут башкой своей трясти. Да руку убери от лица своего бесстыжего. Нечего теперь тут из себя неприступную крепость изображать, – опять стукнул кулаком по столу боярин Пешков. – Точно ли он от тебя никуда не уходил?

– Точно, боярин, точно, – сквозь слёзы проговорила Лукерья. – Ратмир мне всю ночь покоя не давал. Уж больно горяч да ловок он...

– Тьфу, дура! – сплюнул в сердцах боярин Скобелев. – Тебя не об этом спрашивают... Всё, пошла вон отсюда, бесовское отродье! Выплещь ей плетей сегодня сам, Устин, чтобы месяц сидеть не смогла!

Как только захлопнулась дверь за Лукерьей, так из-за стола поднялся боярин Усов и подошёл к стоявшему на коленях Ратмиру.

– Повезло тебе, скоморох, что баба врать не стала. А то ведь могла и не признаться в греховном. И висеть бы тогда сейчас тебе на дыбе за лжесвидетельство...

– Ладно, отпустим его с мальчишкой пока, – хмуро произнёс боярин Скобелев. – Идите к своим, скоморохи, но передайте, что никто не уйдёт со двора, пока я не найду убийцу. Кормить, поить вас будут. И за лошадьми вашими присмотрят. Но за ворота даже шагу не сметь сделать.

– Благодарствуйте, бояре, – поклонился им в пояс Ратмир и призывно махнул рукой Теодорке. – Век не забудем вашей доброты. А мы обождём, сколько скажете, – и, подталкивая в спину подбежавшего к нему мальчишку, шагнул вместе с ним за дверь.

Боярин Скобелев тяжело опустил на лавку и покачал головой:

– Тошно мне, ох, тошно мне, бояре. Там на леднике девочка моя безвинная мёртвая лежит. А мы здесь басни скомороха про гульбища слушаем. Придушил бы его собственными руками...

– Его-то за что? – удивился боярин Усов. – Пока вроде бы всё складно рассказывает.

– Да хоть за то, что он – смерд и кот блудливый – жив. А Богданушка моя уже никогда не встретит меня у дверей своей светлицы и не засмеётся своим звонким, девичьим смехом! – стукнул кулаком по столу боярин Скобелев.

– Горе твоё, Светозар Алексеевич, мы все с тобой разделяем и готовы помочь всем, что тебе надобно будет...

В это время скрипнула входная дверь, и в полумраке нарисовалась высокая фигура одного из слуг-ратников. Фигура склонилась к тиуну Устину и, что-то прошептав ему на ухо, исчезла за дверью. Устин тут же кинулся к боярам и взволнованно замахал рукой в сторону двери:

– Там, там дьяк Лаврентий воротился... Тебя батюшка, Светозар Лексеевич, требует...

– Это же кто ему успел так быстро сообщить? – задумчиво почесал переносицу боярин Усов. – Ты ведь, Светозар Алексеевич, ещё никого не послал за ним?

– Думал только сейчас отправить к нему гонца в Александрову слободу, – растерянно пожал плечами боярин Скобелев.

– А я сразу предупредил тебя, Светозар Алексеевич, что в нынешние времена лучше всё делать по Судебнику, – назидательно произнёс боярин Пешков. – Не миновать теперь нам гнева Великого государя. Как пить дать – донесёт ему дьяк Лаврентий, что допрос учинили не по Судебнику, без него. Сами же знаете, что Лаврентий с прошлого лета в кумовьях у самого Саввы Печёрского.

– Кто же ныне не знает наиглавнейшего опричника Савву Печёрского... – пробормотал с досадой боярин Усов. – Вот как надо службу свою нести, чтобы при дворе Великого князя все теперь этому Савве Печёрскому в ноги кланяются!

– Твоя правда, Семён Иванович. Тяжёлые времена наступили для нас – бояр, – кивнул головой боярин Пешков. – Нет у Великого государя прошлого расположения к нам. Доверяет он теперь только своим опричникам, а нас, подчас, и за людей считать не хочет. Вон, разрешение приехать к тебе на именины, Светозар Алексеевич, у него еле выпросили. Не хотел отпускать. При дворе, сказал, мы нужнее. А там при дворе-то теперь опричники всем заправляют. Боярам иногда и места на лавке нет – везде люди Саввушки Печёрского понасажены.

– Пойду, встречу дьяка, – мрачный боярин Скобелев шагнул к входной двери. – А вы – рты свои на замок! Не должен он такие речи услышать. Иначе не миновать нам всем ещё большей беды.

Боярин Светозар Алексеевич шагнул за порог и невольно прищурился от яркого летнего солнца. Навстречу ему в сопровождении четверых своих ратников торопливо семенил высокий худой, как жердь, дьяк Разбойного приказа Лаврентий. Скучная бородёнка развевалась на ходу, и длинные сальные серые волосы свисали сосульками вдоль длинной жилистой шеи из-под богато украшенной меховой шапки.

– Услышал я про несчастье в доме твоём, Светозар Алексеевич, и тотчас же вернулся, – неожиданно высоким голосом заговорил дьяк. – Горе горькое – пережить дитя своё. А ведь

предупреждал я тебя и приятелей твоих, Светозар Алексеевич, что не к лицу добрым людям на своём дворе гульбища устраивать, да нечистого развлекать. Православным ни к чему языческие да иноземные бесовские забавы знать. Так нет же, не послушал ты меня, боярин...

– Не терзай ты мне сейчас сердце и душу, дьяк Лаврентий! Сам себя казнию я сейчас, что дочь не уберёг, – рвущимся от боли голосом произнёс боярин Скобелев. – Вот собирался сейчас за тобой гонца послать. Дознание буду проводить...

– Да и я поэтому и возвернулся. Ну, думаю, не дай бог, Светозар Алексеевич, задумает в сердцах без меня дознание учинить. Как же мне потом Великому государю докладывать-то об этом?! А и не доложить нельзя, если дознание не по правилам...

– Потому и вывел всех своих холопов на двор, чтобы при тебе начать дознание, – глухо в бороду произнёс боярин Скобелев. – Мальчишка, что первый принёс тяжёлую весть, должен сейчас узнать мужиков, что ему эту весть велели сюда на двор передать

– А ты, я смотрю, всё-таки время зря не терял, – покачал головой дьяк Лаврентий. – Ещё раз предупреждаю тебя, Светозар Алексеевич – не балуй с огнём. Сильно вы, бояре, досадили Великому государю. Так ведь и до ссылки рукой подать.

– Все под Богом ходим, – пробормотал боярин Скобелев и окликнул стоявшего поодаль в полупоклоне тиуна Устина. – Иди, Устин, зови сюда гостей моих – боярина Пешкова и боярина Усова. Скажи, что дьяк Лаврентий и я поджидаем их для проведения дознания.

– И бояре у тебя загостились, Светозар Алексеевич, – хмыкнул дьяк Лаврентий. – А Великий государь их, наверное, при своём дворе на службу ожидает, а?

– Не сердись, дьяк Лаврентий. Отпросились они у него на два денёчка. Сегодня же и отбудут на службу. Видя горе моё, взялись они помочь в дознании...

В этот момент в их сторону со стороны темницы неторопливо и вальяжно направились боярин Пешков и боярин Усов. Дьяк с усмешкой глянул на них и тут же нахмурился:

– Рассказывайте, что тут у вас произошло?

Дьяк внимательно выслушал бояр, тиуна Устина. Побывал он и на леднике, где, молча, осмотрел окоченевшее тело погибшей девушки.

– Что думаешь теперь делать? – спросил он у боярина Светозара Алексеевича.

– Первым делом прикажу повесить холопа Артёмку, что ворота охранять должен был. С его упущения Богданушка с подворья вышла без моего на то разрешения, – жёстко произнёс боярин Скобелев.

– Ну, вешай, раз так решил, – важно кивнул головой дьяк. – Да и выгони во двор своих холопов на это посмотреть, чтобы всем им впредь наука была к послушанию и усердию. А этим бабам запрети выть пока дознание буду проводить, а то уже голова разболелась от их воя, – махнул рукой в сторону плакальщиц.

Через несколько мгновений на подворье наступила тишина. Посередине двора, ближе к воротам, уже был установлен навес с белым полотняным верхом, под которым поставили деревянные лавки, застеленные кусками мягких материй, и деревянный же стол с запотевшим жбаном холодного кваса и деревянными расписными ковшами.

Дьяк и бояре расположились на лавках. Вокруг навеса встали четыре ратника с саблями наперевес. Несколько других, так же одетых молодых мужчин быстро зашныряли по избам и постройкам, находившимся на дворе, и принялись, молча, взашей выталкивать оттуда всех, кто попадался под руку. Всё это происходило в странной тишине, даже малые дети

испуганно смотрели на происходящее и молчали.

– Больше никого нет, – доложил один из ратников тиуну Устину. – Остались только потешники в своей избе.

Тот поклонился боярам и передал им его слова.

– Так скоморохи ещё здесь?! – гневно обернулся к боярину Скобелеву дьяк Лаврентий. – Не их ли поганых рук это дело?! Вот повесишь сейчас холопа своего, и сразу за них возьмёмся. Ох, зря ты вчера не послушался меня, боярин! Я же тебе говорил, что все эти бесовские забавы только беды и несут, – и обратился к тиуну Устину: – Давай скоморохов тоже сюда. Сейчас и до них очередь дойдёт. Чует моё сердце – не обошлось тут без их подлой натуры.

– Ну, раз дьяк Лаврентий взялся за дело, то нам тут и делать уже больше нечего, – неожиданно заявил боярин Усов. – Благодарю тебя, Светозар Алексеевич, за то, что пригласил на именины. А мне уже нужно поторопиться делами заняться при Великом государе. Служба требует...

– Ишь ты, про службу вспомнил, – ухмыльнулся дьяк Лаврентий. – Я уже давно заметил, что не любишь ты, Семён Иванович, при таких представлениях находиться. Тебе же богопротивных скоморохов интереснее смотреть. Да ещё и сам бы с ними ногами своими бы притоптывал бы, да?

– А почему бы и не приплясывать, если сам царь не брезгует ими, – вполголоса огрызнулся боярин Усов, вальяжно приподымаясь со скамьи.

– Что ты там себе в бороду бормочешь? – вскинул голову дьяк Лаврентий. – Думаешь, что я не расслышал, что ты там батюшку-царя упоминаешь?

– Я говорю, дьяк Лаврентий, что и у нашего батюшки-царя есть свои скоморохи. Каждый раз их рожки в царских палатах вижу...

– Да уж, есть такой грех за нашим царём, – вздохнул дьяк Лаврентий. – И я ему уже выговаривал, и царица-матушка, что не богоугодное это дело. Нет же, на вечерние трапезы каждый раз требует их приводить...

Боярин Усов с усмешкой глянул на озабоченного дьяка, потом перевёл взгляд на боярина Пешкова:

– Ты, Антон Спиридонович, едешь или остаешься здесь?

– Пожалуй, останусь, если дьяк Лаврентий не против.

– Да не против я, не против, – махнул тот. – Великому государю доложи, что я попросил боярина Пешкова остаться, чтобы помочь дознание проводить.

– Тогда с вашего позволения удаляюсь я, – заторопился боярин Усов и подал знак своим слугам, стоявшим в стороне. Те тут же засуетились, готовясь к отъезду.

– Проводить нужно, – с каким-то безразличием в голосе произнёс боярин Скобелев и медленно поднялся со скамьи.

– А ты иди и проводи, Светозар Алексеевич, – кивнул дьяк Лаврентий. – И возвращайся к нам поскорее. А то мне тоже к вечеру нужно быть у Великого государя с докладом. Поспешить нужно с дознанием. Гаврила твой очень даже сейчас может понадобиться.

– Гаврила уже ждёт в своей камерке, – ответил боярин Скобелев и направился к распахнутым воротам, куда уже подъехала повозка боярина Усова. Вокруг повозки гарцевали на породистых скакунах его ратники.

В это время несколько ратников боярина Скобелева ворвались в избу, где находились

скоморохи, и с криками принялись выгонять их из избы.

– Да что же вы делаете, гады?! – тоненько запищала карлица Авдотья, отбиваясь коротенькими ручками от тащившего её за шкурку, как котёнка, рослого ратника.

– Что же это делается, люди добрые?! Ратмир, да скажи ты им, что боярин уже допрашивал вас! – закричала Елена, отталкивая от сына Теодорки другого ратника.

– Ничего не знаем! Велено доставить вас всех на допрос к дьяку. Живо все на двор и молчать! – метались по комнате боярские слуги, выталкивая растерянных скоморохов из избы.

– Не нужно, Василий! Хуже будет, – Ратмир перехватил за руку рыжеволосого силача, собиравшегося ударить чугунной гирей одного из боярских слуг. И крикнул, обращаясь к своим товарищам: – Не сопротивляйтесь. Спокойно выходите во двор. Всё будет хорошо... Сейчас во всём разберутся, только успокойтесь все!

– Да иду я, иду! – прикрикнул старик Никифор на ретивого ратника, пытавшегося вытолкать его взащей из избы. – Не видишь что ли – старый я! Не могу так быстро.

Перепуганный Теодорка держался за мамкину руку и прижимался к Елене в поисках защиты.

– Всё! Все уже выходят! – крикнул Ратмир чересчур усердным ратникам и оттолкнул одного из них, протянувшего было к нему свои руки. – Тебе же сказано, что все сами выходят!

– Ты ещё и перечить мне тут будешь! – замахнулся на него саблей разозлившийся ратник. Ратмир уклонился от удара, ловко махнул рукой – и каким-то чудесным образом сабля оказалась у него в руке. Он тут же бросил её под ноги оторопевшему ратнику: – Держи свою сабельку. В следующий раз смотри, на кого лезешь.

В тот момент, когда боярские слуги выгоняли скоморохов в толпу людей, находившуюся во дворе, несчастный охранник ворот Артемка уже корчился на импровизированной дыбе: на высокие ворота была перекинута толстая канатная верёвка. Один её конец был привязан к кистям заведённых за спину рук холопа. Второй конец находился по другую сторону забора в руках троих боярских ратников. По команде Гаврилы эти трое то подтягивали верёвку, и тогда несчастный Артемка с нечеловеческими криками взмывал вверх с вывернутыми в суставах руками, то опускали вниз, и тогда он просто шлёпался на землю как мешок с картошкой и тоже кричал от боли.

– Смилуйся, боярин, Христа ради! Не выходила боярышня через ворота! – кричал Артёмка, не сводя умоляющих глаз со своего хозяина. По его опухшему, разбитому лицу и светлой бороде текла кровь, пачкая изодранную светло-зелёную рубаху. – Нет в том моей вины, боярин! Клянусь всеми святыми – не выходила она за ворота!

– А как же она оказалась в поле?! – фальцетом, стараясь его перекричать, с ухмылкой завизжал ему в ответ дьяк Лаврентий. – Врёшь ты всё, подлая твоя душонка! Без особого усердия ты свою службу исполнял. Давай, Гаврила, вздёрни его ещё разок!

Тот согласно кивнул и трубно рявкнул в сторону ворот:

– А ну, поддай там!

Через секунду тело Артёмки с жуткими криками опять взмыло ввысь. У Теодорки перехватило дыхание, и с закатившимися глазами он ничком упал на землю. Ратмир с Еленой тут же опустились рядом с ним на колени и начали приводить мальчишку в чувство.

Через некоторое время прямо на деревянных входных воротах под невольный громкий стон присутствующих задёргалось повешенное за шею крепкое, мускулистое тело тридцатилетнего холопа Артёмки. Из раззявленного рта на посиневшем от удушья лице

донесли последние предсмертные хрипы, и по судорожно сучившим в агонии ногам в серых штанах обильно потекла жёлтая моча.

Бояре и слуги, молча, наблюдали за происходящим. В толпе послышались сдавленные всхлипывания и гул. Скоморохи держались плотной кучкой. Побледневший от гнева Ратмир не сводил взгляда с дьяка Лаврентия, по лицу которого моментами пробегала странная ухмылка.

– Это в назидание всем холопам и смердам, ослушивающимся исполнять приказания своих господ! – тоненько взвизгнул он присутствующей толпе. – Если бы этот холоп верно исполнял бы свои обязанности, то и не случилось бы горе с дочерью боярина Светозара Алексеевича. Эй, там! Гаврила, скажи, чтобы верёвку эту закрепили, и пусть этот бесстыжий обманщик повисит на воротах до вчера. А потом выкиньте его в поле на съедение диким зверям.

Дьяк Лаврентий с удовлетворением посмотрел на боярина Скобелева:

– Вот видишь, Светозар Алексеевич, так мы с тобой да с Антоном Спиридоновичем быстро до правды доберёмся. И будет твоя дочь отомщена, я тебе обещаю. Эй, там, – крикнул он стоявшим вокруг толпы боярским ратникам. – Давайте в круг скоморохов. Сейчас мы быстро всё узнаем. Ведь кроме них здесь никого чужих-то и не было.

– Господи, помилуй нас! – только и выдохнула Елена, прижав к себе сына.

Под молчаливое согласие толпы скоморохов вытащили в центр круга прямо перед большим столом, за которым восседали бояре и дьяк.

– Этот мальчишка принёс тебе страшную весть, тиун Устин? – фальцетом произнёс дьяк Лаврентий, обращаясь к стоявшему у них за спиной управителю Устину.

– Он самый, – испуганно склонился к нему седовласый старик Устин. – Только осмелюсь доложить...

– Что ты ещё хочешь доложить?! – недовольно обернулся к нему дьяк.

– Да нет, ничего, ничего... – суетливо пробормотал старик и застыл в поклоне.

– Ну и стой, тогда себе, молчи. Не лезь, пока самого не спросят, – дьяк повернулся к скоморохам и, внимательно поочерёдно оглядев их, приказал: – Баб пока в сторону. А мальчишку – на дыбу.

– Нет!!! – от отчаянного крика Елены вздрогнула вся толпа. Она подбежала прямо к столу и упала на колени перед сидевшими за столом. – Смилуйтесь, люди добрые! Не трогайте мальчишку! Он же уже сказал, что первыми нашли боярышню твои люди, боярин Светозар Алексеевич. Что же ты молчишь?! Ты же уже допрашивал мальчишку!

– Вот как! – деланно удивлённо приподнял брови дьяк Лаврентий и повернул голову к боярину Скобелеву. – Правду ли говорит эта баба, Светозар Алексеевич? Ты всё-таки начал допрашивать людишек без меня? Как мне это понимать?

– А я его предупреждал, дьяк Лаврентий, что без тебя никак нельзя, – вздохнул боярин Пешков. – Только ведь отцовское горе безутешно. Не стал меня слушать Светозар Алексеевич – начал дознание проводить. Очень уж ему хотелось скорее найти убийцу своего дитяtko.

– В таком случае я уже ничего поделать не могу, – пожал плечами дьяк Лаврентий. – Не могу я обманывать Великого государя и должен буду ему сегодня же сообщить, что боярин Скобелев нарушил правила главного закона нашего – Судебника.

– Воля твоя, дьяк Лаврентий, – кивнул головой боярин Пешков и посмотрел прямо в глаза боярина Скобелева. – Только ведь, дьяк Лаврентий, мы могли бы, и понять убитого таким горем отца.

У боярина Скобелева в глазах появилось недоумение.

– Понять-то можно, – негромко прозвучал тонкий голосок дьяка Лаврентия. Он задумчиво постучал по деревянному некрашеному столу костяшками пальцев и посмотрел мимо боярина Пешкова куда-то ему за спину.

– Так сотвори такую милость, дьяк Лаврентий, – так же тихо произнёс тот, пытаясь поймать взгляд дьяка. – Назови свои условия.

Дьяк перевёл взгляд на боярина Пешкова и хмыкнул:

– Нравишься ты мне, Антон Спиридонович. Всё ловишь на лету. А вот только от самого Светозара Алексеевича я ничего не слышу. А то может он всё по-другому думает. А, Светозар Алексеевич?

Массивная фигура боярина Скобелева напряглась, в глазах было полыхнул огонь, но он тут же опустил голову и невнятно пробормотал:

– Нет, нет, дьяк Лаврентий. Всё правильно сказал боярин Пешков. В горе своём я своеволие проявил. Будь милостив, не доноси Великому государю. Отблагодарю.

– Ох-хох-хоюшки... благодарность дело, конечно, нужное, но не самое главное. Главное – честно служить Великому государю и отечеству, – притворно озабоченным тоном произнёс дьяк, что-то записывая гусиным пером на листочке. Вздохнул и, пододвинув листок к боярину Скобелеву, добавил: – Вот ведь не хватает на нашем монашеском подворье в Акинфеевке – ни животины, ни птицы, ни кормов. Я тут всё записал, чтобы тебе, боярин Светозар Алексеевич, не забыть бы чего. Вот в конце недели и доставь всё туда. Монахи сами разберутся там – что к чему. Или возражения какие будут?

– Нет, дьяк Лаврентий, никаких возражений. Всё ты правильно говоришь. Святое дело – монахам посильную помощь оказать, – торопливо произнёс боярин Пешков и схватил листок. – Я сам прослежу, чтобы всё было исполнено, как ты сказал. А то Светозар Алексеевич в горе своём может и упустить чего.

– Услужлив ты и умён, Антон Спиридонович. При случае похвалю тебя Великому государю. Пусть знает, что и среди бояр у него остались ещё усердные к службе верные люди, – кивнул головой дьяк Лаврентий и посмотрел на стоявшую до сих пор на коленях перед ними женщину. – А теперь давайте продолжим. Я так понимаю, что это мать того мальчишки, что принёс тебе недобрую весть. И правда ли, что это не он первым нашёл твою дочь, Светозар Алексеевич?

– Мальчишка так говорит. А вот, правда или нет – мы не успели ещё проверить, – глухо произнёс боярин Скобелев. – Пригнали всех мужиков, что есть здесь у меня на подворье, чтобы он показал, кто из них приказал ему бежать сюда с... с этим известием.

– Меня сейчас больше интересует не то, кому и что сообщил мальчишка. Меня интересует, кто мог совершить такое злодейство. Хочу посмотреть на мальчишку. Выведите его сюда, – махнул холопам рукой дьяк Лаврентий. Те кинулись к стоявшим особняком в толпе дворовых людей скоморохам.

– А-а-а, дяденька Ратмир... я боюсь, боюсь! – горячо зашептал Теодорка, вцепившись в руку Ратмира и прижавшись к нему всем телом. – Я не хочу на дыбу!.. Пожалуйста, миленький дяденька... пойдём со мной... мне с тобой не так страшно. Пожалуйста, дяденька Ратмир!

– Не бойся, Теодорка. Я пойду с тобой. Не трогайте его! Я сам его сейчас выведу, – прикрикнул на слуг Ратмир и, приобняв мальчишку за плечи, вышел вместе с ним в круг

перед боярским столом.

Стоявшая на коленях Елена протянула, было, руки к сыну, но, поймав взгляд Ратмира, быстро прижала их к груди и выжидательно замерла.

– Баба, пошла прочь отсюда, – скомандовал ей дьяк и, оценивающе посмотрев на Теодорку, покачал головой. – Нет, этот ещё совсем юнец. Пошёл вон отсюда, щенок, вместе со своей мамашей!

Не веря своим ушам, Елена с Теодоркой переглянулись и, не скрывая радости, кинулись друг другу в объятия и поспешили скрыться в толпе. Ратмир вздохнул с облегчением, и тоже направился было к стоявшим неподалёку скоморохам.

– А ты – стой! – неожиданно он услышал обращённый к нему голос дьяка Разбойного приказа Лаврентия. Ратмир обернулся и увидел, что дьяк смотрит прямо на него и машет ему призывным жестом.

– Иди-ка сюда, скоморох! – писклявый голос дьяка не предвещал ничего хорошего. – Я так понимаю, бояре, что до этого безбородого фигляра вы не успели добраться, – с усмешкой произнёс дьяк Лаврентий.

– Сказали же уже, дьяк Лаврентий, что послали за тобой человека, да боярин Скобелев в горе своём поспешил только начать дознание, – развёл руками боярин Пешков и покачал головой.

– Ну, ладно, ладно, не сомневаюсь я, что так и было, – опять ухмыльнулся дьяк Лаврентий и с довольным выражением лица махнул рукой в сторону Ратмира. – Вот с кого нужно было начинать, бояре. Вы только посмотрите на этого скомороха. Один вид его заставляет думать о его неблагонадёжности. Бесовское отродье – эти скоморохи. Вместо того, чтобы усердно трудиться на благо отечества и господина своего, сеять хлеб или пасти скотину какую, они мотаются по всей матушке Руси. Праздношатающиеся людишки без роду и племени. Не знающие корней своих. Не гнушающиеся ничем – ни воровством, ни конокрадством, ни прелюбодеем...Соблазняющие честных людей бесовскими картинками, мерзкими сценками на господ и праведных служителей церкви. Исполняющие богопротивные песенки и танцы. Искушающие ваших детей угодными нечистому речами и образами. Таких надо вешать и жечь огнём сразу – без всякого дознания и суда. А некоторые очарованные этим бесовским отродьем уважаемые граждане зовут их к себе на двор, чем вводят в искушение себя, близких и холопов своих. И вот он – результат такого проступка. Вчера все вы скакали тут с этим отродьем в мерзких плясках и слушали его мерзкие песенки, а сегодня плачете горькими слезами о погибшей боярышне и страшитесь праведного дознания, – тонкий фальцет дьяка неожиданно смолк.

На дворе стало тихо. Ратмир стоял перед боярами и, внимательно слушая дьяка, вёл безмолвный разговор со своими товарищами. Он перекидывался взглядами с рыжим Василием, стариком Никифором, мысленно прикидывал расстояния до забора, до ворот. Пока дьяк говорил, в толпе незаметно растворились и исчезли карлица Авдотья и Елена с сыном.

Ратмир ещё раз вопросительно глянул на старика Никифора, но тот подмигнул ему, и в глазах Ратмира запрыгали чёртики. Лёгкая улыбка тронула уголки его губ.

– Ну, так что, бояре?! – вновь тишину пронзил резкий фальцет дьяка Лаврентия. – Я даже уверен, что этот скоморох и убил боярскую дочь. А, если и не он, то кто-то из его сотоварищей. Поэтому считаю возможным его первым сейчас вздёрнуть на дыбу, и он нам

вскорости тут же и признается, что всё это сотворил он сам или же вместе со своими такими же бесноватыми приятелями. Что скажешь, Светозар Алексеевич, а?

Боярин Скобелев глубоко вздохнул и, кинув сумрачный взгляд на Ратмира, согласно кивнул.

– Вот и замечательно! – радостно воскликнул дьяк Лаврентий и, хлопнув в ладоши, громким фальцетом приказал:

– Эй, ребяташки, тащите этого скомороха к воротам. На дыбу его!

Ратмир побледнел и, прищутив глаза, напрягся всем телом. В этот момент неожиданно за воротами послышался топот конских копыт, скрип колёс, и раздался громкий стук.

– Эй, открывай ворота! Государево слово для боярина Скобелева! – громкий мужской голос за забором нарушил тягостную тишину, наступившую на боярском дворе.

– Вели открывать скорее, Светозар Алексеевич, – засуетился дьяк Лаврентий, дав рукой знак своим слугам пока не трогать скомороха.

Двое рослых мужиков подбежали к воротам и с трудом, рывками стали открывать тяжёлые оббитые железом ставни ворот. Начинаящее коченеть тело несчастного Артёмки тяжело покачивалось при каждом рывке. Во двор, распугав толпу людей, влетела тройка породистых лошадей, и из повозки торопливо выбрался невысокий, дородный мужчина с румяным лицом и окладистой русой бородой. Он одёрнул полы своего широкого малинового кафтана и обеспокоенно окинул взглядом толпу слуг, белый навес, под которым расположились за деревянным столом дьяк с боярами. Кинув взгляд на стоявшего в центре Ратмира, спросил:

– Что это у тебя происходит здесь, Светозар Алексеевич?

– А-а, сам боярин Лука Дементьевич к нам пожаловал! Вот уж кого не ждали, да чудо случилось! – с напускной радостью из-за стола поспешил к нему дьяк Лаврентий и тут же изобразил скорбь на своём лице. – Видать, и до тебя дошла горькая весть, Лука Дементьевич?

– Весть эта уже дошла до всех. И послал меня наш Великий государь-батюшка передать тебе, Светозар Алексеевич, своё соболезнование и пожелание скорейшего розыска убийцы, – мужчина посмотрел на закрывающиеся ворота и, увидев болтающийся на верёвке труп холопа, покачал головой. – А вы тут, я смотрю, время даром не теряете.

Ратмир по-прежнему стоял в центре и внимательно наблюдал за происходящим. Он встретился глазами с прибывшим и тут же отвёл взгляд в сторону.

– Распусти всех своих людей по избам, Светозар Алексеевич. Разговор у меня к тебе будет, – отирая рукавом пот со лба, произнёс Лука Дементьевич. – И даже не спорь со мной, дьяк Лаврентий. Считай, что это указ самого Великого государя.

Лицо дьяка потемнело, но вслух он льстиво забормотал:

– Как скажешь, Лука Дементьевич, как скажешь! Не могу перечить Великому государю. Вот прямо сейчас отправлюсь к нему и доложу о наших делах здесь и твоём прибытии.

– Доложи, доложи, дьяк Лаврентий, – усмехнулся боярин Лука Дементьевич и посмотрел на сидевшего под навесом боярина Пешкова. – И тебе уже тоже пора, Антон Спиридонович, ко двору. Великий государь спрашивал про какие-то документы, что должен был ты ему подготовить к собранию Ближней Думы.

– Так он же велел подготовить их к воскресенью! – вытаращил глаза боярин Пешков.

– Этого я не знаю. Но спрашивал он про эти документы сегодня утром, – пожал плечами Лука Дементьевич. – Моё дело маленькое. Я тебе передал, а ты уж сам решай, что для тебя

сейчас важнее.

– Ясно дело, что указ Великого государя для меня важнее всего, – озабоченно произнёс боярин Пешков и, тяжело поднявшись из-за стола, развёл руками: – Прости, Светозар Алексеевич, долг перед Великим государем велит мне покинуть тебя в столь скорбный час.

– С Богом, Антон Спиридонович! – махнул рукой боярин Скобелев. – Передай Великому государю мой низкий поклон за его участие и добрые слова.

– Людишек своих не забудь по избам распустить, да пусть продолжают по хозяйству заниматься. И вели пока никого с подворья своего не выпускать до твоего особого указа. Кроме дьяка Лаврентия и боярина Пешкова, конечно, – склонился к нему Лука Дементьевич.

– Понял я, Лука Дементьевич. Эй, Устин, иди сюда, – подозвал боярин Скобелев своего управляющего.

Не прошло и пяти минут, как подворье боярина Скобелева опять почти обезлюдело. Праздношатающихся и ребятни не было видно. Только холопы, присматривающие за скотом, птицей, да кухонные работники бесшумно, тенью пробегали вдоль деревянных построек.

– Да уж, жаркий денёк выдался! – покачал рыжеволосой головой силач Василий. – Что-то я не припомню таких приключений. Думал, что придётся скамью из-под бояр выдёргивать, да разгонять всех по углам.

– Однако обошлось. Слава тебе, Господи! – перекрестился старик Никифор, первым поднимаясь по добротным деревянным ступенькам в избу. – Иди-ка ты, Василий, сходи за нашими. Хорошо, что Ратмир как знал – заранее обучил нас всех, кому что делать в таких случаях. Вот и сидят сейчас наши в схроне, дожидаются условленного знака.

– Пойду, пойду, а то моя Авдотья потом выдаст мне по первое число, что так долго не шёл за ними, – усмехнулся Василий и поспешил за угол избы.

Старик Никифор и Ратмир вошли в избу и первым делом налили себе по ковшу медовухи. Ратмир залпом опустошил ковш и, присев на скамью, шумно выдохнул:

– Прав, Василий. Весёленький денёк у нас сегодня получился.

– Боярин-то Саврасов Лука Дементьевич как быстро успел добратся. Молодец! – негромко произнёс старик Никифор и внимательно посмотрел на Ратмира. – Как раз успел.

– Это же хорошо, когда всё вовремя получается, – улыбнулся Ратмир и направился в сторону своей лавки. – Побриться мне нужно. Да и прилягу потом, пожалуй. А то за день сегодня столько настоялся, что даже у меня ноги гудят.

– Ты сразу и лёг бы отдохнуть. Да знаю, знаю, не кривись – не терпишь ты щетины на лице, – усмехнулся старик Никифор, наблюдая за тем, как Ратмир стал подготавливать свой бритвенный прибор.

– Закончишь, и ложись, отдохни. Да и я тоже прилягу. Годы мои уже не те, чтобы без отдыха такие выкрутасы наблюдать, – старик Никифор тоже опустился на лавку и спросил: – А как ты думаешь, Ратмир, когда мы теперь сможем отсюда уехать? Я так понимаю, что Лука Дементьевич, помня о том, как ты тогда его выручил, не забыл об этом. Поэтому и прискакал сюда спасать тебя, ну и нас заодно. Так ведь?

– Всё может быть, Никифор. Это хорошо, когда люди добро помнят. А то ведь бывает и так, что сделаешь кому доброе дело, а он же потом тебя за это и ненавидеть начинает, – откликнулся Ратмир, привычно проводя серебряным бритвенным станком по щеке.

– И такое у тебя было?

– Было, Никифор, было. Как будто ты сам с этим никогда не сталкивался, – усмехнулся Ратмир.

– Да уж сталкивался, наверное. Если хорошенько в башке поковыряться, то может и вспомню... И ещё одно я не пойму, Ратмир. Как же Лука Дементьевич-то узнал, что здесь такое творится? Кто ему успел сообщить?

– А кто же его знает. Слухом земля полнится.

– Уж больно быстро слух этот долетел куда надо, – вздохнул старик Никифор. – Да-а, Ратмир. Ты вот с нами почти пять лет и никто из нас уже и не представляет себе, как это мы раньше жили без тебя. Кто мы раньше были? Оборванцы, нищие фигляры. А как ты к нам прибился, так удача и попёрла. И на представления наши всегда толпа собирается. И по разным странам мы путешествовали. Столько интересного успели уже повидать и попробовать. Даже в боярских подворьях стали представления давать. Это же когда такое

было, чтобы скоморохи у бояр по дворам выступали?!

– Так Великий государь тоже любитель посмотреть на скоморошья потешки. Только у него там свои – придворные скоморохи. А так глядишь, когда и нас позовут к нему выступать, – усмехнулся, заканчивая бритьё Ратмир. Он ополоснул лицо из кувшина над медным тазом и утёрся чистым рушником.

– Ты же сегодня сам слышал, как дьяк Лаврентий ругал нас, называя людьми без рода и племени, и конокрадами, и бесовским отродьем.

– Ну, дьяк Лаврентий тоже не святой, – жёстко прозвучал голос Ратмира. – Настанет день – и ему придётся ответить за свои грязные дела.

– Не буду много болтать, Ратмир. Я ведь тоже много чего замечаю, только молчу, – присел на скамье старик Никифор.

– Вот и не болтай. Молчание – оно всегда золотом окупалось, сам знаешь... Всё, Никифор, давай передохнём немного. Мне хоть на пять минуток бы заснуть. Что-то я так устал сегодня, – разлёгся на скамье устланной полотнами Ратмир.

– Спи, спи, родимый. Кто его знает, что нас ещё ждёт сегодня, – опять вздохнул Никифор.

В этот момент послышались шаги на крыльце, и с радостными возгласами в избу завалилась вся четвёрка скоморохов: силач Василий, карлица Авдотья и Елена с Теодоркой.

– Тс-с-с, тихо вы! Оглашенные! Дайте человеку поспать немного. Он за вас, чертяк, сегодня столько перестрадал. Даже чуть на дыбу не отправился! – шёпотом прикрикнул на них, подскочивший на лавке старик Никифор.

В избе тут же наступила тишина и, тихо перешёптываясь, скоморохи стали делиться впечатлениями о пережитом.

В боярской трапезной было тихо. Большой деревянный стол, стоявший во дворе, уже успели перетащить на место. И именно за ним сейчас восседали боярин Скобелев и боярин Саврасов.

– Устин, вели ужин подавать, – приказал боярин Скобелев своему управляющему и добавил: – И больше чтобы никто сюда не заходил, пока я сам не позову.

– Как скажешь, батюшка! – засуетился старик Устин. – Там сыновья твои Тимофей и Матвей прибыли. Что им передать?

– Скажи, пусть матушку пока свою навестят. Потом я сам с ними буду разговаривать, – хмуро произнёс боярин Скобелев и опять повернулся к сидевшему напротив него боярину Саврасову Луке Дементьевичу. – Мы одни остались, Лука Дементьевич. Говори, что хотел ты сказать мне. Для чего дознание прервал, да дьяка Разбойного приказа с боярином Пешковым усрал с моего подворья?

– А усрал я их, чтобы ты смог найти настоящего убийцу своей дочери и чтобы никто больше из безвинных людей не пострадал от дознания дьяка Лаврентия, – просто ответил боярин Саврасов, пригубив серебряный кубок с водой.

– Ты что ли поможешь мне искать убийцу? – поднял на него сумрачный взгляд боярин Скобелев. – Так дьяк вот-вот начнёт докладывать Великому государю, что я тут без его одобрения взялся дознание проводить.

– Про то и не думай. Я сам Великому государю потом всё поясню, – махнул рукой боярин Саврасов. – Вот что я хотел тебе сказать, Светозар Алексеевич. Есть человек, которому можно доверить розыск этого нелюдя. Слушай меня внимательно. Год назад один человек украл у меня послание Великого государя английскому послу, которое я должен был передать ему лично в руки.

– Ты никогда не рассказывал мне об этом, – удивлённо вскинул брови боярин Скобелев.

– Кто же будет трезвонить об этом на каждом углу? А потом выяснилось, что этот человек – мой двоюродный братец, который решил мне таким макаром карьеру подпортить. Перед Великим государем меня предателем и изменщиком выставить хотел и всё моё добро, в награду за донос, себе заграбастать. Я тогда думал, что всё – конец мне пришёл. Сам знаешь, как Великий государь после измены Курбского стал к нашему брату относиться. Только шепнул мне один человек, что есть такой мастер на все руки, что может попытаться найти злодея, – пригнувшись к столу негромко, но убедительно произнёс боярин Саврасов.

В этот момент скрипнула дверь, и на пороге появился старик Устин:

– Батюшка, дозволишь ли еду занести?

– Заносите быстрее, да оставьте нас! – раздосадовано прикрикнул на него боярин Скобелев. – Вот ведь – на самом нужном месте принесла его нелёгкая!

– Ничего, Светозар Алексеевич. Я никуда не тороплюсь. Могу и заночевать у тебя остаться, если засидимся до ночи, – откинулся спиной к деревянной, бревенчатой стене боярин Саврасов.

– Оставайся, Лука Дементьевич, места всем хватит, – нетерпеливо стал постукивать пальцами по столу боярин Скобелев, пока управляющий Устин и холопы принялись расставлять на широком деревянном столе большие блюда с разнообразной, вкусно пахнущей

едой. Наконец все слуги вышли из комнаты, и Устин, поклонившись, выходя из трапезной, плотно прикрыл за собой массивную деревянную дверь.

– Ну, говори, Лука Дементьевич, кто этот человек? – сложив руки перед собой на столе и глядя исподлобья на собеседника, недоверчиво произнёс боярин Скобелев. – И как быстро он может найти нелюдя этого?

– Как быстро он сможет найти татя – точно не могу сказать. Но то, что он постарается найти именно того, кто это сделал – это я тебе обещаю, – боярин Саврасов Лука Дементьевич поднёс к губам серебряный запотевший кубок с холодным вином и сделал глоток.

– Так посылай скорее за ним гонца! – воскликнул боярин Скобелев.

– Никуда никого не нужно посылать, – покачал головой боярин Саврасов. – Зови сюда своего Устина.

– Мой Устин?! – изумился Светозар Алексеевич.

– Да нет же! – досадливо махнул рукой боярин Саврасов. – Я скажу Устину, кого нужно сейчас сюда привести.

Боярин Скобелев поспешно кивнул и громким голосом кликнул тиуна Устина. Тот тут же начал приоткрывать тяжёлую дверь.

– Хм ... он, похоже, у тебя прямо под дверью всегда стоит, – хмыкнул Лука Дементьевич и, прищутив левый глаз, внимательно посмотрел на старика Устина.

Последний, подобострастно глядя на своего хозяина, застыл неподалёку от стола:

– Слушаю тебя, батюшка.

– Не меня слушай сейчас, а Луку Дементьевича, – кивнул в сторону своего гостя боярин Скобелев. – И быстро мне приведи сюда того, чьё имя он тебе сейчас назовёт.

– Как же, как же, прямо сей момент и приведу. А кого вести-то, боярин Лука Дементьевич? – старик Устин с подобострастием склонился перед боярином Саврасовым.

– Приведи сюда того молодого скомороха, что стоял у вас тут в кругу, когда я только приехал. Ратмиром его кличут, – Лука Дементьевич поддел рукой лебединую ножку и смачно откусил от неё приличный кусок.

– Скоморох?! – изумился боярин Скобелев

– Он самый, – согласно кивнул боярин Саврасов.

– Что стоишь как столб?! Бегом за скоморохом этим! – рявкнул на своего тиуна растерянный боярин Скобелев. Старик Устин опрометью кинулся вон из комнаты. За столом воцарилась тишина.

Первым молчание нарушил боярин Саврасов:

– Понимаю твоё удивление, Светозар Алексеевич. Я и сам немало был потрясён, когда мне рассказали про Ратмира. До самого конца не доверял ему. А вот, когда он доказательствами прямо припёр к стенке моего поганца-братца, и тот при мне из тайника достал украденные документы – вот тогда я только и понял, от чего спас меня этот самый скоморох. А то болтаться бы мне самому на дыбе или где на каторге гнить, если бы не нашёл он тогда эти документы. Великий государь запросто мог меня в измене обвинить.

– Человек ты всеми уважаемый, Лука Дементьевич, и сам Великий государь тебя жалует. Хоть и сказочно мне такое слышать про скомороха, но так и быть – поверю твоим словам. Нет у меня другого выхода, – вздохнул Светозар Алексеевич. – Только никак я в толк не возьму – как скоморох может разбираться в сыском деле?

– И мне это дивным казалось. Но ты сейчас сам всё увидишь. Главное, чтобы он

согласился помочь тебе, – усмехнулся боярин Саврасов.

– А что – он будет ещё думать – помогать мне или нет?! – неприятно удивился боярин Скобелев.

– Так он же не твой холоп, Светозар Алексеевич. Он и его скоморохи – людишки вольные. Да и после того, как ты его собрался было на дыбу вздёргивать... Вот, если бы я не приехал ко времени с государевым словом, – пожал плечами боярин Саврасов.

– Тогда на дыбу все его людишки и пойдут, если вздумает выкобениваться! – зло стукнул по столу кулаком боярин Скобелев.

– Нет, так дело не пойдёт, Светозар Алексеевич, – покачал головой боярин Саврасов. – Ты же не хочешь среди боярского сословия прослыть тираном и убийцей вольных людей, баб и детишек? Да и Великий государь опасается людей, которые своевольничают и Судебнику не подчиняются...

– А ты, Лука Дементьевич, не своевольничаешь? Судебник не нарушаешь? Дьяка Лаврентия вон отослал. А ведь он дознание как раз по всем правилам проводить взялся, – пытливо посмотрел на собеседника боярин Скобелев.

Лицо боярина Саврасова помрачнело:

– Хотел как лучше для тебя, Светозар Алексеевич. Как для настоящего товарища радел. Но ты, я вижу, не особо правды хочешь найти. Тебя больше собственное величие беспокоит. Прощай, оставаться здесь больше я не вижу смысла. Благодарствуй за вкусную трапезу, – боярин Саврасов отёр лоснящиеся от жира губы тыльной стороной ладони и стал медленно подниматься из-за стола.

– Сядь, Лука Дементьевич, – глухо произнёс боярин Скобелев. – Прости. Сам знаешь, какое горе у меня. Вот и говорю иногда лишнего. Немного у меня друзей-товарищей. И тебя я не могу потерять. Только просьба у меня к тебе – сам разговаривай с этим скоморохом.

– Ратмир его имя, – опустил ся опять на скамью, покрытую дорогим бархатом, боярин Саврасов.

– Говори с ним сам и так, чтобы он взялся помочь мне найти убийцу моей Богданушки, – подперев голову рукой, попросил Светозар Алексеевич. – А я век тебе не забуду, если смогу покарать смертельного обидчика моего.

В этот момент опять натужно заскрипела входная дверь, и на пороге появился тиун Устин. Он склонился в поклоне:

– Дозволишь ли, батюшка, зайти сюда скомороху Ратмиру?

– Зови скорее, – ответил за боярина Скобелева Лука Дементьевич. Старик Устин вопросительно глянул на своего боярина и, увидев его одобрительный кивок, крикнул в проём двери:

– Эй, скоморох, где ты там? Заходи.

В проёме двери показался Ратмир. Он был в голубой, шёлковой рубашке, подпоясанной кушаком, сером кафтане и в тех же серых портках, и в мягких сапогах.

– Здравы будьте, бояре! – негромко произнёс он и поклонился им в пол.

– И тебе того же, Ратмир. Всё, Устин, ты можешь идти. Позовём, когда нужно будет, – кивнул тиуну боярин Саврасов. Он подождал, пока старик Устин прикроет за собой дверь, и радушно махнул рукой Ратмиру:

– Присаживайся с нами за стол.

Поймав удивлённый взгляд Ратмира, торопливо пояснил:

– Дело есть к тебе. Боярин Светозар Алексеевич просит помочь разыскать убийцу его дочери.

– Прости, боярин, только я не понимаю, как простой скоморох может помочь в таком серьёзном деле? – не трогаясь с места, спокойно произнёс Ратмир.

Боярин Скобелев вскинул было гневно голову, но Лука Дементьевич, положив руку на его плечо, просительно произнёс:

– Не сердись, Ратмир. Считаю, что это я тебя прошу. Светозар Алексеевич – мой лучший друг. Сам знаешь, какое горе у него. В таком состоянии человек много чего может лишнего наговорить или сделать...

– Даже на дыбу отправить ни в чём неповинных людей, – тряхнул головой Ратмир.

– Даже так, – согласился с ним боярин Саврасов. – А потому помоги же найти настоящего убийцу, чтобы больше никто из безвинных не пострадал.

Наступило тягостное молчание. Ратмир стоял, не шелохнувшись на месте. Боярин Скобелев сидел, опустив голову, а боярин Саврасов мимикой лица пытался сказать Ратмиру, чтобы тот скорее соглашался.

Неожиданно поднял голову боярин Скобелев и, пристально посмотрев в глаза Ратмиру, глухо произнёс:

– Я не знаю, почему так за тебя ратует Лука Дементьевич, но верю ему. И если ты и взаправду можешь как-то помочь мне разыскать настоящего убийцу моей Богданушки, то прошу у тебя прощения за свои несправедливые деяния. И прошу твоей помощи как у равного.

– Ну, равным мне с тобой, боярин, всё равно никогда не стать, – Ратмир машинально откинул рукой назад черные пряди волос. – И прощения просить за несправедливые дела нужно не только тогда, когда тебе самому помощь понадобилась.

– Не слишком ли ты борз, скоморох?! – опять было вскинулся боярин Скобелев. – Никому ещё я не позволял так с собой разговаривать!

– Замолчите оба! – прикрикнул на них боярин Саврасов. – Садись, Ратмир, за стол и перестань набивать себе цену! А ты, Светозар Алексеевич, тоже имей мужество слушать тех, в чьей помощи нуждаешься. И не смей перебивать меня! – стукнул он по столу кулаком, видя, что они оба открыли рты в попытке ещё что-то сказать. – Слушайте! Вы можете сейчас долго учить друг друга – кто из вас важнее или кому что нужно делать. Ты, Ратмир, со своими людьми можешь надолго загреметь в каталажку, когда этим делом продолжит разбираться дьяк Лаврентий со своими сподручными в Разбойном приказе. И ещё неизвестно, чем это для вас закончится. А ты, Светозар Алексеевич, должен уже понимать, что и среди боярского сословия мерзавцев хватает, и, что среди скоморохов могут быть полезные тебе люди. Или я когда обманывал или подводил тебя?! Ты же, считай, с малолетства знаешь меня. Так что, други мои, призываю сейчас немного остудить свой пыл и норы, и начать разговор по делу. Согласны? Не слышу... Ещё раз спрашиваю – согласны?

– Я согласен, – вздохнув, произнёс Ратмир и опустился за стол на лавку напротив боярина Скобелева. Тот несколько секунд пристально смотрел ему в глаза и глухо произнёс:

– И я согласен. Добро пожаловать за мой стол, Ратмир.

– Благодарю, боярин Светозар Алексеевич. Только у меня есть несколько просьб, без исполнения которых я и шагу не сделаю для поиска убийцы боярышни, – не дотрагиваясь до еды, произнёс Ратмир.

– Ну ...говори свои условия, скоморох, – нахмурился боярин Скобелев.

– Раз я остаюсь здесь на несколько дней, то моим людям нужно обеспечить еду, баню,

постельные вещи. Лошадям корм и выгул.

– Всё будет, – коротко ответил боярин Скобелев.

– Теперь главное – я должен иметь возможность встречаться и разговаривать со всеми, с кем посчитаю нужным, включая женщин и девиц в тереме, – твёрдо произнёс Ратмир, глядя прямо в глаза помрачневшему боярину Скобелеву, и добавил: – Знаю, что слышу любителем женского полу и это правда. Но в этом деле обещаю тебе, боярин, что ни к одной из твоих женщин в тереме у меня известного интереса не будет. Разговоры мне с ними нужны будут только для дела. И иногда – один на один, потому что некоторые вещи говорят только наедине. Согласен ли ты с этим, боярин Светозар Алексеевич?

– Куда ему деваться?! Ты же обещание дал, что не будешь его женщин и девиц завлекать, – усмехнулся боярин Саврасов. – Главное, чтобы они сами не стали на тебя, Ратмир, засматриваться.

– Не станут, – тихо, но многозначительно произнёс боярин Скобелев. И добавил: – Иначе быть им засеченными плетью до смерти. Что ещё?

– Мне нужна свобода для входа и осмотра всех построек, что есть у тебя на дворе. Лошади для поездок по твоему делу. И свободный выход со двора в любое время дня и ночи. Ну и денег на дорожные расходы.

– Ратмир в деньгах разумен, и лишнюю копейку не возьмёт. По себе знаю, – подал голос боярин Саврасов, опустошая тарелку с варёными раками.

– Денег дам, сколько скажешь, и после приплачу щедро, если доставишь мне убийцу ко двору. И с остальным я соглашусь. Только скорее начинай свой розыск, скоморох. Прямо с завтрашнего утра! – воскликнул боярин Скобелев.

– А чего откладывать на утро? – пожал плечами Ратмир и невозмутимо добавил: – Прямо сейчас и начнём. Только у меня последняя просьба осталась к тебе, боярин Светозар Алексеевич. И самая важная для меня...

– Говори, не томи.

– Будь добр – никогда и никому потом не говори обо мне, не проси помогать в розыском деле кому-либо ещё. Я простой скоморох, и не моё это дело. Бог мне помогает, но я не хочу заниматься розыском. На это есть специальные государевы службы.

При этих словах боярин Саврасов быстро опустил глаза вниз.

– Однако! – воскликнул поражённый боярин Скобелев. – Даже что ответить тебе – не придумаю. Хорошо, скоморох, обещаю, что не буду говорить о тебе никому и не буду никому рекомендовать. Мне только помоги.

– Постараюсь, боярин. Только уж и ты своё слово потом держи. А то некоторые вон тоже обещали, да слова своего не сдержали, – Ратмир кинул на боярина Саврасова укоризненный взгляд.

Тот чуть не поперхнулся, но прокашлявшись, пожал плечами:

– Чего не сделаешь за ради друга. Да ты, Ратмир, поешь. Когда ещё вот так за боярским столом сидеть придётся?

– Вели, боярин Светозар Алексеевич, моим людям еды дать да баньку для них истопить. А то третий день в пути. Я и сам потом в баньку схожу. Вот сейчас спрашиваю у тебя кое о чём, перекушу, чем Бог послал, да пойду смывать дорожную пыль. А с утра постараюсь начать своё дознание, – Ратмир потянулся к блюду с румяными пирогами...

– Ох, и набил же я себе утробу! Да вы тут уже начинайте свои беседы вести, а я пойду и сам всё прикажу Устину. Заодно и спрошу у него, где отведённые мне покои. А завтра

утречком встретимся, да и поеду я ко двору государеву. Нельзя упускать никаких новостей, сам знаешь, Светозар Алексеевич, – тяжело пыхтя, поднялся из-за стола боярин Саврасов.

– Всем ли ты доволен, Лука Дементьевич? – спросил напоследок боярин Скобелев. – Если какие просьбы, то вели Устину. Он всё исполнит.

– Да, всем. И спросить ещё хотел – погребение дочери твоей завтра?

– Завтра, Лука Дементьевич, завтра. Устин уже всем распорядился. В Лавре под папертью похороним Богданушку. А сейчас она уже в часовенке. Матушка и братья её ночь там бдеть будут. Я и сам пойду туда же после разговора со скоморохом, – вздохнул боярин Скобелев. – Иди отдыхать, Лука Дементьевич. Утром увидимся.

Дверь за боярином Саврасовым закрылась, и боярин Скобелев остался наедине с Ратмиром.

Последний сделал глоток вина из серебряного кубка и, глядя, не мигая в глаза боярину Скобелеву, тихо спросил:

– Расскажи мне боярин про свою дочь. Расскажи всё, что тебе хотелось бы о ней рассказать.

Неожиданно для себя боярин Скобелев только сейчас окончательно осознал, что его дочери больше нет. До этого момента он бессознательно всё отгонял от себя эту чудовищную мысль и старался не думать о случившемся. Старался спрятаться от неё в череде событий сегодняшнего дня. Но, оставшись сейчас один на один с этим странным скоморохом, он вдруг почувствовал пронзительную тоску и боль от осознания того, что, действительно, больше никогда уже не услышит серебряный голосок единственной дочери, не увидит её прозрачных, светящихся радостью глаз. Светозар Алексеевич быстро прикрыл лицо огромными ладонями, и его плечи затряслись от сдавленных рыданий. Ратмир сидел напротив и молча, смотрел, как рыдает убитый горем этот грозный, огромный боярин.

На лице скомороха не шевельнулся ни один мускул. Он ждал...

Наконец боярин стал успокаиваться и, шумно сморкаясь в материю, взятую со скамьи, тихим голосом попросил Ратмира:

– Не говори никому о том, что видел сейчас.

– Не вижу ничего постыдного в слезах по убитой дочери. Но раз просишь – то, конечно, никому не скажу. Сколько лет было твоей дочери? И есть ли у тебя ещё дети, боярин?

– Есть у меня ещё два сына – Тимофей и Матвей. Они намного старше моей дочери... После их рождения Бог долго не давал нам деток, а жена моя Матрёнушка очень хотела дочку. И мы много лет ездили с ней по святым местам и молили даровать нам девочку. Потому и назвали её Богданушкой, как только она родилась. В этом году четырнадцать годков должно было исполниться, – судорожно вздохнул боярин Скобелев.

– Самый возраст, – кивнул Ратмир. – Сватался ли уже к ней кто-нибудь?

– Сватов ещё никто не присылал. Но среди бояр несколько человек спрашивали меня – не хочу ли я породниться с ними, обручив наших детей.

– Водил ли ты, боярин, уже свою дочь куда-либо на ярмарки, маскарады или на пиршества ко двору Великого государя? – Ратмир отпил глоток вина и отставил бокал в сторону.

– Это у нашего боярского сословия всегда под строгим запретом. Наши бабы и девицы только в теремах и обитают. Что до замужества, что – после. Соблазнов много, – боярин Скобелев взял со стола ковш с мёдом и, пригубив, поставил опять на стол. – Много у тебя

ещё вопросов, скоморох?

– Так это не мне, боярин, нужно, – пожал плечами Ратмир. – Ты можешь меня отпустить и идти, куда тебе нужно. Только я тогда не берусь помочь тебе. Я не могу заниматься розыском, не имея нужных мне сведений.

– Спрашивай дальше, скоморох, – вздохнул боярин Скобелев.

– Есть ли у тебя злейшие враги, Светозар Алексеевич?

– А у кого же их нет?! – искренне удивился боярин Скобелев. – И у тебя они, наверняка, есть...

– Мы сейчас не обо мне говорим, боярин. Просто отвечай на мои вопросы, и дело пойдёт быстрее, – сухо возразил ему Ратмир.

– Что тебе даст знание их имён? Ты ведь всё равно не знаешь этих людишек, скоморох, – посетовал боярин Скобелев.

– А ты, боярин, рассказывай. Я сам потом решу – что мне с этим делать, – нахмурился Ратмир.

– Ну, хорошо... Андрей Галицкий – мой злейший враг.

– Тот самый? – удивлённо поднял брови Ратмир.

– Он, гадёныш. Вначале тихой сапой влез ко мне в товарищи из худородных княжат. А потом, когда я за него поручился перед Великим государем, уверился в своей неприкосновенности и стал мерзопакостные вещи наговаривать про меня при дворе.

– Это, какие же?

– Дескать, занимаюсь я непотребством с девками своими и знаюсь с ведьмачкой с Терлецкого озера.

– Ну, с девками понятно, – усмехнулся Ратмир. – Редко кто из бояр не грешит этим... А вот с ведьмами – это серьёзно. Помнится мне, что не жалует Великий государь ведьмачек...

– Нет, скоморох, у меня интереса к другим бабам, кроме моей Матрёнушки. Здесь ты ошибся. И с ведьмачками я не знаюсь. Но только после его наговоров место конюшего Великий государь отдал ему. И теперь этот худородный выскочка нос воротит при встрече со мной.

– Прости, боярин, если неволью обидел тебя домыслами своими, – потёр подбородок Ратмир. – Только кажется мне, что Галицкий не стал бы таким образом мстить тебе за что-то. Он и так уже впереди тебя перед Великим государем. Кого следующего ты можешь назвать из врагов своих?

– Боярин Демишев. Сосед мой, – зло произнёс боярин Скобелев. – Отобрали у меня владение в Касимове, когда этот татарский князёк перебежал от своих на нашу сторону. Там, в Касимове, их уже полно перебежчиков-то этих.

– Я понял, – неожиданно прервал его Ратмир и поморщился как от зубной боли. – И напоследок на сегодня – расскажи мне, какой она была – твоя Богданушка. В какие игры играла, какие картинки рисовала, что ей больше всего нравилось? Особенно в последнее время.

– О том только её матушка может рассказать. Богданушка в светлице, в тереме росла, и видел я её нечасто. О чём сейчас очень сожалею, – потёр пальцами переносицу боярин Скобелев.

– Тогда завтра с твоего разрешения, боярин, я начну осматривать твои постройки и спрашивать в терему. Но первым делом, мне нужно с утра увидеть место, где наши твою дочь. Возьму с собой Теодорку, он покажет.

– Делай, как считаешь нужным, скоморох, – кивнул боярин Скобелев. – И, если кто-то будет тебе препоны чинить, тут же мне докладывай. Я быстро с ними разберусь.

– И еще, боярин, в какое время погребение твоей дочери? – спросил Ратмир, отставляя от себя блюдо с остатками студня.

– С утра на отпевание её повезём в Лавру, а после – погребение там же, под папертью. Или что не так, скоморох? – забеспокоился боярин Скобелев.

– Мне обязательно нужно быть и на отпевании, и на погребении, – озабоченно произнёс Ратмир. – И главное – успеть до этого осмотреть место, где её нашли. Попрошу тебя, боярин, ехать на отпевание только после того, как я вернусь с поля.

– Православный ли христианин ты, скоморох? Можно ли тебе будет находиться в православной церкви? Ты понимаешь, о чём ты просишь меня? Это же церковный обычай, – недовольно свёл брови боярин Скобелев.

– Я всё понимаю, боярин. Но и ты пойми меня. Если я завтра с раннего утра не побываю на том месте, где её нашли, то убийца может сам туда приехать и что-то спрятать или подчистить...

– Так ты его можешь там сразу и поймать! – воскликнул боярин Скобелев.

– Ну, это навряд ли, – спокойно заметил Ратмир и добавил: – Хотя, кто его знает. Тем не менее, задержись завтра с отпеванием, пока я не вернусь.

– Не по нраву мне это, но делать нечего. Обещал Луке Дементьевичу во всём к тебе прислушиваться. И одежду я тебе прикажу принести одного из моих сыновей. Негоже будет на погребении в таком наряде быть.

– Лишнее это. Есть у меня подходящая одежда, – Ратмир потёр ладонью лоб. – Пойду я, боярин, в баньку схожу и спать. На свежую голову лучше думается.

– Иди, скоморох... или Ратмиром тебя лучше называть? – неожиданно спросил боярин Скобелев.

– Называй, как хочешь, боярин, – Ратмир глубоко зевнул, прикрывая рот ладонью. – И то и другое мне приятно слышать. Как вернусь утром с поля, так и поедем на отпевание.

– Иди с Богом. Устин тебе покажет, где банька находится, – напутствовал его боярин Скобелев и, тяжело поднявшись из-за стола, вышел вслед за ним из трапезной и направился в сторону одиноко стоявшей часовенки, в маленьких окошках которой горели огоньки свечей.

Ратмир бесшумно прошёл по залитому лунным светом подворью к стоявшей почти у самого забора большой боярской баньке. Завернув за угол, он неожиданно увидел силуэт человека, сидящего на ступеньках, и тут же узнал в нём старика Никифора.

– Чего тебе не спится, Никифор?

– Да вот тебя дожидаюсь, тепло в баньке стерегу. Наши-то уже все помылись, я их спать отправил, – встал с крыльца старик Никифор, приоткрыл дверь в баньку: – Давай, заходи скорее.

– Так я же без сменного белья, – спохватился Ратмир, шагая вслед за ним.

– Елена уже принесла, вон в углу лежит и бельё твоё, и портки чистые, – усмехнулся старик Никифор. – Я баньку всю обсмотрел. Можно говорить спокойно, не подслушают.

– Это хорошо, – кивнул головой Ратмир и, стянув через голову рубаху, обнажил свой крепкий мускулистый торс. Потом он снял штаны, бельё и, зашлёпав босыми ногами по мокрым деревянным доскам, пригнувшись, прошёл в дымящуюся клубами пара баньку. Полной грудью вдохнул горячий, напоенный запахом душистых трав и хмеля влажный воздух и, потянувшись всем телом, простонал: – Ух, хорошо!

В этот момент вошедший следом старик Никифор взял большой деревянный ковш с деревянной лавки и, зачерпнув из стоявшей в углу бадьи травяной настой, с размаху опрокинул его на горячие камни, сложенные в другом углу бани. Настой тут же зашипел на раскалённых камнях, превращаясь в духмяный пар.

– Ну, держись, Ратмир! – прищурил глаз старик Никифор, доставая из чана с горячей водой увесистый размокший берёзовый веник. – Специально для тебя приберёт. Вот сейчас тебе будет на орехи!

– Это всегда, пожалуйста! – рассмеялся тот, залегая спиной кверху на деревянную полку. – Но потом уж сам тоже держись, Никифор! Не будет тебе пощады!..

Через час они сидели в прохладном предбаннике за деревянным столом распаренные, начисто отмытые от грязи и пыли, и, расслабившись, пили из глиняных чашек остывавший чай. На столе горела свечка и по тёмным углам предбанника заиграли тени.

– Значит, всё-таки уговорил тебя боярин Скобелев помочь искать убийцу его дочери? – поправляя подвернувшийся рукав чистой рубахи, спросил старик Никифор.

– Да сам-то он не больно хотел. Скорее боярин Саврасов настоял на этом, – отпив глоток чая, разморённым голосом отозвался Ратмир. – Нам-то это вовсе ни к чему... И непонятно, сколько времени придётся теперь здесь провозиться...

– Заплатит ли боярин Скобелев, когда ты найдёшь этого убийцу? Как вы там договорились?

– Обещал щедро приплатить, если доставлю убийцу ко двору, – откинув ладонью назад влажные пряди чёрных волос, ответил Ратмир и покачал головой: – Ой, не ко времени всё это, не ко времени. Придётся всё прямо на скаку делать. А там где и ваша помощь понадобится...

– Ты же знаешь, Ратмир: мы – одна семья. Что скажешь – всё сделаем.

– Вот с раннего утра с Теодоркой схожу на поле, где эту боярышню холопы наши. А потом уж на отпевание и погребение поеду. Гляну, кто там и как с боярышней прощаться

будет. А вы уж тут посмотрите да послушайте, что местный народ делать да говорить станет.

– Это обязательно. И учить уже никого не надо, – согласился старик Никифор. – Только вот боярышня-то уже в часовенке обмытая. А ты ведь завсегда убиенных прежде обмывания смотрел. А здесь как же без осмотра?

– А я, Никифор, успел боярышню посмотреть. Как чувствовал, что понадобится. Да и для собственной страховки нужно было знать, что там с ней этот изверг сделал.

– Это когда же? – удивился старик Никифор. – Вроде, всё время на глазах был.

– Да как только Теодорка прибежал с вытаращенными глазами и стал рассказывать про свою находку, так я и пошёл на двор. Стал посматривать, что там боярин Скобелев делает. А когда боярышню в задние сени занесли, я туда и прошмыгнул. В шкафу спрятался да послушал, как он с дочерью разговаривал – прощался, обещал ей убийцу найти и в котёл с кипящей водой опустить...

– Ох, горе горькое, – вздохнув, покачал головой старик Никифор. – А выбрался ты оттуда когда?

– Дождался, пока он с тиуном своим ушел, да посмотрел быстренько на боярышню. Пришлось кое-какие находки в платочек завернуть, да в укромное место пока припрятать. Может, пригодятся потом, посмотрим. А когда холопы пришли, чтобы её на ледник унести, то я опять в шкафу переждал, да после потихоньку и вышел.

– Да-а, наш пострел везде поспел, – одобрительно кивнул старик Никифор. – Ну, пошли спать, Ратмир. А то скоро светать начнёт, а тебе опять спозаранку вставать.

Ранним утром Ратмир с Теодором подошли к пшеничному полю. Они шли осторожно, стараясь не повредить и так редкие, побитые засушливой погодой колосья. В синем небе высоко над ними летал сокол-пустельга, а в негустой траве звонко чирикали полевые воробьи.

– Вспоминай, Теодор, где находится это место, – сказал Ратмир, внимательно глядя по сторонам.

– Да уж, так сразу и не вспомнишь, – почесал вихрастый затылок мальчишка. – Поле-то вон какое огромное.

– Теодор, если ты не хочешь мне помочь, то возвращайся к своей матери, – спокойно произнёс Ратмир. – Я справлюсь и без тебя. Но только потом не подходи ко мне ни с какими своими бедами.

– Прости, дяденька Ратмир, это я спросонья, – спохватился Теодорка. – Всё-всё, я внимательно ищу.

Мальчишка, крутя головой во все стороны, пошёл дальше по пшеничному полю. Неподалёку от него зашагал Ратмир.

– Ой, вот-вот, нашёл, дяденька Ратмир! – звонко закричал Теодорка.

– Всё, стой там и замри! – крикнул ему в ответ Ратмир, и стал медленно приближаться, внимательно рассматривая землю у себя под ногами.

Иногда он присаживался на корточки, что-то разглядывал там, и тогда пшеничные колосья почти полностью скрывали его из виду. Наконец он подошёл совсем близко к тому месту, где стоял Теодорка. Хорошо было видно, что место это притоптано. Изломанные пшеничные колосья торчали острыми концами вверх. Ратмир опять присел на корточки и стал внимательно разглядывать место потравы, иногда рукой придерживая ломкие стебли. Теодорка стоял, не шелохнувшись, держа руки по швам и не сводя глаз со скомороха.

– Странно, странно, – пробормотал Ратмир, уже стоя в центре примятой пшеницы и оглядывая всё вокруг. Он расширил зону поиска, раздвинув руками пшеничные волны. Внезапно скоморох замер и с отвращением уставился на что-то.

– Что ты там нашёл, дяденька Ратмир? – приподнялся на цыпочки Теодорка, пытаясь разглядеть то, на что так смотрел скоморох.

– Да иди, глянь. Уже можно ходить. Я тут почти всё посмотрел, – махнул ему рукой Ратмир.

– Ой, бедненькая! Кто же её так?! – воскликнул Теодорка, увидев среди поломанных пшеничных стеблей отрубленную оскалившуюся собачью голову.

Ратмир ногой откинул собачью голову и внимательно рассмотрел её.

– Ну, всё, пойдём, Теодорка. Думаю, что больше нам тут искать нечего, – сказал он, направляясь в сторону раскинувшегося поодаль боярского подворья.

– Ой, а можно я её прикопаю? – жалостливо попросил Теодорка. – А то страсть как жалко собачку. Узнать бы кто этот изверг – сам бы отрубил бы ему бошку!

– Давай быстрее, Теодор! Мне уже нужно быть во дворе, – нетерпеливо отозвался Ратмир. Он, нахмурившись, уставился на то, как мальчишка, пытаясь от напряжения, с помощью палки стал рыть твёрдую, как камень, землю. Потом этой же палкой скинул туда собачью голову, накидал сверху земли и ногой слегка притоптал сверху.

– Всё, дяденька Ратмир, теперь можем бежать ко двору. Хоть похоронил по-человечески собачку. А вот только туловище-то её где? – запыхавшись на ходу, спросил он у широко шагавшего впереди Ратмира.

– Думаю, что далеко отсюда, – озабоченно ответил тот, размышляя о чём-то своём.

– Как это может быть? Туловище где-то далеко, а голова здесь? – вытаращил глаза Теодорка.

– А вот и может быть. Потом расскажу. Давай беги к матери, я сейчас подойду.

Ратмир притормозил шаг, войдя через ворота во двор и увидев толпу людей, столпившихся около часовенки. Многоголосый женский плач надрывал сердце.

Тиун Устин, встретившись взглядом с Ратмиром, кивнул и тут же скрылся в часовенке. Сам же Ратмир устремился к избе, где проживали скоморохи, на ходу расстёгивая пуговицы своей рубахи. Через некоторое время он выскочил из избы и направился к часовенке. Теперь на нём были рубаха, длинный кафтан, портки и шапка – всё тёмно-серого цвета.

Из часовенки вышли убитые горем боярин Светозар Алексеевич и боярыня Матрёна Петровна. Следом за ними появились двое молодых бородатых мужчин со скорбными лицами, очень похожих на боярина Скобелева, ещё какие-то богато разодетые мужчины и женщины разных возрастов. Потом показались траурно одетые холопы, несшие на плечах домовину, покрытую погребальными полотнами. Плач усилился. В это время ветер нагнал облака и заморосил мелкий дождик.

– Вот и матушка-природа сама заплакала о нашей Богданушке, – выкрикнула одна из плакальщиц, и народ ещё больше стал причитать и утирать глаза рукавами.

Ратмир стоял чуть в стороне и, держа шапку в руках, внимательно разглядывал присутствующих.

– Что жалко боярышню-то? – неожиданно услышал он рядом с собой тихий знакомый женский голос. – А ты не жалея. Поделом ей, сучке такой!

– Что так, Лукерья? – не поворачивая головы, тихо удивился Ратмир. – Разве ты не любила свою молодую хозяйку?

– А за что её любить-то было? За волосья баб она, конечно, не таскала, как её матушка. А вот как сыр в масле каталась, да попрёками попрекала... Да и в других делишках была замечена, – едва слышно усмехнулась дочь тиуна Устина, стоя за спиной Ратмира.

– Пожалуй, загляну я к тебе сегодня после погребения, – едва слышно произнёс Ратмир.

– А и загляни. А то что-то после того раза ещё пока и не забредал, – с укоризной прошептала Лукерья.

– Некогда было. Сама видела, что чуть на дыбу не попал. Жди к вечеру, – не поворачивая головы, вполголоса бросил напоследок Ратмир и двинулся следом за процессией, направившейся к широко распахнутым воротам.

В повозках и на подводах боярин Скобелев со всей семьёй и прибывшими на погребение близкими и знакомыми добрались до Троицкого собора, где батюшка совершил обряд отпевания невинно убиенной рабы божьей Богданы. После состоялось погребение под западной папертью собора. Всё это время Ратмир незаметно разглядывал окружающих, стараясь уловить малейшие проявления чувств и эмоций на их лицах.

На подворье боярина Скобелева участники скорбной процессии вернулись только к

вечеру. В большой трапезной уже был накрыт поминальный ужин для знати. Для холопов также были накрыты деревянные столы на улице под навесом.

Несмотря на то, что во дворе толпилось много народу, было тихо. Изголодавшиеся люди негромко переговаривались, с аппетитом поедая рассыпчатые пироги, кулебяки, куски жареного мяса, и запивали всё это из нескольких ковшей вином, черпая его прямо из больших боярских бочонков.

Скоморохи также были званы к общему столу для поминания боярской дочери.

– Так что там, Ратмир? – спросил старик Никифор подсевшего к нему за стол скомороха.

– Да, потом, Никифор, потом. Сейчас поем, побреюсь и дальше пойду рыскать, – хмуро произнёс Ратмир, дотягиваясь до куска жареного мяса.

– Скоро ли управишься?

– Ох, не знаю. Надо бы поскорее. Но, похоже, придётся малость подзадержаться. Странные вещи нашлись на поле. Да и то, что я успел увидеть сегодня, говорит мне, что не всем из тут находящихся была по душе боярышня. Видал и на паперти злорадные физиономии.

– Вот как! Так за кем поприглядывать-то надо? Скажи, чем сможем – поможем, – негромко проронил старик Никифор.

– Хорошо, помощь никогда лишней не будет. Присмотри, если по двору шастать будут сыновья боярские – Матвей и Тимофей. Уж очень довольны они переглянулись в момент самого погребения.

– Может, показалось тебе?! – тихо удивился старик Никифор.

– Может, – согласился Ратмир. – Но, всё равно, пригляди, если они покажутся.

– Хорошо, Ратмир, как скажешь, – вздохнул старик Никифор. – Авдотья с Еленой вон уже с бабами болтают, Василий с мужиками, да и Теодорка с отроками перешёптывается. Так что к ночи будет тебе чего от нас послушать.

– Вот спасибо. А я пойду-ка схожу до Лукерьи. Если что – знаешь, где меня найти, – произнёс Ратмир, поднимаясь с лавки и делая знак рукой кому-то в толпе. Увидев озадаченный взгляд старика Никифора, слегка похлопал его по плечу. – Не переживай Никифор. По делу я иду, по делу. Знает она чего-то. Вот мне и нужно узнать – что именно.

– Ох, наконец-то, пришёл, соколик ясный! – бесстыдница Лукерья с горящими глазами бросилась к закрывшему за собой дверь Ратмиру и прижалась к нему. – Ох, горю я вся, так мне тебя хочется. Раздевайся скорее, Ратмирушка...

Лукерья была дивно как хороша в этот момент. Разрумянившиеся щёки, распущенные, густые волосы по плечам, богатый веночек из ромашек на голове, белая рубаха и призывный взгляд зелёных глаз.

– Сдурела совсем, девка! – неожиданно для себя повысил на неё голос Ратмир и решительно отодвинул её от себя. – Боярин вот только дочь схоронил, а его холопка лишь о плотской любви и думает! Стыда у тебя нет, Лукерья!

– Ох, нет у меня стыда, нет его! Это ты правильно сказал, Ратмирушка, – засуетилась Лукерья. – Ничего милый, сейчас я дверку-то подопру кочергой. Вот никто нам и не помешает, – она шустро подпёрла массивной кочергой деревянную дверь и вновь кинулась к Ратмиру, тесно прижимаясь к нему всем жарким телом. – Давай, соколик ясный, ублажи меня, как в тот раз. До тебя никто так не любил меня, никто мне таких сказочных вещей не выделял, да слов томных не говорил. После того раза только о тебе и думаю, Ратмирушка...

– Утомонись, Лукерья. Сегодня ничего у меня с тобой не будет. Не к месту это сейчас, да и устал я очень. До завтра отложим, – отстранился от молодой женщины Ратмир и присел на лавку.

– Зачем звал тогда? Зачем пришёл сюда? Я же подружку свою до утра из её собственной хаты к родне ночевать отправила, – озадаченно посмотрела на него, тяжело дыша, Лукерья.

– Днём ты сказала, что боярышню не за что было любить, и что замечена она была в каких-то делах. Расскажи мне об этом.

– Значит, правду люди говорят, что боярин тебя приставил дознание вести, убийцу его дочери искать, – накручивая на палец русый локон, задумчиво произнесла Лукерья.

– Откуда знаешь?

– Так слухи-то – они же, как собаки бешеные по всему подворью носятся. Вот мы с тобой сидим и ничего не делаем такого, а только выйди на двор, сразу увидишь, как кумушки зашепчутся, да вслед тебе всякие гадости говорить начнут, – усмехнулась Лукерья и, налив в глиняную чашку воды из стоящей на полу дубовой бочки, залпом выпила её. – Налить тебе?

– Нет, не буду. Так расскажи мне про боярышню что знаешь. Только уж говори без фантазий. А то я вашу бабскую натуру знаю. Из ревности соврёте – мало не покажется.

– Так ты точно завтра ко мне не уставший придешь? – хитро посмотрела на Ратмира молодая женщина.

– Приду, приду, только когда стемнеет. Отец-то тебе, видать, мало всыпал тогда.

– Да нет, достаточно. Только на мне как на кошке всё быстро заживает, – опять усмехнулась Лукерья. – А про боярышню я тебе одно скажу. Все люди из одного теста сделаны. Вот и боярышня эта... Боярин-то сидит там себе и думает, что дочка его прямо ангел небесный – из кисеи, шёлков да одеколонов сделана. Только крыльев ангельских за спиной не хватает... Ан нет... Боярышня – тоже человек и баба. И желания у неё обычные бабские. Зря она, что ли, всё на конюшню бегала... Жеребят она лечила! Ха-ха-ха! Да не жеребят лечила, а жеребцов наших, конюхов, ублажала!

– Ну, всё понятно! Пошёл я, – неожиданно встал со скамьи Ратмир и направился к двери.

– А что так? – удивилась Лукерья. – Или правда не нравится?

– Да брешешь ты всё, Лукерья, – вздохнул разочарованно Ратмир. – Невинной была

Богдана прежде чем её насильничали и удавили.

– А ты откуда знаешь?

– Знаю, видел, – твёрдо ответил Ратмир.

– И прямо разбираешься в этих делах?! – встав в позу – руки в боки – спросила Лукерья.

– Я во многих делах разбираюсь, и мне жаль, что ты соврала мне как обыкновенная базарная баба, – покачал головой Ратмир и, откинув ногой в сторону кочергу, взялся за ручку двери.

– Стой! Ну, ладно, садись, – в свою очередь раздосадовано вздохнула молодая женщина. – Ну, да соврала... Так мне же тоже обидно, что обо мне такая слава идёт, а эта пигалица прямо всеми любима была аж до трясушки. Что мужики: «Ох, наша жалостливая Богданушка!» Что бабы: «Ах, ангел Богданушка! Невинная красавица!» Я вон тоже была дитё невинное, пока старший боярский сыночек меня в одиннадцать лет в своей светлице не оприходовал! – зло воскликнула она. – Меня тогда приставили в горнице убираться, а ему семнадцать минуло. Такой же здоровенный, как и папаша его. Завалил на пол – я и пикнуть не успела.

– Извини, не знал, – озадаченно произнёс Ратмир. – А боярин узнал потом про это?

– А ему-то что? Сынок растёт мужиком, и, Слава Богу. Так его сынки-то здесь, считай, всех более-менее симпатичных девок пользуют. А кто чего против может сказать? Мы же – холопы, как скоты бессловесные. И пожаловаться некому. Сам знаешь, как бояре свой суд вершат.

– Смело ты разговариваешь, Лукерья, с чужаками. Я-то ладно, но с остальными будь осторожней, а то не миновать тебе плетей или чего хуже.

– Что же ты думаешь, что я дура совсем? Не понимаю с кем и как разговоры разговаривать. Да и отец мой тиуном при боярине уже много лет служит – который раз уже выручает... Очень ты мне по душе, Ратмир, пришёлся, но ведь ты и не глянешь на такую, как я. Только разве побаловаться раз-другой... Или не права я? – она с робкой надеждой глянула ему в глаза.

– Права, – кивнул Ратмир, глядяв сразу померкнувшие глаза девушки. – Но не потому, что ты там какая-то не такая. А потому, что есть у меня зазноба, которая для меня дороже всего на свете...

– И почему тогда ты здесь, а не с ней? – зло усмехнулась Лукерья.

– Потому что она очень далеко отсюда, – вздохнул Ратмир и тут же спохватился: – Расскажи мне, пожалуйста, Лукерьюшка, про боярскую дочь. Помоги быстрее найти убийцу.

– Но ты должен прийти завтра ко мне, как обещал, – она упрямо поджала губы.

– Несмотря ни на что? – улыбнулся Ратмир.

– Несмотря ни на что! – подтвердила она, потрянув головой. – Я-то думала, что твоя краля тебя ждёт где-то в Москве. Ан нет, где-то в дальних краях. Так что у меня ещё есть шансы приворожить тебя всухую, – засмеялась она, но увидев взгляд Ратмира, тут же добавила: – Да шучу я, шучу про ворожбу-то. Сама знаю, что толку от этого мало. Только одни несчастья потом начинаются. Ну, спрашивай, что ты там хотел про боярскую дочку узнать.

– Получается, что всё, что ты мне утром там наговорила – всё это неправда? –

полуутвердительно спросил Ратмир.

– Всё, да не всё, – недвусмысленно произнесла Лукерья. – То, что она была невинна – это хорошо. Но и что на конюшне был у неё ухажёр – это правда. К нему-то она и бегала обжиматься. Только видать не трогал он её до поры, до времени. А, может, боярского гнева боялся. Это же не он её выбрал. Это она сама к нему прилепилась. Поначалу, может, и вправду жеребят ходила лечить, а вот потом, когда его разглядела, то сама к нему стала бегать.

– Кто он?

– Конюха Леонтия сынок – Максимка. Шестнадцать годков ему, и он там к лошадям тоже приставлен. Да наши все об этом знают, только молчат, чтобы боярина не злить. Даже сынки его молчат.

– А они тоже знают?

– Знают, знают. В конце зимы они Максимку в лесу отловили и избили сильно, припугнув, что убьют его, если он не перестанет глазеть на неё, – Лукерья под села к Ратмиру на лавку и положила ему голову на плечо. – Максимка-то и рад был бы от неё отвязаться, да Богданушка эта сама к нему прилепилась. А он – что? Он – человек подневольный...

– Неужели ни мать, ни отец Богданы не замечали этого? Ей же нельзя было выходить из светлицы без отцовского разрешения, – спросил Ратмир.

– Ты как будто первый раз на свет народился, Ратмир, – засмеялась, ластясь к нему, Лукерья. – Слышал такую присказку: «Кот из дому – мыши в пляс»? Вот как только боярин отбывал на службу ко двору Великого государя, так все и начинали радоваться. Даже боярыня добрее становилась и с нами – с девками – то в лес по грибы-ягоды, то к озеру – на лодочке покататься... И никто про то боярину не докладывал, потому что всем хорошо, когда боярина нет на дворе. Вот и бегала Богданушка твоя на конюшню с милым поболтать, да и жеребят как бы полечить.

– А как же братья про него узнали?

– Да кто его знает. Они ведь тоже сейчас при дворе в войске Великого государя состоят и здесь бывают только наездами. Может, сказал кто? Бог его знает, – вздохнула Лукерья. – А только Богданушку они и сами невзлюбили.

– Это ещё почему? – удивился Ратмир.

– Говорят, что боярин так в ней души не чаял, что пообещал много чего ей в наследство отписать. А они-то думали, что всё им достанется после его кончины. Ну, теперь-то уж точно всё им и достанется. Навряд ли сейчас боярыня сможет себе другую дочку вымолить. Года у неё уже не те.

– Да-а, интересные вещи ты мне, Лукерья, рассказала, – задумчиво произнёс Ратмир.

– А ты оставайся, Ратмирушка. Я тебе не только расскажу, но и спляшу и спою, если пожелаешь, – опустилась перед ним на колени молодая женщина и преданно уставилась глазами ему в лицо.

– Договорились же, что завтра к тебе приду, – выражение лёгкой досады пробежало по лицу Ратмира, и он, поднявшись с лавки, направился к двери. Взявшись за ручку, Ратмир порылся в кармане кафтана и протянул ей несколько монеток: – Вот возьми, Лукерья, купи себе чего-нибудь на ярмарке. Да не рассказывай о наших беседах пока никому.

Молодая женщина, подскочив, ловко забрала у него деньги и радостно рассмеялась:

– Ох, и накуплю же я себе пряников. Страсть как люблю их!

Выйдя от Лукерьи, Ратмир направился к избе, где его уже заждались скоморохи. Вечерняя мгла опустилась на землю, и на небосклоне загорелись первые звёздочки. Неожиданно он услышал тихий свист. Повернув голову, Ратмир увидел одного из дворовых подростков. Вспомнил, что видел его утром в компании с Теодоркой.

– Чего тебе, малой? – замедлил шаг Ратмир.

– Иди сюда, дяденька. Тут тебя люди спросить хотят о чём-то, – возбуждённо прошептал мальчишка, сверкая глазами.

– Пусть сюда выйдут и спрашивают, – быстро огляделся Ратмир.

– Не-а, дяденька... Они здесь тайно и говорят, что пришли с тобой поговорить.

– Ну, ладно, давай показывай дорогу. А то меня мои люди ждут, – направился к нему Ратмир. Мальчишка завернул за угол соседней избы и призывно помахал ему рукой:

– Сюда, дяденька, сюда.

– Да не беги ты так быстро, – прибавил шагу Ратмир и, завернув вслед за ним, тут же получил сильнейший удар деревянным дрыном по голове. Оглушенный от боли и звона в ушах, он упал на спину и едва успел увернуться от следующего удара. Быстро откатившись в сторону, Ратмир успел заметить две здоровенные мужские фигуры и сразу же признал в них сыновей боярина Скобелева – Матвея и Тимофея.

– Эй, бояричи! Вы ничего не перепутали?! – воскликнул он, пятясь на руках к забору.

– Да нет, скоморох! Тебя, безбородого, трудно перепутать, – прорычал Матвей и вновь замахнулся дрыном на прижавшегося спиной к забору Ратмира. Тот ловко увернулся от удара, и звук удара дрына об деревянный забор гулко задрожал над избами.

– Ух, как дерутся-то... – неожиданно услышал Ратмир мальчишеский голос, донёсшийся со стороны другой избы.

– Сейчас Матвейка как придавит этого скомороха, так из него и кишки долой! – воскликнул ещё один детский голос.

«Ну, это навряд-ли», – подумал про себя Ратмир и, уворачиваясь от очередного удара дрыном, на всякий случай ещё раз громко спросил:

– Значит, бояричи, точно не ошиблись? Точно я вам нужен?

– Да точно, точно, безбородый! Морда-то у тебя гладкая как у бабы! Тьфу! На, лови, скоморох! – второй сын боярина Скобелева Тимофей замахнулся дубинкой с другой стороны.

– Ну, ладно, бояричи! Я вас спросил, вы мне ответили. Теперь держитесь!

Ратмир вскочил на ноги, ловким движением руки ухватил дубинку и выдернул её из рук Тимофея. Тот растерянно попятился назад, рыская глазами вокруг себя в надежде найти ещё какое-нибудь подручное средство. Тут же раздались возбуждённые мальчишеские возгласы из-за соседней избы.

Умело размахивая дубинкой, Ратмир выбил из рук Матвея деревянный дрын и, прыгнув на него, сломал пополам. Тут же топнул ногой по краю одного из обломков так, что тот взлетел в воздух и моментально оказался во второй руке Ратмира. Обезоруженный Матвей разозлился и с рёвом кинулся на Ратмира, расставив руки. Ратмир кинул ему под ноги дубинку. Споткнувшись об неё, мужик всей массой грузного тела тяжело рухнул на землю. Гулкий щелчок обломка деревянного дрына об его голову привёл в радостное возбуждение невидимых в полумраке зрителей.

– Во даёт, скоморох! Прямо как по барабану щёлкнул Матвейку-то по башке! – засмеялся в темноте уже чей-то мужской голос. Одобрительные смешки послышались и со стороны других изб.

– Хватит или продолжим? – искусно крутя в руке обломок дрына, спросил Ратмир у поднимавшегося с земли боярского сына Тимофея и, не выпуская из виду второго боярского наследника Матвея.

Последний, не найдя ничего подходящего, достал из сапога блеснувший при лунном свете кинжал. Тяжело дыша, он расставил руки и пошёл на Ратмира. Невидимые зрители охнули, и наступила тишина.

– Заходи на него слева, – рявкнул Матвей брату, не спуская глаз с Ратмира.

– Ага, – просипел тот и, нашарив в темноте под ногами дубинку, стал обходить Ратмира слева.

– Ого, уже интереснее, – пробормотал Ратмир, следя за поблёскивавшим в темноте лезвием кинжала.

В один момент он быстро увернулся от пролетевшей над ним со свистом дубинкой и ударом обломка дрына вышиб кинжал из рук рослого, похожего на медведя Матвея. Невидимые зрители одобрительно загудели. В этот момент луна спряталась за тучи, и вокруг опять стало темным-темно.

– Так как, может, хватит? – спросил Ратмир у взлохмаченных братьев. – Только хотелось бы узнать из-за чего весь этот сыр-бор? Что я не так сделал?

– Ничего, скоро узнаешь! – вполголоса угрожающе произнёс Матвей и, отступая к терему, окликнул брата. – Пошли, Тимоха, мы потом достанем этого скомороха. Жди нас, смерд! Мы ещё придём по твою душу! – и погрозил кулаком в темноту: – А вам, холопы, завтра не миновать плетей!

– Ну, хорошо, как скажете, – пожал плечами Ратмир. В этот момент луна вновь показалась из-за туч, и он увидел в свете её сияния множество человеческих силуэтов, бесшумно разбежавшихся по всему двору и растворившихся в тени построек.

– Теперь домой, Ратмир. Хватит уже куролесить, – неожиданно из-за темного угла ближайшей избы появилась огромная фигура Василия. Он положил большую ладонь на плечо Ратмира и мягко, но настойчиво стал подталкивать его в сторону избы.

– Так ты всё видел?! Ты здесь стоял и даже не помог мне?! Друг называется, – воскликнул Ратмир.

– Что там тебе было помогать? Этих сосунков разделать под орех? Да с ними и Теодорка справился бы. Так ведь, Теодор? – обратился силач к возникшему из темноты мальчишке.

– Ох, дяденька Ратмир! Как вы этого по башке-то деревяшкой щёлкнули! Прямо как взаправду орех раскололи! – восхищённо воскликнул Теодорка, на ходу прижимаясь к Ратмиру.

Следом за ними чуть поодаль пошли несколько местных мальчишек, которые тоже вполголоса взялись восхищённо обсуждать увиденное.

Навстречу скоморохам, размахивая черенком от лопаты, торопился старик Никифор.

– Ну, вот, опять не успел! – огорчённо развёл он руками. – Зря только лопату испортил.

– А ты-то куда собрался, Никифор? – рассмеялся силач Василий. – Сидел бы в избе на печи да баб охранял.

– А я и сидел. Точнее уже спал, да только твоя Авдотья ко мне и подскочила и давай

орать над ухом, чтобы я встал и пошёл вас из беды выручать. Так что там произошло-то хоть, Ратмир?

– Сынки боярские решили со мной силою померяться, – усмехнулся Ратмир, поднимаясь по ступенькам крыльца.

– Надо же?! – удивился старик Никифор. – С чего бы это?

– Ох, наконец-то вернулись! – воскликнула Елена и, прижав сына к груди, встревожено повернула голову к Ратмиру: – Что там случилось, Ратмир? Смотри, у тебя на лице кровь. Из-за этой девки подрался? Из-за Лукерьи?

– Ох, добегаешься, Ратмир! – подала звонкий голос карлица Авдотья, держа в руке чистую тряпку и плоску с тёплой водой. – Садись, давай, на лавку, смою кровь с лица.

– А ну, бабы, цыц! – прикрикнул на них старик Никифор. – Вы своё дело знайте, а мы – своё. Ужин-то накрыли?

– Так ещё при тебе же и принесли нам еду. Сам же сказал Ратмира ждать. Вот и дождались. Садитесь теперь все за стол. Посмотрим, что там нам прислали с боярского стола, – расставляя на столе глиняные тарелки, проворчала Елена.

Спустя несколько минут вся компания, оживлённо разговаривая, расселась за столом и застучала чашками и ложками.

– У кого что есть интересного для Ратмира, давайте рассказывайте, – отпив глоток вина, произнёс старик Никифор.

– Я с бабами у колодца разговаривала и узнала, что собирался эту Богдану сватать какой-то худородный боярский сынок, но только боярин Скобелев ему отказал. И тот якобы пригрозил, что, мол, его ещё долго тут будут вспоминать, – потянувшись за пареной репой, произнесла Елена.

– А мне мужики на кузне предложили саблю сковать. Ну, я им сковал так, что они там рты поразевали да стали умолять, чтобы я их научил. Откуда же им было знать, что я сам из бывших кузнецов, – довольно рассмеялся Василий.

– Вот ты бестолковый, Васятка! Вымахал с косию сажень, а ума не нажил. Тебе же сказано было, – рассказать то, что интересно для Ратмира по смерти боярышни, – легонько постучал себя кулаком по лбу старик Никифор.

– Так я же ещё недорассказал, – ухмыльнулся Василий и взял с блюда большой кусок пирога. – Боярские холопы сказали, что повешенный Артёмка несколько не виноват в том, что боярышня ушла со двора незамеченной. У них там для себя есть потайные местечки в заборе, где брёвна подпилены. Несколько человек знали об этом. Могла знать и боярышня...

Ратмир молча, переглянулся со стариком Никифором.

– А для чего им нужны были дырки-то в заборе? – шумно прихлёбывая похлёбку, спросил Теодорка.

– Теодор! Сколько я тебе говорила – ешь тихо! – Елена отвесила сыну лёгкий подзатыльник.

– А-а, чего дерёшься опять?! – схватился за голову мальчишка и повторил свой вопрос. – Для чего дырки-то в заборе?

– Мужики говорят, что дырки эти сделали в нескольких местах они сами после того, как год назад опричники выселили неподалёку несколько бояр с их земель, – пояснил Василий, подливая себе в глиняную чашку медовухи из ковша. – Испугались, что и их боярина могут выселить.

– А причём тут дырки в заборе? – удивилась Авдотья.

– А притом, Дуняша, что когда опричники выселяют бояр с насиженных мест, то и гоняют плетью по двору не только их самих, но и всех холопов, – задумчиво произнёс Ратмир и добавил: – Получается, что боярин Скобелев сам про эти дырки в заборах ничего не знал, раз был так уверен, что боярышня могла оказаться за забором, только пройдя через ворота.

– Да уж, вот тебе картина: в ворота залетают на лошадях опричники, а тебе и бежать больше некуда – кругом один высоченный забор, – покачала головой Елена. – Страшно-то как!

– Поэтому мужики и сообразили – понаделали дыр в заборах в укромных местах, – кивнул головой Василий. – Если что – шмыг туда и поминай как звали.

– Надо мне завтра пройтись вдоль забора, глянуть на них, – подтянул к себе поближе деревянное блюдо с раками Ратмир.

– Ещё бабы сказали, что Богданушку эту братья-то не особо привечали. Боялись, мол, что наследство им мало перепадёт из-за того, что она у боярина в любимицах была, – произнесла Елена, посмотрев на Ратмира.

– И я сегодня слышал о таком, – кивнул он. – Только в момент убийства братьев этих здесь не было. Боярин послал за ними уже после того, как нашли его дочь мёртвой.

– Всё так, Ратмир. Но ведь нашли-то её рано утром. Значит, убить могли накануне вечером или ночью. А до государева двора отсюда почти три часа на хорошем скакуне. Туда-обратно можно было обернуться, – вздохнул старик Никифор.

– Можно, – согласился Ратмир, машинально откидывая со лба чёрные пряди волос. – Можно было и нанять кого-нибудь на это чёрное дело за хороший куш. Завтра съезжу туда, узнаю. Там ещё кое-что мне нужно будет поспрашивать у знающих людей, – и добавил: – Ну, что? Если больше никому нечего рассказать, то давайте ложитесь спать. А я схожу-ка навещу нашего боярина, чтобы он своих сынков укоротил. И узнать не помешает – из-за чего они на меня набросились. Иначе придётся им в следующий раз руки-ноги попереломать, чтобы не ждать из-за угла ещё каких-нибудь неожиданностей. М-м-м... голова как сильно гудит – он, поморщившись, осторожно дотронулся рукой до твёрдой шишки на голове. – Вот ведь как стукнул. Как это я пропустил удар – сам удивляюсь. Расслабился, что мальчишка меня позвал.

– Так он ко мне потом прибежал, этот Егорка-то! – воскликнул Теодорка. – Ревёт и говорит, что надо бежать тебя выручать. Он, оказывается, не знал, что они тебя бить будут.

– Вот как! – удивился Ратмир. – А я подумал, что он с ними заодно.

– Нет! Они ему сказали, что просто с тобой поговорить хотят, и дали ему за это полкопейки, – Теодорка сполз с лавки и, подойдя к Ратмиру, обнял его за плечи. – Ты не сердись на него, дяденька Ратмир. Он сказал, что хочет прийти и повиниться перед тобой.

– Хорошо, не буду сердиться, – взъерошил ему кудри Ратмир и поднялся из-за стола. – Всё, я к боярину, а потом сразу на боковую. Рано утром уеду в город – разузнать мне там кое-что нужно. А потом всё остальное

Часть вторая

Глава 1

На подворье уже стояла глубокая ночь, когда Ратмир почти подошёл к ступенькам, ведущим в покои боярина Скобелева. Ещё на подходе он заметил прятавшегося в тени крыши боярского ратника. Поэтому появление последнего из мрака не стало для скомороха неожиданностью.

– Чего тебе, скоморох? – мрачно спросил ратник, наставив на него пику.

– Скажи боярину, что у меня срочный разговор к нему.

– Спит боярин. Велено не беспокоить, – не шевелясь, ответил ратник

– Если сейчас не разбудишь, то завтра будешь бит плетьюми, – спокойно произнёс Ратмир. – Потому как мне тоже сейчас очень хочется спать, а не болтать тут с тобой. Выбирай: или я сейчас уйду, и тебе завтра всыпят за недонесение, или идёшь и будишь боярина и можешь ему сказать, что это я тебя силой заставил его разбудить.

Ратник хмыкнул и, молча, исчез в темноте дверного проёма. Вернулся он быстро и, приоткрыв пошире тяжёлую дверь, сделал рукой приглашающий жест:

– Входи, скоморох. Я тебя провожу.

Они прошли по невысоким боярским покоем, освещённым небольшими светильниками со свечками. Перед массивной деревянной дверью ратник остановился и чуть приоткрыл её:

– Тебе туда, скоморох. Дормидонт покараулит, если что.

Тут только Ратмир заметил в полумраке горевших свечей сидевшего на лавке в углу второго здоровенного ратника и, усмехнувшись, вошёл в горницу. Дормидонт тихо зашёл за ним и плотно прикрыл за собой дверь.

– Что там у тебя, скоморох? – с тревогой в голосе спросил боярин Скобелев, сидя на лавке в богатом татарском халате около деревянного стола. – Надеюсь, что у тебя есть очень важная причина, чтобы будить меня в такое время.

– Твои сыновья напали на меня, боярин. Пришлось драться с ними.

Боярин Скобелев опустил голову, и в горнице наступила тишина. Потом он медленно поднял на Ратмира глаза, и в них сверкнула ярость:

– И ты из-за этого посмел меня будить среди ночи?! Ты что, скоморох?! Не мужик, что ли?! Бежишь сразу жаловаться, если с тобой кто-то слегка и подрался. Тьфу! Не мужик, а баба прямо!

В глазах Ратмира появился стальной отблеск, и он с нажимом произнёс:

– Так я, боярин, не жаловаться пришёл, а предупредить.

– Ну, и о чём же ты меня хочешь предупредить, скоморох? – с сарказмом спросил боярин Скобелев.

– О том, что в следующий раз я их просто убью. И не говори потом, что я тебя не предупреждал.

Ратмир подошел к сидевшему на лавке боярину. Тут же поднялся с лавки ратник Дормидонт, но Ратмир махнул ему рукой:

– Сядь. Я только два слова скажу твоему хозяину, – и обратился к боярину: – Я, боярин, здесь только по твоей слёзной просьбе остался. Помочь тебе сам знаешь в чём. Но, если мне и моим людям здесь нет никакой безопасности, то я со своими товарищами тотчас же собираемся и уезжаем с твоего двора. Так дела не делаются. И поверь мне, что об этом

узнают все твои друзья и враги.

– Кто же ты такой, скоморох, что так смело разговариваешь? – напряженно глядя ему в лицо, произнёс боярин Скобелев.

– Тебя больше интересует, кто я такой или кто убийца твоей дочери? – холодно спросил Ратмир, без спросу садясь на лавку.

Боярин Скобелев хотел что-то возразить, но запнулся, откашлялся и уже другим тоном произнёс:

– Конечно, скоморох, меня интересует только убийца моей дочери.

– Тогда зови сюда своих сыновей и пусть они расскажут – из-за чего напали на меня. А потом объяснишь им, для чего я здесь до сих пор нахожусь. И чтобы больше никто из твоих людей не посмел и пальцем тронуть меня или моих товарищей.

– Все уже спят. Давай оставим до утра, скоморох.

– Рано утром меня уже здесь не будет. Еду в город по твоим делам. Поэтому прикажи своим слугам будить сыновей и по-быстрому закончим этот разговор. Я тоже хочу спать.

– Ну, будь, по-твоему, – недобро покосился на него боярин Скобелев и велел ратнику Дормидонту идти за обоими сыновьями.

– А ты, боярин, знал о том, что твои сыновья видели в Богдане преграду к твоему наследству? – неожиданно спросил Ратмир, нарушив наступившую тишину.

– Брешешь, скоморох! – воскликнул боярин, вскинув голову.

– Значит, не знал, – вздохнул Ратмир и машинально откинул рукой волосы со лба назад. – Дочь твоя им очень мешала. Ты же собирался ей отписать очень много из твоего богатства и никогда не скрывал этого.

– Было дело. Но и сыновьям моим хватит на две жизни вперёд. Не стали бы они этого делать! – уверенно воскликнул боярин. – Как только тебе это в твою пустую голову пришло, скоморох?!

– А знаешь ли ты, боярин, что сказали твои сыночки на погребении Богданы? – вкрадчиво спросил Ратмир, внимательно наблюдая за реакцией боярина.

– Ты, скоморох, говори, да меру знай! – угрожающе произнёс боярин, приподнимаясь с лавки. – Ты сейчас в отместку мне понарасказываешь всякого. Вздумал меня с сыновьями перессорить?! Убийцами собственной сестры мне их представить?!

– Сядь, боярин, остынь. Я своим словам ответчик. «Собаке – собачья смерть!» – сказали твои сыновья, когда домовину с телом твоей дочери под паперть опускали. И это слышал не только я, но и два дьячка из Лавры, что стояли рядом со мной. Они готовы под присягой это подтвердить, потому как тоже были очень неприятно поражены таким словом.

– Не верю! Слышишь, не верю я тебе, скоморох!

– А вот и они. Можешь сам их спросить, – произнёс Ратмир, зайдя в проём двери плечистые фигуры боярских сыновей.

– Что случилось, батюшка? Из-за чего весь переполох? – недовольно бубня, зашли в горницу заспанные грузные молодые бородатые мужчины. – И что здесь делает этот скоморох?

– Сядьте-ка, сынки, и посмотрите мне прямо в глаза, – приказал им боярин Скобелев. – Этот недоносок-скоморох посмел мне заявить, что на погребении Богданушки вы сказали, что мол «собаке – собачья смерть». И что слышали это вместе с ним ещё два дьяка из Лавры. Это правда? В глаза мне смотреть! – прикрикнул он, сверля взглядом своих сыновей.

Те быстро переглянулись и в один голос, старательно таращась прямо ему в глаза,

завопили:

– Да ты что, батюшка! Быть такого не может! Для нас Богданушка была светом в окне, налюбимейшей сестрицей. Мало ли кому что там, на погребении показалось. Плакальщицы так выли, что и себя-то толком не было слышно... Врёт этот скоморох! И дьяков тех подкупил, чтобы тебе соврали...

– Всё! Молчать всем! – хлопнул ладонью по столу боярин. – Сам с этим разберусь. Вы, – обратился он к сыновьям, – завтра же со двора к себе на службу. А этого и его людишек даже пальцем не смей трогать. Он мне пока нужен. И пошли вон оба спать!

– Нет, они не уйдут отсюда пока не скажут, по какой причине напали на меня. Для меня это очень важно, – встал Ратмир и перекрыл собою выход из горницы.

– Наглость твоя, скоморох, уже переходит все границы! – тихо, с угрозой в голосе произнёс боярин Скобелев. – Никогда ещё в моём доме никто со мной так не разговаривал, и не будет разговаривать. И приказы мои никто не будет переиначивать. Поэтому сейчас все пойдут спать. А завтра я буду решать, кому и что делать! Понятно тебе это, скоморох?!

– Нет, непонятно, боярин. Как будет непонятно и другим твоим товарищам-боярам, – сложив руки на груди, не шелохнулся с места Ратмир.

– Батюшка, давай мы его сейчас разделаем как сидорову козу и дело с концом! Я вот прямо сейчас и огрею этого недоноска, – в руках у старшего Тимофея неожиданно появилась железная кочерга. Размахивая ею, он с уханьем кинулся на Ратмира.

– Стой! – только и успел крикнуть боярин Скобелев, изумлённо наблюдая, как Ратмир, странно выставив руки вперёд, издал необычный гортанный крик и ударом ноги в голову уложил Тимофея на пол. Тот свалился, как куль картошки, и затих.

– Ещё кто желает? – спросил Ратмир, продолжая собою перекрывать вход в горницу. Рослый ратник неуверенно посматривал то на него, то на боярина, ожидая указаний.

– Так, сели все! – прикрикнул на присутствующих боярин Скобелев. – Ты, Дормидонтка, глянь Тимоху, жив ли, – обратился он к ратнику и повернулся к младшему сыну. – А ты, Матвейка, докладывай, почему напали на скомороха. Я же предупредил всех, чтобы его самого и его людишек никто не трогал.

– Так ты, батюшка, сам сказал, что от них-то все наши проблемы здесь и начались. Вот мы с Тимохой и решили его немного проучить. Тем более что он к Тимохиной бабе тут подвалил. А какому мужику это приятно?!

– Это к Лушке что ли? – поднял брови боярин Скобелев.

– Ну, да, к дочке тиуна твоего Устина.

– А то других покладистых баб на подворье сыскать не могли, – проворчал боярин Светозар Алексеевич.

В это время старший сын боярина пришёл в себя и присел на полу, держась за голову и охая.

– Ну, что, скоморох? Теперь ты знаешь причину. Довольно с них или ещё чего хочешь узнать? – недовольно покосился на Ратмира боярин и добавил. – Больше никто из них точно никого ваших не тронет.

– Это хорошо, что не тронут. Но у меня к ним есть ещё одно дельце. Дозволь мне боярин один экспериментус провести, и тогда я буду точно уверен в виновности или в невинности твоих сыновей, – отошёл от дверного проёма Ратмир и подошёл к столу.

– Что это такое – икспирентус? – нахмурил брови боярин.

– Сейчас сам всё увидишь. Идите-ка сюда, братцы, – обратился Ратмир к боярским

сынкам. Те нехотя поднялись со своих мест и вразвалку подошли к столу.

Ратмир посадил их напротив себя и велел положить правые руки ладонями вверх на стол. Сам сел напротив, и накрыл своим ладонями их ладони, нажав при этом указательными пальцами на определённые точки на внутренней стороне запястий. Не спуская глаз с их лиц, неожиданно спросил:

– Сколько лет вашей матушке?

Братья запнулись, переглянулись, потом посмотрели на молчащего боярина Скобелева и неуверенно ответили:

– Сорок пять годочков минуло.

– Хорошо, – похвалил их Ратмир. – Кто из вас старший?

– Тимоха, а кто же ещё? – пожал плечами младший Матвей.

Боярин Скобелев молчал, внимательно следя за происходящим.

– Вы убили свою сестру Богданушку? – Ратмир пристально смотрел на лица боярских сыновей. Огонь от горящих свечей красно-жёлтыми бликами играл в зрачках их недоверчиво-прищуренных глаз.

– Да как ты посмел так думать, скоморох! Погубить свою родную сестру! – искренне возмущившись, воскликнули оба и попытались вскочить со своих мест.

– Сидеть! Я ещё не закончил, – прикрикнул на них Ратмир. Дождавшись, когда они опять усядутся, вновь положил им указательные пальцы на запястье и вкрадчиво спросил:

– Кто на поле боя сильнее: конник или пеший ратник?

– Конник, само собою.

– А сколько стоит весь наряд конника?

– Так рублей пять, шесть... – недоумевающе переглядываясь, ответили братья.

– А сколько сейчас платят наймиту за убийство родной сестры? – не мигая, смотрел на них Ратмир.

– Так откуда же мы знаем? – запнувшись, растерянно произнёс Тимофей. Матвей закатил глаза кверху и задумчиво произнёс:

– Ну, я думаю, что рубликов пять-шесть будет в самый раз.

– Всё ясно, – кивнул Ратмир и повернул голову к боярину. – Теперь всё, боярин, можно всех отпускать спать. Да и мне пора хоть несколько часиков вздремнуть. День завтра предстоит тяжёлый, – Ратмир поднялся с лавки.

– Обожди, скоморох. А вы идите спать. Завтра оба на службу, и чтобы ноги здесь вашей не было, пока сам не позову, – хмуро приказал боярин.

Братья переглянулись и, молча, вышли из горницы.

– Твои сыновья не убивали Богданушку и никого не нанимали для убийства. Ты это хотел услышать от меня, боярин? – зевая в ладонь, спросил Ратмир.

– Я знал об этом... Станный ты человек, скоморох, – боярин Скобелев напряжённо посмотрел в глаза Ратмиру. – Не зря тебя так мне подал сам боярин Саврасов Лука Дементьевич. Где ты изучал такие науки?

– Мы же скоморохи – по всему миру бродим. Иногда такое увидишь, что ни пером описать, ни в сказке рассказать. Вот и учимся всему помаленьку. А сейчас, боярин, пойду-ка я спать. Если что нового завтра узнаю – доложу тебе сразу же, – опять кивнул Ратмир и вышел из горницы.

Боярин в задумчивости остался сидеть на лавке, не спуская глаз с огонька свечи.

Ранним утром Ратмир, стараясь не разбудить своих товарищей, тихо поднялся. Затем оделся в серую шёлковую рубашку, становой кафтан и лёгкого сукна тёмно-синие штаны, напустив штанины на кожаные сапоги с загнутыми носами. Потом плотно позавтракал тем, что осталось от ужина, и направился в конюшню, где наравне с боярскими лошадьми стояли и их две крепкие молодые татарские лошадки. Там он увидел белобрысого юношу, безмятежно спавшего на сене прямо рядом со стойлом. Ратмир надеялся бесшумно запрячь свою лошадку, но железные кольца уздечки тихо зазвенели, и юноша, приоткрыв глаза, испуганно вскочил.

– Я не спал! Только прилёг глаза закрыть! – воскликнул он, растерянно глядя на Ратмира.

Тот, набрасывая на лошадь сбрую, внимательно посмотрел на него:

– Ничего, я – свой. Не бойся. Как тебя зовут, хлопец?

– Максимка я. Ой, а я тебя и не сразу-то признал, скоморох, в этой одежде! Так ты ничего не скажешь боярину? – обеспокоенно спросил тот. – А то вот только сыны боярские Матвей Светозарович и Тимофей Светозарович тоже в город отбыли спозаранку. Так они мне таких лещей наобещали отвесить в следующий приезд за то, что ихние лошадки к их приходу ещё не были запряжены.

– Ничего не скажу, не бойся. А ты – сын кузнеца Леонтия?

– Откуда знаешь? – удивился юноша, пытаясь пятернёй пригладить непослушные волосы.

– Сорока на хвосте принесла, – усмехнулся Ратмир и уже всерьёз спросил: – Ответь мне только честно: боярышня Богдана... Она только жеребят приходила смотреть или с тобой тоже поговорить любила?

Лицо Максимки залила алая краска, и он неожиданно упал перед Ратмиром на колени:

– Не губи, скоморох! Не знаю, откуда тебе всё это ведомо, но только было нам всем сказано, чтобы тебя никому здесь не трогать и ни в чём не препятствовать. Поэтому прошу тебя, Христа ради, не спрашивай меня ни о чём! Только одно я тебе могу сказать, что я и пальцем не тронул Богданушку! Веришь ли?!

– Верю, Максимка. Вставай с колен и старайся как можно меньше это делать в своей жизни, – Ратмир повернулся к лошадке, поправляя подпругу седла.

– Это ты о чём, скоморох? – непонимающе посмотрел на него юноша.

– Да ни о чём, – махнул рукой Ратмир. – Забудь... Скажи мне лучше – какой она была – боярышня?

– А? – непонимающе взглянул на него Максимка и спохватился. – Она была доброй, весёлой, честной. Только ведь ей строго-настрога было запрещено покидать светлицу...

– И всё равно она тайком от отца приходила сюда встречаться с тобой? – улыбнувшись, спросил Ратмир.

– Она приходила жеребят лечить, – упрямо повторил Максимка.

– И ваши все знали про это и молчали. Почему? Говори, я тебе слово даю, что никто не узнает о нашем разговоре. Ещё и монетку серебряную получишь, – Ратмир полез в карман штанов и, вытащив оттуда блестящую монетку, показал её юноше.

– Ой, денежка – это хорошо! – радостно воскликнул юноша и жадными глазами

оставился на монетку.

– Так почему все молчали, что барышня к тебе на свиданки бегала?

– А кому же хотелось бы на себе плетей испытать?! Боярин-то особо не разбирает – кто прав, кто виноват. Сразу всыпать может ни за что, – вскинул возмущенно брови юноша. – Дочка его развлекаться желала, а кто-то потом за это ответ должен был держать.

– Вот даже как! – удивился Ратмир и как-то по-другому посмотрел на Максимку. – Стало быть, тебе не очень нравилось, что она приходила сюда и разговаривала с тобой? Небось, подарки какие-то дарила?

– Ну, было дело, приносила какие-то вышивки – рукоделие бабское, – нехотя признался юноша. – А оно мне на что? Вот, когда монетку-другую подкидывала, так на это хоть обнову какую я мог себе купить или матери конфет каких. Так монеток у неё особо и не допроситься было. Всё отговаривалась, что боярин, дескать, все деньги в сундуке под замком держит.

– А ты её просил деньги у отца воровать? – прищурился Ратмир, держа лошадь под уздцы.

– Так мне же должна была быть от неё хоть какая-то польза, – пожал плечами Максимка. – И все мои дружки так говорили. Что, мол, если терпишь её поцелуйчики, то пусть она тебе и платит за это.

– Так вы целовались даже?! – поразился Ратмир.

– А что мне было делать, если она сама губки свои подставляла? – искренне удивился Максимка.

Неожиданно на улице послышался грубый мужской голос:

– Эй, кто тут есть?! Запрягай повозку боярина Саврасова. Живо!

– Сейчас, сейчас! – засуетился юноша и заискивающе посмотрел на Ратмира. – Так как, скоморох? Я всё тебе рассказал как на духу. А ты денежку обещал...

– Держи, – кинул ему обещанную монетку Ратмир и, молча, вышел из конюшни, уводя за собой под уздцы лошадь.

– Вот спасибочки! – обрадовался юноша и, быстро сунув монетку за щёку, взялся умело запрягать лошадей боярина Саврасова.

Ратмир вышел на подворье, ловко запрыгнул в седло и направил лошадку прямо к боярским воротам. Стоявший у ворот долговязый холоп Арсений тут же кинулся отворять их, да так и оставил открытыми в ожидании выезда повозки боярина Саврасова.

Проскакав по наезженной, потрескавшейся от жары дорожной колее в чистом поле километров пять, Ратмир остановился около островка из невысоких кустарников и, спрыгнув на землю, огляделся по сторонам.

Вокруг, куда ни глянь, простиралась земля с пожухлой от засушливой погоды травой. Несмотря на то, что день только занимался, воздух уже был тяжёл и удушлив, как перед грозой. На небе не было ни одной тучки, и даже птицы лениво, едва слышно щебетали в редких кустарниках.

Ратмир достал из пристёгнутого к седлу баула бурдюк с водой и отпил немного. Солнце уже начинало припекать, и он, достав из того же баула две белые тряпицы, привязал лошадку к одному из кустарников. Там Ратмир набросил одну тряпицу на лошадку, вторую повязал себе на голову и, сев в редкий тенёк, достал из-за пояса небольшую книжицу в кожаном

переплётё. Ещё раз посмотрел на дорогу и принялся читать. Вскоре издали послышался топот копыт, и на горизонте показались повозка и несколько всадников. Ратмир аккуратно закрыл книжку и вновь спрятал её за пояс. Потом встал с земли и, взяв лошадь под уздцы, направился к дорожной колее. Вскорости повозка доехала до него и остановилась.

– Прими, – сказал Ратмир одному из всадников и протянул ему вожжи от своей лошади. Тот кивнул и взял их. Ратмир открыл дверцу повозки, сел в неё и плотно закрыл за собой дверь.

– Жарко, – выдохнул он, сняв с головы белую повязку и откинувшись на спинку сиденья.

– Да, похоже, что бескормица ждёт нас и в этом году. При дворе говорят, что в некоторых уездах уже начался голод, и народ начинает есть собак и кошек, – озабоченно произнёс сидевший напротив него боярин Саврасов.

– Это плохо, – вздохнул Ратмир. – Опять на дорогах будет много разбойников и удушенников. Придётся возить с собой больше оружия.

– Так что там, Ратмир? Есть, какие новости по убийце боярышни-то? – обеспокоенно склонился в его сторону боярин Саврасов.

– Эх, не вовремя ты меня на это дело повернул, Лука Дементьевич! – в сердцах воскликнул Ратмир. – Сам знаешь, что мне сейчас в другом месте нужно было быть.

– Не сердись, Ратмир, – виновато произнёс боярин Саврасов, – там я уже предупредил, и они подождут. А тут такое горе у моего друга! Кроме тебя ведь никто ему настоящего убийцу и не найдёт.

– Ой, ли, – невесело усмехнулся Ратмир.

– А ты не смейся, Ратмир. Сам вчера от дыбы дьяка Лаврентия едва уберёгся, – напомнил ему боярин Саврасов.

– Да ушли бы мы от людей боярина Скобелева и дьяка Лаврентия! Не в первый раз уже! – недовольно махнул рукой Ратмир. – Не лежит у меня душа помогать этому боярину! Гнилой он человек! Жестокосердный! Зря ты, Лука Дементьевич, уговорил меня на это дознание.

– Прости, Ратмир, но я не мог по-другому. Друг он мне, хоть и характер у него и, правда, скверный. Я тебе ещё не рассказывал, а только по молодости пошли мы как-то с ним зимой на охоту и отстали где-то наши холопы от нас. Мы вдвоём по лесу и блуждали, пока на меня медведь-шатун не напал. Всего поломал, а только Светозар Алексеевич меня от медведя отбил и потом двое суток на себе из лесу выносил.

– Там он был герой. А здесь что творит?! – воскликнул Ратмир. – Безвинного человека вздёрнул на дыбу, а потом ещё и на виселицу. У нас вон даже Теодорка от такой картины чувств лишился.

– Так этот же холоп на воротах стоял, через которые боярышня с подворья ушла. Или нет?

– На воротах, может, он и стоял. Но только боярышня могла и другим путём выйти. Через забор к примеру, – скрестив руки на груди, вздохнул Ратмир.

– Боярышня и через забор? – изумился боярин Саврасов. – Сама?

– Сама или кто помог... или же в бесчувственном состоянии могли перекинуть. Или же подкоп какой-нибудь под забором мог быть. Вот вернусь из города и пройду вдоль всего подворья, – размышляя, произнёс Ратмир, глядя из окна повозки на жёлтые от засухи поля, и добавил: – Посмотрим, Лука Дементьевич. Скажи-ка мне лучше, не собирается ли Великий государь к Северному морю ещё людишек на верфи посылать?

– Пока молчит. А что – хочешь и туда добратся со своими скоморохами? – рассмеялся боярин Саврасов.

– Похоже, что скоро и здесь начнутся голодные бунты. А я должен позаботиться о своих людях. Там на верфях Великий государь хорошо платит и бескормицы не будет, – уверенно заявил Ратмир.

– Семейй тебе пора обзаводиться, Ратмир, – участливо произнёс боярин Саврасов. – А то живёшь как перекаати-поле...

– Они пока моя семья, а там как Бог даст, – неожиданно улыбнулся Ратмир и добавил: – А я вот на твоём месте, Лука Дементьевич, хорошенько подумал бы про эти самые верфи. Сам же ты тогда говорил, что английская королева интерес проявляет к этим путям. Вот и обратись к Великому государю, чтобы он тебе позволил часть строительства этих верфей оплатить. И почёт тебе за это будет от Великого государя, и самому потом прямиком иноземные товары выгодно привозить будет. Не всё же тебе у английских купцов перекупать.

– Не любит Великий государь, когда его слуги дворовые торговлей промышляют, – вздохнул боярин Саврасов. – Да и английским купцам у нас особое предпочтение от Великого государя. Все уже это видят и знают.

– Так ты же не сам торговыми делами занимайся, а человека верного поставь на это дело. Что мне тебя учить, что ли, нужно? – рассмеялся Ратмир.

– Вот тебя, Ратмир, я поставил бы на это дело. Ни минуты не раздумывал бы, – воскликнул боярин Саврасов. – И ловкий ты, и проницательный, и с людьми быстро сходишься, и грамоте обучен. А то давай, Ратмир, иди ко мне по торговому делу. Будешь, как сыр в масле кататься...

– Нет, Лука Дементьевич. Я не по этому делу. Мне свобода по душе. Сегодня я здесь, завтра – там. И никому ничего не должен. Вот съезжу со своими товарищами на верфи, а оттуда уже, куда душа позовёт, – опять рассмеялся Ратмир.

– Жаль, – вздохнул боярин Саврасов. – Мне верные люди ой как нужны!

– А кому же они не нужны? – кивнул Ратмир. – Есть у меня на примете один человек. Тоже грамотный и в общении лёгкий. Ручаюсь за него как за себя самого. Вот он тебе и торговые дела на верфи всё как надо сделает. В большой прибыли будешь.

– Гляжу я на тебя Ратмир и иногда диву даюсь. Вроде и скоморох ты обыкновенный. А умом под стать иным учёным людям, – вздохнул боярин Саврасов. – Очень мне обидно, что такие дорогие качества ты впустую тратишь. Хотя польза нам от тебя очень даже большая. А человека своего всё-таки давай, присылай ко мне. Запала мне твоя мысль про верфи.

– Он сам к тебе завтра после обеда придёт. Мефодием его зовут. Скажет, что от меня. Ты уж его не обидь, а он тебе верой и правдой служить будет. Потом ещё сто раз за него мне спасибо скажешь.

– Ну-ну, поглядим. Как у нас говорят – не говори «гоп», пока не перепрыгнешь, – кивнул боярин Саврасов. – Надеюсь, что он так же умеет молчать, как и ты?

– Это само собой, Лука Дементьевич. Я никогда не предлагаю в дело непроверенных людей.

– И по нашим делам он сможет быть полезен? – пытливо посмотрел на Ратмира боярин Саврасов.

– Это уж как тебе решать. Не будешь его обижать, так и он тебе в любом деле сгодится.

– Понятно. Тогда я на него посмотрю какое-то время, а там уже решу. В таком деле только верные люди нужны, иначе нам всем конец.

– Да уж, опасные вы игры затеяли, бояре, – покачал головой Ратмир. – Хотя терпеть такие унижения – это же какие силы надо иметь!

– Сам же видишь и слышишь, что в стране творится, Ратмир. Опричина кругом уже всякими данями обложила и бедных, и богатых. Сколько уважаемых бояр на плахе полегло, а сколько в ссылку отправились! Нету больше мочи у добрых бояр терпеть это беззаконие... – вздохнул боярин Саврасов. – Вот и твоя помощь иногда в нашем деле требуется. Нам верные посыльные очень нужны.

– И мне от тебя тоже сейчас помощь понадобится, Лука Дементьевич, – обратился к нему Ратмир.

– Говори, что в моих силах, для тебя всё сделаю, – оживился боярин Саврасов.

– Помнишь, два года назад по твоему делу об утере документов ты мне делал бумагу, по которой я мог бывать в разных присутственных местах?

– Конечно, помню.

– Так у неё срок вчера закончился. А она мне нужна для поиска убийцы дочери боярина Скобелева. Но особенно мне сейчас понадобится память для прохода в Александрову слободу.

– Александрову слободу?! – нахмурился боярин Саврасов. – С этим сложнее. Великий государь чуть ли не сам эту бумагу подписывает каждому.

– Знаю, – спокойно ответил Ратмир. – Поэтому и обратился к тебе.

– Кем же мне тогда тебя представить ему? – озабоченно покачал головой боярин Саврасов.

– Кем хочешь. Хоть купцом, хоть стрельцом.

– Так ты думаешь, что убийца где-то в слободе? Навряд ли, – засомневался боярин Саврасов. – Что-то мне не верится...

– А то, что твой брат тебя так решил подставить – тебе верилось? – усмехнулся Ратмир.

– Да нет, конечно! – воскликнул боярин Саврасов. – Ну, хорошо, убедил. Тебе виднее. Сегодня она тебе нужна?

– Да, лучше сегодня и до вечера. Тогда я успею побывать в одном заведении, – потрянул чёрными волосами Ратмир.

– Это же мне прямо сейчас нужно будет до Канцелярского приказа в слободу ехать! Ну, ладно, раз уж обещал. И как её тебе передать?

– Пусть твой Мишка принесёт мне её в питейный дом на Покровской. Буду там его ждать до позднего вечера.

– Хорошо, он тебе занесёт. Ещё что-нибудь, Ратмир?

– Вроде бы пока всё, Лука Дементьевич, – улыбнулся тот и опять повязал голову белой тряпицей. – Пора мне к своей лошадке. Не нужно, чтобы лишний раз нас видели вместе.

Боярин Саврасов постучал кулаком в деревянную крышу повозки, и та тут же остановилась. Ратмир быстро вышел из неё, подошёл к своей лошадке и ласково похлопал по загривку. Ратник передал ему поводья и негромко свистнул. Повозка медленно тронулась с места. Ратмир достал из притороченной к седлу котомки небольшой бурдюк с водой и кожаную плоску. Аккуратно налил в неё из бурдюка воды и протянул лошадке:

– На, милая, попей. По такой жаре у кого хочешь во рту пересохнет.

Лошадь благодарно глянула на него влажными бархатными глазами и опустила свою морду в плоску, наполненную водой. Через некоторое время Ратмир опять полез в котомку,

достал оттуда искусно сделанную короткую чёрную бороду с усами. Затем прошелся по полю и, найдя птичье гнездо, забрал из него одно маленькое яичко. Подойдя обратно к лошадке, Ратмир разбил яйцо и смазал бороду изнутри белком. Затем аккуратно приклеил её себе на подбородок. Подождал несколько минут, чтобы яйцо схватилось, и, вскочив на лошадь, направил её в сторону города.

В город Ратмир попал уже ближе к вечеру. По грязным деревянным мостовым утрюмо сновал городской люд. Измождённые, но шустрые мальчишки, негромко перекрикиваясь, скользили в этой толпе, норовя украсть у торговцев пирогами маленький кусочек съестного, чтобы хоть как-то успокоить мучительное чувство голода.

Подростки постарше и бородатые мужики, пряча под полой кафтана котомку с уже нарезанными кусочками чёрного хлеба, бродили среди озабоченных горожан и негромко предлагали: «А вот хлебушек...кому хлебушка? Можно за деньгу, а можно на обмен». И голодные люди доставали из своих сундуков последние отрезки сукна, ношенные кожаные сапоги и прочую утварь и несли всё это к менялам, чтобы получить небольшой, размером с ладонь, вожделенный кусок хлеба.

Иногда тут же по этим улицам проносились на откормленных скакунах в чёрных одеяниях бородатые, оскалившиеся опричники, с гомерическим хохотом направляя своих лошадей прямо на толпы беззащитных горожан, не разбирая ни стариков, ни женщин, ни детей.

– Будь ты проклят, ирод! – крикнула немолодая горожанка вслед такому царскому слуге, сбившему своим скакуном с ног её престарелую мать, с которой они шли в церковь к вечерней молитве. Толпа вокруг ахнула и тут же наступила тишина. Всадник в чёрном сразу же развернулся и направился к ней.

Стоявший рядом народ бросился врассыпную, а женщина, увидев несущегося на них коня, склонилась над беспомощно возившейся на земле старухой и прикрыла её своим телом. Рассвирепевший опричник на полном скаку нагнулся и, схватив несчастную прямо за волосы, поволок её за собой по земле. Отчаянный женский крик пронзил тишину площади, но никто не посмел и глаз поднять от земли, молясь только о том, чтобы их миновала бы такая ужасная участь.

Потом всадник кинул свою жертву наземь и, проскакав по инерции несколько метров, повернул коня обратно. В этот момент обезумевшая от боли женщина попыталась присесть, опираясь о землю дрожащими руками. Даже любопытные мальчишки в ужасе прикрыли руками глаза, увидев, как страшный чёрный человек на полном скаку саблей разрубил сидевшую на земле горожанку, и её тело медленно развалилось на две истекающие кровью половинки.

Ратмир, наблюдавший за ужасной сценой из-за двери питейного заведения, побледнел и, сжав губы, стал пристально рассматривать гарцующего рядом с убитой женщиной опричника. Тот победно махал окровавленной саблей и выискивал очередную жертву. Но площадь казалась бы безжизненной, если бы не полуслепая престарелая мать погибшей горожанки. Она, сидя на земле, беспомощно водила вокруг себя руками в поисках посоха и негромко звала свою дочь: «Доченька, доченька... Татианушка, помоги мне посох найти».

Ратмир понял, что опричник собирается напасть и на несчастную старуху, и торопливо полез правой рукой за пазуху. Достал оттуда какой-то продолговатый предмет, завёрнутый в белую тряпицу. Развернул её и в руках у него оказалась небольшая полая тростинка. Затем Ратмир огляделся по сторонам. Все посетители питейного заведения, спрятавшись за ставни и под столы, как зачарованные не спускали глаз с дверей корчмы, моля только об одном – чтобы страшный опричник не надумал заскочить и сюда. А тот, чувствуя свою

безнаказанность, очерился гнилыми зубами и направил, было, своего коня прямо на старуху, размахивая окровавленной саблей. Но вдруг в какой-то момент он выронил саблю и схватился обеими руками за шею. Лицо его побагровело, он стал задыхаться и, выпучив глаза, свалился на землю. Выгнувшись всем телом, он продолжал сжимать себе горло, и пена пошла у него изо рта. Опричник натужно хрипел и сучил ногами в чёрных шёлковых портках, вокруг него по деревянной мостовой расплылась лужа.

– Обоссался, тьфу! – негромко произнёс худой хозяин питейного заведения в кумачовой рубашке навыпуск и кивнул головой своим посетителям. – Всё, ребята, бегом по домам. Я закрываю, иначе вскорости здесь такое начнётся!

Посетители быстро повыползали из-под столов и, расплатившись с хозяином, мигом исчезли в городских сумерках. Ратмир завернул тростинку в белую тряпицу и вновь сунул её за пазуху.

– Не знаю, какая его муха укусила, но прилетела она как раз вовремя, – негромко произнёс хозяин питейного заведения, рассчитывая Ратмира.

Последний всё поглядывал на дверь, ожидая посыльного от боярина Саврасова. С улицы продолжал раздаваться женский голос, жалобно призывавший Татианушку.

– Старушку жалко. Нет у неё больше никого, хотя и из бывших боярынь. Мужа-то, боярина Сказовского, казнили в прошлом году. Поместья и утварь – всё отошло казне. С дочерью они едва перебивались с хлеба на воду. А вот теперь и без дочки осталась. Если бы Татианушка-то ейная молча стерпела бы боль от того опричника – жива бы осталась. А сейчас и сама Татiana пойдёт на студень, да и мамаше ейной немного осталось, – досадливо морщась, произнёс хозяин заведения и с удивлением посмотрел на Ратмира: – А ты, смотрю, не особо торопишься? Или ждёшь кого?

– Да посыльный должен был принести одну бумажку, – в свою очередь с досадой откликнулся Ратмир. – Пристроить бы к кому эту старуху-то. А то не по-христиански как-то получается.

– А к кому? Все сейчас голодают, лишний рот никому не нужен. Хочешь – забирай себе.

– Сейчас не могу.

– Вот видишь, и ты не можешь.

– А на время ты можешь её к себе взять? Я потом заберу. И денег тебе на её прокорм дам, – Ратмир увидел в этот момент высокого, голенастого подростка в тёмно-зелёных портках, заходившего в двери питейного заведения.

– А на кой она тебе сдалась? – удивился хозяин корчмы и обратился к подростку. – Чего тебе здесь нужно, парень? Закрываюсь я.

– Он ко мне, – произнёс Ратмир и достал из-за пазухи два рубля. – Это на месяц. Потом заберу её.

– Ого! – приподнял брови хозяин заведения. – Да за такие деньги она у меня как сыр в масле будет кататься. Если и дальше так будешь платить, то можешь её насовсем у меня оставить.

– Посмотрим, – кивнул Ратмир. – Иди, забирай её при мне, чтобы я видел. Навещу через пару дней, – и, убедившись, что хозяин питейного заведения сам побежал к старухе, обратился к подростку: – Ну, Мишка, давай быстрее бумагу и беги отсюда. Вот-вот здесь появятся опричники и начнут лютовать.

– Я сейчас слышал, что один из них сам себя задушил! – восторженно произнёс тот, торопливо вытягивая из рукава старенького кафтана свёрнутый в рулон лист бумаги, и

спросил. – Как такое возможно?

– Не знаю, – развёл руками Ратмир и, забрав у подростка бумагу, подтолкнул его в спину: – Беги, давай быстрее. А то сам попадёшь под плети опричников.

Выйдя из дверей, Ратмир увидел, как хозяин корчмы бережно, под локоток, повёл полуслепую старуху куда-то на задний двор.

Ратмир вскочил на лошадку, окинул взглядом опустевшую площадь, неподвижное тело опричника... Брови его удивлённо поползли вверх – он не увидел тела разрубленной женщины. Только широкое кровавое пятно напоминало о недавней трагедии.

Ратмир покачал головой и направил лошадку в узкий проезд между каменными домами, заросший какими-то кустами.

Неожиданно он услышал шум, приближавшийся к площади – крики и брань людей, топот коней, бряцанье сабель. Ратмир быстро спешил, привязал поводья лошади к тоненькому стволу молодого тополя и бесшумно направился к кустарнику, росшему почти у начала проезда. Здесь он присел на корточки и стал наблюдать, как беснуется, словно стая оголтелых ворон, толпа одетых в чёрное опричников на чёрных же лошадях с притороченными к сёдлам мётлами. Со страшными ругательствами, размахивая плетьюми, они кружили по площади вокруг тела своего товарища. Двое из них опустили перед погибшим на колени и стали внимательно разглядывать его со всех сторон. Потом один из них покачал головой и развёл руками. Ратмир внимательно прислушался.

– Да вот же на шее у него укус! – воскликнул один из них, тыкая толстым пальцем куда-то в шею погибшего.

– Сам себя он поцарапал. Видишь же, какие перстни у него на пальцах. Да и что такое могло его так укусить, что он тут же окочурился? – возразил ему второй.

– Шмель мог так укусить.

– Да второго дня его шмель вон в спину у реки укусил, а ему хоть бы что было, – с жаром заявил первый.

Остальные опричники в это время медленно кружили по площади, словно вынюхивали жертву. Но площадь была безлюдна, все ставни на окнах закрыты. Неожиданно Ратмир напрягся и прищурился. Он изо всех сил старался рассмотреть одного из опричников, проехавшего в этот момент на лошади у противоположного края площади. Вот он повернул коня, и Ратмир хмыкнул.

– А почему бы и нет? – вполголоса он задал вопрос самому себе, и, не спуская глаз с того опричника, стал внимательно слушать дальше.

Опричники же, не найдя ничего необычного в смерти своего товарища, посоветовались и решили отвезти и отдать его тело родным. Они погрузили мертвеца на лошадь, перекинув его через седло, и укрепили конопляной бечёвкой. Тут же приторочили окровавленную саблю. Один из них взял лошадь погибшего за поводья и повёл её к своей лошади.

Ратмир, убедившись, что чёрная стая опричников скрылась за каменными и деревянными стенами невысоких домов, отвязал свою лошадку от тополя и, сев верхом, направился в сторону выезда из Москвы. Он посмотрел на первые звёзды, появившиеся на небе, и покачал головой: «Опоздал я к Антонию»

На боярское подворье боярина Скобелева Ратмир вернулся за полночь. Стражник у ворот без лишних вопросов пропустил его вовнутрь. А подбежавший заспанный помощник конюха Максимка ловко забрал у него из рук поводья лошадки и повёл её на конюшню – поить и кормить.

Усталый Ратмир подходил к боярской баньке, когда его тихо окликнул женский голос. Он обернулся и увидел Лукерью с каким-то узелком в руках.

– Вот, тут всё твоё чистое, – протянула она ему узелок, заискивающе улыбаясь. – Я специально попросила у вашей Олёны. Сказала, что дождусь тебя.

– Ох, Лукерья! – усмехнулся Ратмир. – И не спится же тебе, полуночница.

– Да, разве тут уснёшь, когда твой лик всё время перед очами, – тихо рассмеялась она. – Ты же всё равно обещал вечером зайти.

– Ну, тогда и ты заходи, – Ратмир приоткрыл дверь в баньку. – Сполоснуться я хотел с дороги. Так что спинку мне и потрёшь.

– Так банька же нетопленная и вода там холодная.

– Зато мы с тобой горячие. Лучину только какую-нибудь принеси. А то в темноте поубиваемся тут.

– Ага, сейчас я, мигом, – и Лукерья тут же исчезла в темноте.

Старик Никифор, поджидавший Ратмира за столом с ужином до последнего, потрогал рукой ещё горячий самовар и, стараясь не скрипеть дощатыми полами, вышел на крыльцо. Он едва успел заметить промчавшуюся в темноте в сторону баньки знакомую фигуру Лукерьи и сразу всё понял:

– Вот ведь егоза! И поговорить не даст мужикам. Ну, ладно, сейчас ему всяко не до меня будет. Утром поговорим, – вздохнул он и, вернувшись в избу, завалился спать на свою лавку.

Проснувшись утром раньше всех, старик Никифор приподнялся и посмотрел на лавку, где обычно спал Ратмир. Она была пуста. Старик встревожился и решил сходить в баньку: «Не угорели ли?»

В лучах раннего летнего солнца бревенчатая баня желтела, как одуванчик. Кругом стояла тишина, и только ранние пташки начинали выводить рулады на разный манер. Старик Никифор неслышно приоткрыл дверь в предбанник и тут же отвернулся. На полу, прямо на медвежьей полости спали, едва прикрыв полотном наготу, Ратмир и Лукерья.

– Вроде бы и не топили вчера вечером баньку, а лежат как неживые, – едва слышно пробормотал он, и опять посмотрел на них, стараясь разглядеть – дышат или нет. В этот момент Лукерья приоткрыла глаза, хитро глянула на него и поднесла указательный палец к губам. Засмутившийся старик Никифор тут же отвёл взгляд в сторону и, глупо закивав, попятился назад. Неожиданно он зацепился босой пяткой о порог и с грохотом вывалился на крыльцо баньки.

– Ты там не сильно зашибся, Никифор? – сонным голосом, не открывая глаз, спросил Ратмир, утыкаясь лицом в пахнувшие какой-то горьковато-сладкой травой волосы Лукерьи.

– А я это... я – ничего... Ты потом к завтраку-то приходи, Ратмир, – суетясь, поднялся с крыльца старик Никифор и, прихрамывая на правую ногу, направился в сторону избы, где

ещё сладко спали скоморохи.

– Смешной он у вас, – тихо засмеялась Лукерья. Затем, счастливо улыбаясь, она нежно провела рукой по крепкой шее скомороха и приникла к ней горячими губами.

– Никифор молодец у нас. Следит, чтобы во всём был порядок, – пробормотал Ратмир, чувствуя, как наливается силой его мужское достоинство. Он положил руку на крутое бедро молодой женщины и, легко приподнявшись на локте, пододвинул её под себя: – Вот и до тебя очередь дошла, милая.

– Ох, Ратмирушка! – только и выдохнула Лукерья в предвкушении сладкого наслаждения.

Спустя час Ратмир, бодрый и весёлый, зашёл в избу, где уже на лавках за столом трапезничали скоморохи.

– О-о, блестит как медная полушка! – не удержалась Авдотья. – Дождалась, видать, Лукерья-то тебя ночью. А то вчера вечером нам тут всем плешь проела, рассказывая, какой ты хороший и умный. Как будто мы и без неё этого не знали.

– Да угомонись ты, Авдотья! – прикрикнул на неё старик Никифор. – Дело молодое. А то можно подумать, что вы с Василием как монахи живёте.

– Мы-то, может, и не живём как монахи, а только про то никто ничего не знает, – ответила Авдотья и тут же примирительно произнесла: – Да нисколько же ты на меня, Ратмирушка, не обижаешься? Правда, же?

– Не за что мне на тебя, Дуняша, обижаться. Ты мне навсегда лучший друг, – усмехнулся Ратмир, пододвигая к себе глиняную чашку с горячей картошкой.

– А я? А мы?! – забеспокоился Теодорка. – Разве мы тебе, дяденька Ратмир, не лучшие друзья?!

– Да, Теодорка, извини. Я неправильно сказал, мы тут все друг другу лучшие друзья, – рассмеялся Ратмир.

– Вот это другое дело! – удовлетворённо воскликнул мальчишка.

– Теодорушка, дай Ратмиру нормально поесть. А то носит его, не знай где, и чем там кормят – тоже неизвестно, – вздохнула Елена и обратилась к Ратмиру. – Ну, как там у тебя дела, Ратмир? Долго ли нам ещё тут сидеть?

– Кое-что начинает, вроде, проясняться. Догадки какие-то. Но пока ещё рано говорить, – прожёвывая кусок зайчатины, озабоченно произнёс Ратмир. – Я и сам был бы рад быстрее уехать отсюда. Да пока не закончим и думать об отъезде нечего. Обещал боярину Саврасову, сами знаете. Вот у вас тут, что интересного для меня есть?

– Говори, Теодор, – обратился к мальчишке старик Никифор.

– Я вчера с мальчишками местными все заборы облазил, и показали они мне как отличать те места, где в заборе лазы сделаны. Это они от набегов степняков и опричников сделали, чтобы было куда сбежать, – вытянувшись в рост, доложил Теодорка. – Только они эти места и от боярина своего в тайне держат. А то, говорят, вдруг и от него спастись придётся. Он у них вон какой бешеный. Ты же сам, дяденька Ратмир, видел, как он того мужика сначала на дыбе пытал, а потом на воротах повесил.

Странное выражение на секунду появилось на лице у Ратмира и тут же пропало. Он, как ни в чём не бывало, тряхнул чёрными прядями волос и кивнул:

– Это мы все видели. Слишком жесток боярин Скобелев. Но не он один такой. Вчера при мне такой же бешеный опричник напололам саблей разрубил женщину.

– За что?! – воскликнули одновременно Елена и Авдотья.

– Сначала он конём сшиб её мать-старушку. И тогда женщина крикнула ему вслед проклятье. Он вернулся и зарубил её саблей...

– Прямо насмерть? – ужаснулся Теодорка.

– Сказали же тебе, что пополам разрубил! – воскликнула Авдотья. – Ты когда-нибудь видел, чтобы ходили живыми половинки людей.

– Не-а... – протянул Теодорка и зажмурил глаза, пытаясь представить себе такую картину. – Бе-е-е, – передёрнул он плечами. – Ужас какой-то...

– Если у кого-то ещё что-то будет для меня – говорите сразу, – озабоченно произнёс Ратмир. – Что-то начинает проясняться. Схожу к себе – побреюсь. А потом мне нужно сходить к самой боярыне и с ней уже поговорить. Мне кажется, что и она что-то знает.

– А мы её так ни разу и не видели за всё это время, – вздохнул Василий.

– Бабы говорят, что она с ума сошла. Сидит, запершись в своей светлице и ни с кем говорить не хочет. И не ест почти ничего. Всё, говорят, Псалтирь читает, – покачала головой Елена. – Это же какое горе – своё родное дитя схоронить.

– А если я умру, мамушка, ты тоже Псалтирь читать будешь? – наивно спросил Теодорка, выжидательно глядя на мать. И тут же схлопотал от неё звонкий подзатыльник.

– А-а, что ты опять дерёшься-то, мамушка?! – захлюпал носом мальчишка. – Я же просто так спросил!

– Я тебе покажу – просто так! Умирать он собрался! Ты мне ещё один раз только заикнись, засранец! И просто так никогда не спрашивай такие вещи! – воскликнула Елена и тут же обняла всхлипывающего подростка. – Ты же, Теодорка, самое дорогое, что есть у меня. Если ты умрёшь, то и я не стану жить. Как же я смогу жить без тебя?! – залилась слезами Елена.

– Ну, всё! Ждите потопа! – вскочил из-за стола Ратмир. – Ты, Теодорка, больше таких вещей у матери никогда не спрашивай. Ты лучше береги её. Она одна у тебя, и больше, как ей, ты никогда и никому не будешь нужен.

– А-а, это он потом поймёт, когда вырастет, – махнул рукой старик Никифор. – Ступай, Ратмир. Делай свои дела, а то нам уже всем порядком осточертело тут сидеть и ждать неожиданностей от боярина Скобелева. Хочется на вольницу скорее.

Закончив бриться и убрав бритвенный прибор в сундучок, Ратмир вышел из избы и направился в сторону боярского терема, где проживала боярыня Скобелева с двумя племянницами и кучей приживалок в виде незамужних престарелых тётушек.

– Я к боярыне Матрёне Петровне, – доложил он ратнику, охранявшему вход в терем.

– Сейчас узнаю, – равнодушно произнёс тот и исчез за окованной железом дверью с изображениями многолучевых звёзд.

– Боярыне нездоровится она и не хочет ни с кем разговаривать, – снова равнодушно произнёс ратник и перекрыл собою вход в ворота терема.

– Иди и скажи ей, что по велению боярина Светозара Алексеевича я здесь стою и не уйду, пока не поговорю с ней, – упрямо произнёс Ратмир.

Ратник, молча, повторно исчез за дверью. Появился он спустя несколько минут и широко распахнул её перед скоморохом.

– Давно бы так, – негромко произнёс Ратмир и шагнул в святая святых каждого боярского двора – терем. Навстречу из сумерек нижнего этажа терема к нему шагнула скромно одетая, в чёрном платке, безликая женщина за пятьдесят и приглашающим жестом позвала его следовать за собой. Ратмир кивнул и так же молча, последовал за ней.

Именно в теремах проходила тогда вся жизнь боярских женщин. Что до замужества, что – после. Только и было разнообразия, что свадьбы и рождение детей. Те, которым не удавалось выйти замуж, ночами выли в подушку от разрывавших мозг и тело законных желаний молодого здорового тела. А шедшие на греховную связь сбегали при первой же возможности из дому с любимым, кто носил штаны и был хоть мало-мальски привлекателен собой, не глядя ни на родовитость, ни на чины.

Сбегали всеми правдами и неправдами, навлекая позор на весь боярский род. И потому при поимке с такими беспощадно расправлялись, и даже мест захоронения их не знал потом никто.

Ратмир знал об этом и потому шёл в терем, не оглядываясь по сторонам и глядя только в пол, так как знал, что за каждой шторкой и ширмочкой могла скрываться изголодавшаяся по мужскому вниманию очередная несчастная женская судьба. И ему никак не хотелось бы стать причиной ещё одного несчастья на этом подворье. Случившегося с Богданушкой с лихвой хватило боярской семье Скобелевых.

Сопровождавшая женщина знаком руки остановила его перед крепкой дубовой дверью с резными виноградными лозами и пышными розами. Она зашла в светлицу и тут же вышла, распахнув дверь перед Ратмиром. В нос ему ударил терпкий запах благовоний и ладана. Он ещё раз глянул на проводившую его женщину, ожидая какого-нибудь знака, но, не дождавшись, шагнул в светлицу.

Там на широкой лавке в тёмном платке, поверх которого был одет траурный головной убор, в синем бархатном кафтане с прорезными рукавами сидела бледная, осунувшаяся женщина сорока пяти лет с тусклыми запавшими глазами и, молча, смотрела на него.

Ратмир вспомнил, что видел её на погребении. Но там она в горе своём рыдала и

стенала так, что мороз шёл по коже. И ведшие её под руки сыновья только и удерживали от того, чтобы кинуться ей самой в сырую землю.

Ратмир поклонился ей большим поклоном и начал:

– Я – простой скоморох, боярыня. Но бог помогает мне в дознавательском деле. Про это узнал твой супруг – боярин Светозар Алексеевич, и только поэтому я здесь. Я пообещал ему и боярину Саврасову помочь найти убийцу вашей дочери. Мне нужно задать тебе несколько вопросов.

В ответ ему была тишина. Ратмир поднял глаза и увидел, что боярыня как сидела на лавке, так и продолжает сидеть, никак не реагируя на его слова. Он без спроса присел на лавку, обтянутую дорогой парчой, понимая, что разговор, скорее всего, будет долгим. И, руководствуясь правилом, что «в ногах правды нет», всегда старался присесть, если была возможность.

– Я понимаю твоё горе, боярыня, и поэтому хочу тебе немного рассказать том, что я уже успел узнать, – решил зайти с другого конца Ратмир. – Я уже докладывал Светозару Алексеевичу, что в народе ходят слухи о том, что ваши сыновья не любили свою сестру...

Боярыня издала странный клокочущий звук, но продолжила сидеть истуканом. Ратмир не сводя с неё глаз, добавил:

– И, если бы это была правда, то вполне можно было бы предположить, что именно им была выгодна её смерть. Всё равно, кем она была бы сотворена – их руками или руками наймита. Но проведёнными мною экспериментусами я доказал, что твои сыновья не убивали Богдану. Ни сами, ни руками наймита...

В этот момент за дверью послышался шум и чьи-то громкие шаги, и на пороге появился боярин Скобелев. Он, тяжело дыша, внимательно посмотрел на присутствовавших.

– Ч-что...ч-чт-то ты сейчас сказал, скоморох?! – вдруг слабым голосом воскликнула боярыня и протянула в его сторону руки.

– Что ты ей сказал, скоморох?! – резко повторил боярин Скобелев, глядя в упор на Ратмира.

– Я только успел сказать, что смог доказать, что ваши сыновья не убивали свою сестру.

– Слава Богу, слава Богу! – воскликнула боярыня и, упав на колени, подползла на коленях к боярину Скобелеву и припала головой к его руке. – Прости меня, сокол мой ясный! Прости меня, дуру бестолковую!

– Что с тобою, Матрёнушка?! – подхватил её под руки боярин Скобелев и посадил на лавку. – За что прощения просишь?

– Грешна я, Светозар Алексеевич! Страшно грешна. Я ведь все эти дни думала, что это Матвейка и Тимошка убили Богданушку, – рыдая, призналась она.

– Ты что – сдурела баба?! Как тебе такое в голову могло прийти?! – оттолкнул её от себя боярин Скобелев. – Это же наши сыновья!

– погоди, боярин, – поднял руку Ратмир. – Так ты ей ничего не сказал после того как я сделал в тот раз экспериментус с твоими сыновьями?

– А почему я должен был говорить ей об этом?! – неприязненно посмотрел на него боярин. – Я и так знал, что они безвинны в этом деле.

– А вот боярыня, как видишь, по-другому мыслила, – покачал головой Ратмир и добавил: – Дозволь задать вопрос Матрёне Петровне, боярин?

– Ну ... – рявкнул недовольный боярин Скобелев.

– Боярыня Матрёна Петровна, а почему ты решила, что именно ваши сыновья убили

боярышню? Видела или слышала что-то?

– Было, скоморох, было... – с горечью в голосе согласно кивнула она. – В начале весны случайно я сама услышала, как они между собой разговаривали о том, как было бы хорошо поделить наследство твое, Светозар Алексеевич, если бы не было Богданушки. И Тимофей тогда сказал, что может она ещё и не доживёт до дня своей свадьбы... А потом, когда убили Богданушку, я окаменела душой и сердцем, думая, что это мои сыновья погубили свою сестру...

– Врёшь, старая! Из ума выжила, дура! – замахнулся на неё посохом боярин Скобелев.

– Пусть я – дура и старая! Но главное, что снял ты с сердца моего, скоморох, смертный груз. Знать, что твои сыновья не убийцы – что может быть важнее! – боярыня обхватила лицо руками, глубоко вздохнула и стала медленно подниматься с лавки. – Теперь можешь спрашивать меня, скоморох. Если мои сыновья невиновны, то я сделаю всё, чтобы ты смог найти настоящего убийцу моей дочери.

Она убрала руки с лица, вновь села на лавку, и Ратмир увидел, как посветлели её выразительные печальные глаза.

Боярин Скобелев присел рядом и, взяв супругу за руку, посмотрел на Ратмира:

– Спрашивай, скоморох. Я не помешаю.

– Извини, боярин, но я сразу тебе поставил условие, что в некоторых случаях мне придётся разговаривать один на один. Вот и сейчас я хотел бы, чтобы наш разговор с боярыней не слышал никто, – вздохнул Ратмир и вопросительно посмотрел на боярина.

Тот залился багровой краской, открыл, было, рот, но, встретив умоляющий взгляд жены, со злостью стукнул кулаком по столу и, молча, вышел из горницы.

– Вот такой он, Светозар Алексеевич, горяч и вспыльчив, – извиняюще произнесла боярыня. – Не обижайся на него, скоморох. Богданушку он любил больше сыновей своих – это правда. И после смерти её теперь ходит сам не свой...

– Расскажи мне, боярыня, какой была ваша дочь? Чем любила заниматься, с кем дружбу водила, делилась ли с тобой своими девичьими тайнами? – Ратмир внимательно посмотрел на боярыню.

– Зачем тебе про это знать, скоморох? Богданушку уже не вернуть, и пусть все её девичьи тайны останутся со мной, – с грустью в голосе ответила боярыня.

– Ты, боярыня Матрёна Петровна, неправильно поняла меня, – сухо произнёс Ратмир. – Мне рассказы о твоей дочери нужны не переживаний ради. А нужно всё это только для того, чтобы быстрее найти убийцу. Знания о привычках, характере и поступках людей иногда очень даже помогают понять, где надо искать вероятного убийцу. Расскажи, что делала Богдана за день до своей смерти.

Боярыня, растерявшись от такого тона, с усилием потерла рукой лоб и, прищурив глаза, стала вспоминать:

– В тот день были именины Светозара Алексеевича, и много народу прибыло, чтобы поздравить его.

– Они все были приглашены или кто-то приехал незванный?

– Нет, только приглашённые. Светозар Алексеевич не любит, когда посторонние на подворье. Вот и вас, скоморохов, он не хотел поначалу. Да только Лука Дементыч его уговорил. Сказал, что можно гостей потешить.

– Выходила ли Богдана к гостям? Может быть, вместе с тобой, боярыня? – продолжал расспрашивать Ратмир.

– Я только выходила по просьбе боярина – поцелуйным обрядом чествовать его товарищей. Богданушка в тереме сидела. Рукоделием занималась, – прослезилась боярыня.

– Спрошу сейчас вещь нескромную, боярыня. Потому и не хотел, чтобы супруг твой этот разговор слышал, – вздохнул Ратмир и постучал пальцами по столу. – Говорила ли тебе Богданушка, что есть у неё юноша какой-нибудь на примете. Только скажи мне правду, боярыня, и я обещаю тебе, что боярин не узнает о нашем разговоре никогда, – убедительно произнёс он, глядя ей прямо в глаза.

Боярыня замерла от неожиданности. Открыла, было, рот, потом опять закрыла. Потом покачала головой и шёпотом произнесла:

– И соврала бы тебе, не раздумывая, скоморох, если бы Богданушка была жива. Но, зная, что ты можешь помочь отыскать обидчика нашего кровного, я открою тебе одну тайну. Года два назад выезжали мы на Рождество к моей родной сестре – боярыне Левашовой. Живёт она с семьёй в Новгороде. Путь туда неблизкий. Но с Божьей помощью добрались мы туда хорошо и прожили там почти целый год. А Светозар Алексеевич частенько приезжал навещать нас.

– Там ведь тоже в тереме вам пришлось всем быть? – уточнил Ратмир.

– Так сестра моя уже пятый год как вдова. Всё хозяйство теперь на ней. Дочек своих она, конечно, в терему держит, но не в такой строгости, как мы здесь живём, – боярыня поправила платок на голове. – Вот там и встретился нам сынок местного писаря Андрейка. Шebutной, шустрый, востроглазый паренёк. Он всё сына моей сестры Дмитрия обучал, как силки на птиц да на зайцев в поле ставить. Колесо крутил забавно, на руках ходил. Вот как наподобие вашего мальчишки-скомороха, – с чувством произнесла она и тут же спохватилась. – Это я случайно из окна увидела вашего мальчишку, когда вы на именинах Светозара Алексеевича представление на дворе показывали.

– Нет ничего стыдного в наших представлениях. И при дворе Великого государя скоморохи потешки показывают на радость людям, – усмехнулся Ратмир, не сводя с неё глаз. – Продолжи свой рассказ, боярыня.

– Только не говори боярину моему, скоморох. По секрету тебе скажу, что не держали мы там такой строгости. И дети наши гуляли и играли вместе – и боярские, и дворовые. И ничего зазорного в том не было, потому что игры эти детские были, – возбуждённо произнесла боярыня. – Попробуй-ка посиди в тереме весь век! Поневоле взвоешь от тоски и отчаянья...

– Это правда, боярыня. Прожить всю жизнь в терему, это как в клетке прожить, – согласно кивнул Ратмир.

– А как зовут тебя, скоморох? А то неловко как-то получается с тобой беседовать, не зная имени, – неожиданно спросила боярыня.

– Ратмир я, боярыня, – просто ответил скоморох. – Ты не обращай на меня внимания, а продолжи рассказ свой про зазнобу Богданы. Сильно ли он полюбился ей? Присылали ли они сватов?

– Какие сваты, скоморох?! – удивилась боярыня. – Он же сын писаря! Просто запал Андрейка этот ей тогда на душу. Грозилась даже сбежать к нему...

– Когда она грозилась сбежать?

– Да в тот же год и грозилась в шутку. А потом уже и успокоилась.

– А в этом году часто она о нём вспоминала?

– Да почти и ни разу... хотя нет – пару раз упоминала его имя...

– А вот теперь, боярыня, прямо слово в слово надо вспомнить, что именно она сказала и

как она говорила: грустно, весело, ласково...

– Помню, она мне сказала пару месяцев назад, что счастливы те девицы, которые сами могут выбирать себе суженых. Я тогда, смеясь, спросила у неё – а кого бы она выбрала. И тогда Богданушка засмушалась и, покраснев как маков цвет, прошептала имя Андрейки, – слабо улыбнулась боярыня и, уткнувшись лицом в расшитый платочек, тихонько заскулила.

Ратмир, сжав губы, покачал головой и спросил:

– Андрейка этот не мог так с ней поступить?

– Да бог с тобой, скоморох! Он же тоже ещё совсем дитё. Да и как бы он с Новгорода сюда добрался бы?!

– А как ты сама думаешь, боярыня, кто бы мог такое сотворить? Кто из ваших гостей имеет к боярину твоему ненависть лютую? Ведь так поступить с боярышней мог только либо безумец, которому вы отказали, либо тот, кто очень хотел отомстить тебе или боярину за что-то. Вспоминай, боярыня, вспоминай. Сама говоришь, что чужих людей у вас на дворе не было.

Ратмир встал с лавки и, подойдя к увешанному белой кисеёй окну, отодвинул её в сторону и постучал ногтём указательного пальца по слюдяному листу. Потом аккуратно приоткрыл деревянную оконную рамку и посмотрел на открывшийся вид. Перед ним как на ладони лежала большая широкая площадь, на которой только позавчера он со своими товарищами давали представление. Тогда на улице уже было темно, площадь освещали факелами, и шумная толпа взрослых и детей радостно, со смехом и свистом встречали каждый их номер.

– Здесь стояла Богданушка, когда мы на площади потешки показывали? Или у вас все окна можно так отворить? – неожиданно спросил Ратмир, не поворачиваясь от окна. – Не бойся, боярыня, говорить, просто мы все видели ваши фигуры в окнах за кисеёй. То и понятно, что каждому интересно посмотреть представление скоморохов.

– Да, Богданушка стояла именно там и каждый раз как малое дитя хлопала в ладоши, когда была какая-нибудь смешная картинка, – подошла к нему за спиной боярыня и показала на соседнее окно: – А там я стояла.

– Кто ещё был в светлице в это время?

– Мои племянницы – Глафира и Степанида. В этот раз они приехали к нам погостить, но с моим Светозаром Алексеевичем не забалуешь. Поэтому и они сидели с нами всё это время в тереме.

– Ещё кто-то был?

– Нянюшка Богданушки – Марфа Васильевна. Да она уже старая – толком ничего не видит. Вот и сидела там, на лавочке в уголке. Нас всё ругала, что мы на эти, как она говорила, бесовские потехи смотрим. Страшным судом грозилась... Надо было послушаться её... Глядишь, Богданушка была бы жива сейчас...

– А как бы мне прямо сегодня переговорить с этой нянюшкой? Она, получается, была последней, с кем разговаривала твоя дочь в тереме в тот вечер, – Ратмир выжидательно посмотрел на боярыню Скобелеву.

– Так нет её сейчас на подворье, – покачала головой боярыня. – Как только прознала, что Богданушку убили, так с ней родимчик и приключился. Сын её приезжал и увёз к себе в деревню. Батюшка сказал, что вряд ли она такой удар перенесёт. В беспмятстве, говорит, лежит.

– Это плохо, – с досадой покачал головой Ратмир. Он прикрыл окно и отошёл от него. Мельком глянул на боярыню и тут же отвернулся:

– Мне сказали, что ещё и старые тётушки живут тут с вами...

– Живут, живут... Только они не тётушки мне. Это старшие сёстры боярина Светозара Алексеевича. В жёны их никто не взял, вот они живут в тереме всю жизнь старыми девами. Думал Светозар Алексеевич их в монастырь отправить, да они так не хотели, так не хотели... Вот и я его упростила их оставить, всё-таки не чужие люди.

– А не чувствовала ты, боярыня, что завидуют они счастью твоему бабскому? – спросил Ратмир.

– Как же не чувствовать? Конечно, чувствовала. Да и они не скрывали, – вздохнула боярыня. – Частенько говорили, какая я счастливая, что и детишек нарожала, и что счастье женское познала.

– А почему никто их замуж не взял?

– Свёкор мой, Никита Фролович, часто в ярость впадал, и страшен был очень, когда это происходило. Мог с топором по двору бегать за тем, кто не по нраву ему придётся. Жену свою, мать Светозара Алексеевича, до смертной тоски довёл – удавилась она в одночасье, когда он её в очередной раз кнутом отстегал. Светозар Алексеевич тогда ещё только юношей был, не посмел на отца-то кинуться – мать защитить... Только есть Бог на свете. Отлились моему свёкру слёзки всех им обиженных, – с каким-то удовлетворением произнесла боярыня.

– Это каким же образом?

– А кабан его порвал, когда он на охоту поехал. Жаль только, что свекровь моя поторопилась, не дождалась этого момента. Очень уж хорошая, добрая она была, – боярыня смахнула платочком слезу.

– Похоже, что боярину Светозару Алексеевичу его суровый нрав от отца достался? – полуутвердительно спросил Ратмир.

– Да, есть немного, – покачала головой боярыня.

– Как же вы не побоялись скоморошьи потешки смотреть, если знаете, что Светозар Алексеевич мог и вас кнутом отстегать?

– Нет, этого в нём нет! – воскликнула боярыня. – Ни меня, ни детей Светозар Алексеевич за всю жизнь ни разу не обидел, ни кулаком, ни кнутом. Только сказал как-то после нашего венчания, что после смерти горячей любимой матушки сам себе зарок дал – что ни жену, ни детей никогда даже пальцем не тронуть.

– А холопа на дыбу и повесить потом на заборе или плетьюми до смерти засечь – это он может, – констатировал Ратмир.

В ответ ему было молчание.

– Понятно, – вздохнул он. – Вспоминай теперь, боярыня, когда ты заметила, что Богданушки нет в светлице. Может она сказала тебе что-то, прежде чем уйти отсюда?

– Так она с нянюшкой своей пошла к себе в опочивальню, ко сну готовиться. Время-то уже позднее было.

– И более ты её уже не видела?

– Ох, – тяжело вздохнула боярыня. – Горюшко моё горькое. Не видала я больше свою доченьку живой... Только наутро, когда тётка Прасковья прибежала со страшным известием, так мои ноженки и подкосились, и больше я ничего не помнила... И как же она могла оказаться-то натом проклятом поле?! Как же охранники-то на воротах не уследили?!

– А могла она, не сказав никому, сама убежать за забор? Ты же, боярыня, знала, что она бегала на конюшню жеребят лечить, – произнёс Ратмир и проследил, как странная гримаса промелькнула на лице боярыни.

– И это ты уже знаешь, скоморох, – вздохнула боярыня. – Да, бегала она туда. Уж больно ей жеребят было жалко. От отца-то, конечно, всё скрывали. Богданушку все любили. Никому она даже слова плохого не сказала...

– И на конюшне есть молодой конюх, юноша ещё совсем, – негромко произнёс Ратмир, следя за реакцией боярыни.

Она нахмурилась, хотела что-то возразить. Но потом глянула на Ратмира и развела руками:

– Ну, раз и это тебе известно, то ... Да, бегала она на конюшню. А только умишко-то у неё ещё совсем детский был. Я и приказывала ей, и дверь её комнатки запирала, и отцу грозилась рассказать. Только рвалась она к нему очень сильно. «Люблю», – говорит, и всё! А он же – холоп! Светозар Алексеевич как узнал бы, так и живо с неё шкуру спустил бы!.. Вот этого я больше всего боялась. А так – покрывала её, конечно. Ну, не убивать же мне её было! Дочь ведь она мне родная. Не знаю, было ли что там промеж них...

– Не было между ними ничего. Боялся он гнева боярского, и потому, кроме поцелуйчиков, ничего у них и не было, – задумчиво произнёс Ратмир, рассеянно глядя куда-то вдаль. – Значит, и того она любила, и этого... Нда-а, задачка однако...

Ратмир неожиданно замолчал и с усилием потёр правым указательным пальцем переносицу.

– Что, скоморох? – обеспокоенно переспросила боярыня.

– Да нет, ничего, – покачал головой Ратмир и, поспешно попрощавшись с боярыней, вышел из терема во двор и направился в сторону большой, богато обустроенной избы в дальнем конце подворья. Там жил смотритель боярина Скобелева – тиун Устин. Поднявшись на невысокое крыльцо, Ратмир с силой постучал в деревянную дверь. Дверь открыла невысокая, полная женщина около шестидесяти в платке, с женским головным убором на голове и, подслеповато щуря на него глаза, спросила:

– Кого тебе, сынок?

– К тиуну Устину, у меня разговор с разрешения боярина Светозара Алексеевича.

– Ну, погоди, милоч. Сейчас спрошу у него самого. Как тебя величать-то?

– Ратмир я, скоморох.

– Ага, ага... погоди здесь, милоч, – и женщина, притворив дверь, зашлёпала куда-то вглубь избы.

Через некоторое время опять послышались шаги, и на пороге показался сам взволнованный тиун Устин:

– Случилось чего, Ратмир?

– Пока ничего нового, тиун. Разговор у меня к тебе, – Ратмир серьёзно посмотрел в глаза старику.

– Ну, стало быть, и до меня очередь дошла, – как-то растерялся старик и распахнул дверь: – Заходи, коли пришёл.

Ратмир шагнул в небольшие, чисто убранные сени, и далее Устин повёл его в свои палаты.

– Грешным делом подумал – уж не свататься ли ты пришёл? – пытливо посмотрел старик Устин в глаза Ратмиру.

– Кхм ... – только и произнёс смутившийся Ратмир. – Нет, тиун, не свататься я к тебе пришёл.

– Вот ведь как! – вздохнул как-то устало тиун. – А то ведь уже все вокруг только про то и шепчутся, что ты, Ратмир, с моей Лушкой все ночи напролёт в боярской баньке время проводишь.

– Это правда, Устин, провожу. По взаимному согласию. Но жених из меня, сам видишь, никакой. Да и мне нет никакого резону из вольных людей в холопы записываться. Сам же знаешь, что по закону вольный человек, женившийся на холопке, сразу сам становится холопом, – прямо посмотрел ему в глаза Ратмир.

– А ты всё же женись, да будешь у боярина на поручениях пока. Я-то уже старый, ноги меня теперь едва носят. А я тебя научу всему да попрошу боярина сделать тебя потом тиуном вместо меня. Вижу же, что человек ты грамотный и сообразительный. Да и Лушка по тебе сохнет, – тиун Устин с надеждой посмотрел на Ратмира и добавил: – Я за ней хорошее приданое дам. Будешь жить лучше любого вольного.

– Нет, Устин, не могу. Скоморошество – судьба моя, и без этого я просто как птица в клетке от тоски помру. Да и Лукерье я сразу сказал, что есть у меня зазноба в дальнем краю. Только... – Ратмир замолчал и нахмурился.

– Что – только?

– Да, ничего... Я к тебе, Устин, по другому делу. Можно ли говорить здесь? Не нужно, чтобы наш разговор лишние уши слышали, – Ратмир присел на лавку, крытую бархатным полотном.

– Я сейчас, – прокряхтел расстроенный тиун и, выйдя за дверь, с кем-то пошептался. Вернувшись, он плотно прикрыл дверь и, сев напротив Ратмира, внимательно посмотрел на него слезящимися глазами. – Слушаю тебя, Ратмир.

– Кто у твоего боярина самый главный и злейший враг? Это может быть кто угодно – боярин, холоп, крестьянин. Кому нужно было так его наказать?

– Врать не буду тебе, Ратмир. Врагов и обиженных на него достаточно, – вздохнул старик Устин.

– Бывало и такое, – согласился старик. – Весь в батюшку Светозар Алексеевич. Тот тоже мог ни за что человека обидеть, крепким словом приложить, а то и плетью отхлестать до полусмерти.

– Получается, что через смерть боярышни мстить ему могли разные люди, – задумчиво произнёс Ратмир и вздохнул. – Плохо дело. Это всё равно, что иголку в стогу сена искать.

– Так у него только на тебя надежда. А иначе он и не стал бы с тобой разговаривать. Вмиг вышиб бы со двора. Бояре, что тебя знают, и те не смогли бы тебя защитить, – покачал головой тиун Устин.

В этот момент раздался тихий стук в дверь. Ратмир вопросительно посмотрел на тиуна. Тот недоумённо поднял брови и, быстро отворив дверь, прошептал:

– Чего тебе, Арсений?

– Боярин только вернулся со службы. Злой как чёрт. Требуется к себе немедленно скомороха этого, Ратмира. Он же у тебя сейчас. Гони его быстрее к боярину, иначе будет беда. Яростен уж очень Светозар Алексеевич, – торопливо прошептал возбуждённый Арсений.

Тиун Устин обернулся и обескуражено посмотрел на Ратмира:

– Всё слышал, Ратмир? Беги к Светозару Алексеевичу. Видать, плохие вести с города он привёз, раз приехал оттуда в таком настроении.

– Тогда мы с тобой, тиун, потом договорим, – кивнул Ратмир и поспешил из горницы.

Он торопливо направился к терему боярина Скобелева, и ратник, стоявший на охране, молча, распахнул перед ним тяжёлую дверь.

Боярин Скобелев сидел на своём привычном месте у окна, выходящего во двор, положив локти на стол и спрятав лицо в ладони. Услышав шаги, он поднял голову и испытующе посмотрел на вошедшего Ратмира.

– Нет у меня времени сейчас допытываться, что ты, всё-таки, за человек, скоморох Ратмир, – озабоченно произнёс он, продолжая недоверчиво смотреть на Ратмира. – Боярин Лука Дементьевич требует, чтобы ты немедленно прибыл к нему. Говорит, что есть у него к тебе срочный разговор. Сказал, что ты свой человек и сразу всё поймёшь, если узнаешь, что сейчас происходит в городе, – боярин Скобелев нетерпеливо постучал костяшками пальцев по столу и, как-то странно посмотрев на Ратмира, добавил: – Чудны дела твои, Господи... Разговариваю со скоморохом как с равным... Что же ты такого знаешь, Ратмир, что самому боярину Саврасову вдруг понадобился?

– А что происходит сейчас в городе? – тихо спросил Ратмир, присев на лавку и с тревогой посмотрел в глаза боярину Скобелеву.

– Страшные дела творятся... Даже не знаю, могу ли с тобой разговаривать про это...

– Ты, боярин, либо говори, либо я прямо отсюда на коня и в город помчусь к Луке Дементьевичу, – встал с лавки Ратмир и направился к выходу.

– Великий государь сейчас на Троицкой площади казнить будет..

– Кого?! – резко обернулся Ратмир.

– Дьяка Посольского приказа Висковатого и ещё некоторых людей из этого приказа, – глухо проговорил боярин Скобелев и добавил: – Опять опричникам кругом в боярах изменники видятся. Видать, скоро и до нас очередь дойдёт.

– Висковатого? – одними губами прошептал побледневший Ратмир и опрометью кинулся из горницы.

Озадаченный боярин Скобелев, молча, проследил взглядом из открытого окна за тем, как Ратмир добежал до конюшни, крича на бегу охраннику у ворот: «Живо отворяй!». Через несколько минут верхом на лошади, держа в руках какую-то котомку, он уже скакал с подворья в сторону города.

– Куда это скоморох так помчался? – неожиданно за его спиной раздался встревоженный голос боярыни Матрёны Петровны.

– Недобрые вести привёз я из города, Матрёнушка. Великий государь вновь в буйство впал, и опять ему везде боярские заговоры мерещатся. Сегодня вон и до Посольского приказа добрался. Опять казнить будет. Только не как обычно – у себя в Олександровой слободе, а на Троицкой площади – всем для примера... – сдавленным голосом произнёс боярин Скобелев. – И не знаю я, как мне быть. Вроде, и не числюсь во врагах его. А только опричники с Саввой Печёрским во главе любого под монастырь подвести могут... И страшно мне сейчас, Матрёнушка, как никогда страшно не было... За тебя, за себя, за сыновей наших...

– Господи, помилуй нас! – глядя на иконы в красном углу, истово закрестилась боярыня. – Помилуй нас грешных, Господи! Что же делать-то, Светозар Алексеевич? И при чём здесь скоморох этот?

– Я и сам не пойму, но уважает его боярин Лука Дементьевич крепко. Этот же Ратмир и ему помог в трудном деле. От ссылки, говорит, точно спас, если не от самой смерти...

– Говорил скоморох, что и убийцу Богданушки нашей тоже постарается найти.

– Бог ему в помощь, – вздохнул боярин Скобелев. – Лука Дементьевич сказал, чтобы я домой ехал и старался пока на глаза Великого государя не попадаться. Да и опричников избегать... Надо двоих ратников на самых быстрых конях к дальней развилке отправить, чтобы заранее могли бы приметить, если кто чужой в нашу сторону направляться станет.

Глава 6

На большой широкой площади волновалась и бурлила толпа. Большая часть людей была согнана с прилегающих улиц и дворов опричниками насильно – для устрашения. Но были в толпе и те, кому пытки и казни были интереснее представлений скоморохов. Этим людей можно было сразу определить по особому блеску в глазах. И по тому, с каким придыханием и сладострастием они смаковали между собой происходящее вокруг них. И как привычно ловко норовили занять места получше и поближе, чтобы было можно разглядеть всё до мельчайших подробностей. Они же первыми и заметили приближавшуюся к площади повозку, на которой стояла большая железная клетка.

– Едут! Везут! – истерично закричали эти люди.

Народ на площади заволновался ещё больше, устремив взоры в ту сторону, откуда доносился натужный скрип колёс. Повозку сопровождали одетые в особые чёрные кафтаны всадники с притороченными к седлу мётлами. На головах у них были металлические конусообразные шлемы, в руках – плётки. Возглавлял скорбную процессию бородатый, жилистый, смуглый мужчина лет пятидесяти в чёрном кафтане из грубого сукна с меховой оторочкой на рукавах. Он свысока посматривал на беснующуюся толпу и периодически кидал презрительные взгляды на сгрудившихся на верхних террасах деревянных домов-теремов бледных и молчаливых бояр. Дома эти окружали большую площадь, посередине которой уже было установлено несколько дощатых помостов с массивными деревянными столбами. Здесь же стояли огромные железные котлы, наполненные кипятком. Рядом с ними суетились опричники, подкидывая дровишки в костёр и раздувая огонь.

Над площадью стоял запах гари. Опричники, сопровождавшие большую повозку с людьми, не особо церемонились с расступавшимися перед ними людьми. Некоторые из них на полном скаку врезались в толпу зевак, оставляя за собой раненых и покалеченных. Но никто не смел им и слова сказать, зная, что тут же будут растерзаны этими верными псами Великого государя. Особенно старался опричник лет сорока с рыжей, почти огненной бородой, скакавший рядом с повозкой и нещадно стегавший длинным кнутом всех вокруг себя. Даже сами верные государевы псы старались держаться подальше от своего слишком ретивого товарища.

– Ишь, сам махонький, малюта такой, а бешенства на пятерых хватит, – прошептал своему соседу один из пригнанных насильно на площадь служащих Посольского приказа. Тот больно ткнул его локтём в бок и приложил указательный палец к губам. Они переглянулись и замолчали.

Но тише всего было среди бояр. Бледные, покрывшиеся испариной лица выдавали страх и ужас, царившие в их душах и сердцах в этот момент. Они, молча, переглядывались между собой и в очередной раз понимали, насколько шатко и бесправно их сегодняшнее положение. Любой из них в каждый момент мог оказаться на месте тех, кого сейчас везли на скрипучей повозке к месту казни.

– Сам... сам... Великий государь... – пронёсся по площади шёпот, и наступила тишина. На специально привезённом на площадь огромном резном деревянном троне, как из воздуха, неожиданно появилась высокая худая фигура царя Ивана IV. Глаза его сверкали от возбуждения и он, подобно ястребу, хищно осматривался по сторонам. Рядом с ним стоял похожий на него мальчик лет двенадцати в богатой, расшитой драгоценными камнями одежде. В его глазах интерес к происходящему сменялся страхом перед огромным людским морем, колыхавшимся по всей площади.

– Великий государь! Люди добрые! – неожиданно в тишине зазвучал голос из клетки.

Народ ахнул и устремил свои взоры на дородного, бородатого мужчину лет шестидесяти в разодранной белой шёлковой рубашке навыпуск, испачканной в крови и грязи. Он стоял на повозке, держась за железные прутья клетки и качаясь при каждом толчке на ухабах.

– Ничем я не провинился, только всеми своими делами и жизнью своей верно служил тебе, Великий государь! Гнусные наветы врагов моих не смог предупредить я! Великий государь, смилуйся! – мужчина упал на колени и, держась одной рукой за решётку, вторую протянул в сторону Великого государя. – Не оставь меня милостью своей. Не вели казнить невинного. Вели в ссылку отправить, и заставь меня вечно молить Господа нашего за доброту и щедрость твою...

– Замолчи, сукин сын! Предатель! – неожиданно пронзительно закричал на всю площадь царь Иван IV, размахивая резным посохом с золотым набалдашником. – Всё про тебя знаю! Всю твою подноготную мне доложили, что под пытками ты признался. Я тебя, Иван Михайлович, всё это время считал за брата своего, доверял тебе во всём. А ты вон за моей спиной решил за меня всю политику делать. С поляками, да с турками стал за моей спиной договариваться...

– Не было такого, Великий государь! – воскликнул мужчина, продолжая тянуть руку к царю. – Неправедный донос... а под пытками любой признается в том, чего и не думал совершать... Не бери грех на душу, великий государь...

– Да, ты мне ещё и указывать будешь! Урезонь его там, опричник! Да-да, ты! – махнул рукой царь Иван IV чрезвычайно усердному рыжебородому опричнику.

Тот кивнул головой и тут же с силой ударил деревянной ручкой кнута по высунутой руке мужчины. Раздался треск, и под жуткий вой мужчины сломанная рука повисла прямо посередине предплечья.

– Наподдай ему ещё! – пронзительный фальцет дьяка Лаврентия донёсся из-за спинки деревянного трона царя.

– Кто этот усердный рыжий малый? – раздался знакомый тихий голос рядом с напряженно следившим за происходящим боярином Саврасовым. Тот покосился на хозяина голоса, и глаза его расширились.

– Ни в жизнь бы не признал тебя, Ратмир, встретить вот так на улице, – прошептал боярин и добавил: – Не знаю я этого молодчика. Но то, что это дело ему по нраву – сразу видно. Видать, хорошо Саввушка своих псов натаскивает, раз они ему в таких делах уже ни в чём не уступают.

Вставший рядом с боярином Саврасовым бородатый мужчина в чёрной куньей шапке и тёмно-синем бархатом кафтане, расшитом драгоценными камнями, ничем не напоминал скомороха Ратмира, если бы не пронзительный взгляд серых глаз.

– Почему не было известно ранее? – почти не шевеля губами, тихо спросил Ратмир, не сводя глаз с клетки с арестантами.

– Самому невдомёк. Узнал вот только утром и сразу послал за тобой.

– Уже ничего нельзя сделать, – обречённо произнёс Ратмир. – Слишком поздно.

– И уйти нельзя. Сразу донесут, – прикрыв бороду рукавом, отозвался боярин Саврасов.

Он окинул взглядом площадь с помостами, толпу народа, бледных бояр на верхних террасах и тихо добавил: – Наши почти все здесь.

– Неужели никто не знал, что такое готовится?! – с каким-то отчаяньем в голосе едва слышно произнёс Ратмир, не сводя глаз со стонущего в клетке Ивана Висковатого. Рядом с ним в клетке сидели ещё несколько бородатых мужчин в белых, запачканных грязью рубахах.

В это время на помост заскочил царский глашатай с длинным бумажным свитком, и на площади моментально наступила тишина. Он начал зачитывать указ царя о предании казни изменников и предателей. Называя очередную фамилию провинившегося, глашатай поднимал глаза, ожидая реакции толпы. Но люди, внимательно слушая, не проявляли почти никаких эмоций, кроме отдельной кучки любителей подобных зрелищ.

Ратмир не спускал глаз с дьяка Лаврентия, откровенно не скрывавшего радости по поводу происходящего, с известного начальника царской опричнины – худородного боярина Саввы Печёрского, без устали махавшего кнутом. Внимательно разглядывал он и незнакомого ему рыжебородого опричника, проявлявшего чрезмерное усердие и сломавшего руку Висковатому. С болью и невыразимым отчаяньем Ратмир смотрел на повозку с клеткой, где корчился от боли сам Висковатый и где копошились несчастные пленники, ожидавшие своей страшной участи.

Неожиданно его взгляд привлёк ещё один всадник, находившийся позади повозки. Ратмир вспомнил, что видел этого опричника накануне, когда товарищ его разрубил напополам женщину по имени Татиана. Из-под железного шлема опричника вдоль его жилистой шеи топорщились рыжие пряди волос, а редкая рыжая бородёнка едва покрывала подбородок и часть шеи. Этот опричник, в отличие от своих товарищей, вёл себя спокойней и без нужды плёткой не размахивал. Он нехотя посматривал по сторонам, лишь изредка кидая взгляд на пленников, тесно сидевших в железной клетке.

Глашатай закончил читать царский указ, и по приказу Великого государя трое палачей с помощниками приступили к казни. Первым они выволокли Ивана Висковатого – главу Посольского приказа. Тот, наконец осознавший, что пощады ему не дожидаться, крикнул, что было мочи: «Да будьте вы прокляты, кровопийцы, с вашим царём!» Толпа ахнула, и на площади опять наступила тишина. Все посмотрели в сторону восседавшего на троне Великого государя. Он подозвал к себе главного опричника Савву Печёрского и что-то прошептал ему на ухо. Тот энергично закивал и махнул рукой своим подчинённым: «Приковывай изменника Висковатого к столбу, да покрепче».

Опричники набросились на несчастного, словно вороны, и потащили к помосту с деревянным столбом. Не обращая внимания на его крики, завернули обе руки за столб и приковали железными цепями. На помост поднялись палачи с кинжалами в руках. Площадь замерла, затаив дыхание, и охнула, увидев, как один из палачей подошёл к замолчавшему вдруг Висковатому и, разорвав на нём рубаху, откинул её в сторону. Потом одним махом руки он ловко срезал у него часть плеча и выкинул кусок мяса под помост, где уже кружились в ожидании пищи голодные уличные псы. Один из них подскочил и на лету подхватил и

проглотил кусок мяса. Толпа опять ахнула и заголосила, заглушив сдавленный крик Висковатого, по руке которого ручьём полилась кровь. Тут же к нему подошёл второй палач и проделал то же самое, но с другим плечом. За ним третий...

– А ну, слуги мои верные, покажите мне, как вам у меня служится! Кромсайте на кусочки предателя, чтобы остальным было неповадно! – взвизгнул разгорячённый видом фонтанирующей крови Великий государь. Он нетерпеливо ёрзал на своём троне, и было видно, что он и сам был бы не против поучаствовать в экзекуции. Опричники выстроились в очередь с кинжалами в руках. Первым к измученному узнику кинулся рыжебородый и, привстав на цыпочки, дотянулся и оттяпал у Висковатого левое ухо. Голова несчастного дёрнулась, и кровь тут же залила ему шею.

– На это невозможно смотреть! – простонал боярин Саврасов. – Если бы можно было бы хоть как-то ускорить его кончину и прекратить эти ужасные страдания!

– Нет ли здесь тайного места, чтобы была видна площадь, но не было бы видно нас? – прикрыв рот рукавом, тихо спросил Ратмир.

– Да вроде нет... Хотя, иди за мной, только не сразу.

Боярин Саврасов отступил в сторону, протискиваясь к входу с террасы.

Ошарашенные увиденным, люди не обращали на них никакого внимания. Ратмир последовал за боярином Саврасовым, правой рукой шаря в своей котомке. Поднявшись ещё на этаж выше, они попали в заложённый какими-то досками проход, ведущий в небольшую комнатёнку с узким окном, выходящим на площадь. Ратмир кинулся к окну, разматывая на ходу белую тряпицу и доставая из неё небольшую светлую тростинку. Он глянул в окно и, приглядевшись, опустил голову: – Без нас обошлись.

– Что там, Ратмир?! – обеспокоенно спросил боярин Саврасов.

– Отмучился ваш Иван Михайлович, – отошёл в сторону скоморох, давая тому возможность посмотреть на площадь.

– Кто-то из опричников перестарался... – упавшим голосом произнёс боярин Саврасов.

– Или, наоборот, помог, – тихо бросил Ратмир, сворачивая тростинку в тряпицу и вновь убирая её в котомку.

Боярин Саврасов присел на припорошенную пылью старую скамью и, обхватив голову руками, тихо простонал:

– Доколе?! Доколе этот чёрный человек будет мучить нас?! Уже сколько достойных граждан города нашли мучительную смерть от рук этого сатрапа! Скольких ещё ждёт та же участь впереди?

– Полно, Лука Дементьич. Слезами да причитаниями здесь дела не поправить. Вы же не зря уже столько времени между собой эти разговоры разговариваете. Похоже, пришло время действовать, – с каким-то нажимом произнёс Ратмир. Его серые, почти стального оттенка глаза смотрели на боярина, почти не мигая.

Боярин Саврасов поднял голову и вопросительно посмотрел на него:

– Я не понимаю о чём ты, Ратмир...

– Всё ты понимаешь, Лука Дементьевич. Пока вы, бояре, будете вот так хорониться и через меня записками обмениваться – ничего у вас не изменится. Пора уже начинать что-то делать, иначе он и впрямь скоро вас всех истребит, а вокруг себя понасажает худородных своих собак-опричников. Не только вы, бояре, стонете от царского беззакония, но и весь народ на Руси прокликает этих душегубов. Только вот народ не может никак в этом деле управиться, а вы, бояре, вполне можете спасти и себя, и страну от разорения.

– Т-ты п-понимаешь, что ты сейчас мне говоришь, Ратмир? – тихим шёпотом, запинаясь, спросил боярин Саврасов, с неприкрытым ужасом глядя на скомороха.

– Я отдаю отчёт своим словам, Лука Дементьевич, – просто ответил Ратмир и вопросительно посмотрел на собеседника: – Ну, так как, Лука Дементьевич?

В этот момент из окошечка опять послышался чей-то страшный вой. Там продолжали казнить провинившихся перед Великим государем.

– Нет, нет, Ратмир! Ты с ума сошёл! Ты предлагаешь мне поднять смуту?! – замахал руками обескураженный боярин Саврасов. Тяжело дыша, он заметался по маленькой комнатке. – Я не могу так рисковать... у меня дети, внуки. Я не хочу, чтобы их постигла участь детей боярина Ромашевского, которых опричники скормили своим псам...

Ратмир вздохнул и, подойдя к окошечку, вновь взглянул на площадь. Оттуда по-прежнему доносились крики и стоны несчастных, подвергавшихся нечеловеческим пыткам, и крики разгорячённой страшным зрелищем толпы. По указке Великого государя казни продолжились. И народ, стоявший на площади, мог следить за тем, как некоторых из обвиняемых бояр просто поочерёдно окунали в котлы с кипящей и ледяной водой, до тех пор, пока багровая кожа не сползала с них как чулок. Других просто сажали на кол. Третьих вздёргивали на дыбу...

Не сводя ненавидящего взгляда с подпрыгивавшего от возбуждения на своём троне Ивана Четвёртого, Ратмир негромко произнёс:

– Ну, что же – пусть живёт... Пусть живёт пока этот нелюдь. Только ведь и ты, Лука Дементьевич, никогда теперь не будешь спать спокойно, ожидая каждый раз, что и на твой двор залетят эти чёрные псы.

– Что же мы можем сделать, Ратмир?! – всплеснул руками растерянный Лука Дементьевич. – Смуту поднимать?!

– Странно, что ты меня об этом спрашиваешь, боярин. Я не понимаю тогда – для чего вы между собой проводите эти тайные общения, записки через меня передаёте, какие-то поручения, – нахмурившись, странно усмехнулся Ратмир. – Уж кому как не вам – боярам – известны все способы устранения врагов, не поднимая никакой смуты. Если вспомнить, как были отравлены мать Великого государя – Елена Глинская и его любимейшая жена – Анастасия Захарьина...

– Ты хочешь сказать, что мы должны отравить его? – почему-то шепотом спросил потрясённый боярин Саврасов.

– А почему бы и нет?

Станный стальной блеск в серых глазах Ратмира не давал покоя боярину Саврасову.

– Нет-нет! Я не смогу пойти на это! – шепотом воскликнул боярин Саврасов и опять рухнул на скамью. Он смотрел на Ратмира снизу вверх блестящими испуганными глазами и торопливо шептал: – Ну, как?! Как это возможно?! Кругом же его опричники! Он же почти всех родовитых бояр заменил на преданных ему худородных... У него же еду и питьё по десять человек пробуют перед тем как её перед ним поставить.

– И среди них можно найти того, кто сделает всё, что нужно, за тридцать сребреников, – упрямо произнёс Ратмир. – Решайся, боярин... Я помогу тебе.

– Ты?! – изумился боярин Саврасов. – Ты-то чем можешь помочь, Ратмир?

– Хотя бы нужным снадобьем, – странно улыбнулся Ратмир и добавил. – И я знаю человека в окружении Великого государя, который за большой куш сможет это сделать.

Боярин Саврасов молча посмотрел на Ратмира, потом отвёл взгляд в сторону:

– Однако ты, Ратмир, необыкновенный человек. Даже и не знаю, что и сказать-то тебе...

В это время из окошечка опять донёлся чей-то нечеловеческий вой.

– Решайся, Лука Дементьевич, – тихо, но с напором повторил Ратмир, не сводя с боярина немигающего взгляда. – Есть люди, которые помогут тебе и твоим товарищам. А дальше будете жить спокойно и вы, и народ вздохнёт с облегчением. Тираны не должны жить на этом свете. Решайся пока не поздно.

– Кто эти люди?

– Узнаешь позже, Лука Дементьевич. Так как?

В комнате наступило тягостное молчание, изредка прерываемое страшными криками с площади. Боярин сидел на лавке, зажав голову руками, и только тяжело вздыхал. Ратмир стоял у окна и ждал.

– Н-нет...Ратмир...Я не смогу... Извини, – глухо произнёс боярин Саврасов, медленно убирая рук от головы и не поднимая глаз на собеседника. – Я – трус и слаб духом. Мне есть что терять.

– Это твоё последнее слово, Лука Дементьевич? – неожиданно поскучнев, безразлично спросил Ратмир и опять глянул из окошечка на площадь.

– Да.

– Ну, будь по-твоему. Принудить я тебя не могу. Мнение твоё уважаю, хотя уверен, что сейчас ты делаешь большую ошибку. Мне пора, Лука Дементьевич. Тем более, что всех приговорённых на сегодня уже казнили.

И действительно, на площади наступила тишина.

Ратмир направился к выходу и, обернувшись, увидел, что боярин Саврасов сидит на месте: – Ты остаёшься, Лука Дементьевич?

– Ты иди, Ратмир. Мне нужно побыть одному и подумать, что делать дальше, – вздохнул боярин Саврасов. – Здесь больше ничего не нужно говорить, а то и у стен есть уши.

– Да, уже всё сказано, – странно усмехнулся Ратмир. – Хорошо, тогда я отправлюсь по другим делам. Здесь мне уже делать нечего, – он кивнул и шагнул за порог, старательно обходя валявшиеся грязные доски. Осматриваясь по сторонам, он спустился вниз и растворился в толпе.

В это время Великий государь, недовольный быстрой смертью Ивана Висковатого, заёрзал на троне и с подозрением посмотрел на своего опричника Ивана Рекунова, последним подходившего к столбу с прикованным к нему опальным дьяком Посольского приказа. Потом подозвал к себе дьяка Лаврентия и, указав глазами на Рекунова, что-то быстро проговорил. Дьяк Лаврентий удивлённо посмотрел на опричника, недоумённо пожал плечами и согласно кивнул.

В большом кабинете с удлинёнными окнами было светло и прохладно, несмотря на жару, стоявшую в Москве. Дорогое, строгое убранство кабинета полностью соответствовало внешнему виду хозяина и его гостя. Собеседники были в напудренных париках и искусно сшитых камзолах из дорогого бархата. Они сидели на обитых сафьяном больших резных стульях, и перед ними дымился ароматный чай в изящных фарфоровых чашечках. Разговор шёл на английском языке.

– Очень плохие новости пришли ко мне час назад, дорогой лорд Оуэн. Очень плохие! Поэтому я согласился встретиться с тобой ранее договорённого времени, – воскликнул первый английский посол в России Энтони Дженкинсон, обращаясь к лорду Джеймсу Оуэну.

– Что случилось, Энтони?! – встревожено посмотрел на него тот и потянулся за серебряным кубком с водой.

– Ты, когда ехал сюда, не заметил ничего необычного?

– Да вроде бы нет. Но я ехал сейчас сюда от князя Лосина, а дом его находится на краю Москвы. Да что случилось-то, Энтони?!

– Сейчас на Троицкой площади возле Лобного места царь Иоанн проводит казни, – посол Дженкинсон схватился за голову. – И никто, никто не предупредил нас об этом!

– Да-а, странно, что в этот раз царь Иоанн проводит их там, – пожал плечами лорд Оуэн. – Я слышал, что в последние годы он предпочитает казнить у себя в Александровой слободе. И что тебя так расстроило, Энтони? По-моему, казни здесь уже стали привычным делом.

– Казнят главу российского Посольского приказа Висковатого, – выдохнул английский посол и вновь, схватившись за голову, закачался на стуле.

В комнате наступила тишина.

– Этого не может быть! – почему-то шёпотом произнёс лорд Оуэн. В его глазах застыл ужас. – Царь Иоанн сошёл с ума!

– И главное, что известно об этом стало вот только час назад. А я ведь вчера вечером разговаривал с Иваном Михайловичем о наших посольских делах. Он был спокоен и весел... А сейчас царь Иоанн казнит его и ещё нескольких людей из Посольского приказа. И никто не знает из-за чего! – расстроенный посол взял чашку с чаем, подержал её в руках и поставил обратно. – Я уже готовлюсь отправить гонца к королеве. Уверен, что это сильно огорчит её Величество. Ведь Висковатый был первым, с кем она тогда разговаривала о нашем официальном пребывании здесь по торговой части.

– Это ужасно и очень, очень странно и непродуманно со стороны царя Иоанна! – воскликнул ошарашенный лорд Оуэн. – Не зря наши лекари говорят, что он иногда не отдаёт отчёта своим поступкам. И никак нельзя спасти этих людей?

– Уже поздно, я думаю. Да и идти наперекор царю Иоанну бессмысленно. Если он решил, что Висковатый достоин казни, то переубедить его уже невозможно. Поэтому я даже и не поехал сам на площадь, а послал туда своих двоих людей, чтобы они запомнили, что там происходит. Вернутся – всё расскажут и запишут. И я сразу же пошлю гонца к королеве. Я позвал тебя, чтобы ты тоже смог позже всё это подтвердить.

– Да-а-а уж.... Очень жаль Ивана Михайловича!

– Сам понимаешь, что у нас с ним уже были договорённости по многим вопросам. А

сейчас царь Иоанн назначит нового человека. И сколько времени понадобится, чтобы найти с ним общий язык.

– Но ведь по обычаю, о таком решении царь должен был известить всех послов, что находятся в Москве? – полуутвердительно спросил лорд Оуэн

– А он и известит. Только после того, как казнит так называемых изменников. Это же его основная причина для казней, – расстроено усмехнулся посол Дженкинсон. – Он просто одержим этой мыслью.

– Да уж, со своими боярами он расправляется просто щелчком пальцев, – согласно кивнул головой лорд Оуэн и допил из изящной чашечки уже остывший чай. – Ну, теперь всем придётся ждать, когда объявят нового дьяка Посольского приказа.

– Думаю, что царь Иоанн уже назначил кого-то. И, скорее всего, завтра или послезавтра нам – послам – представят этого человека, – посол Дженкинсон задумчиво потёр переносицу. – Отдаю должное грамотности и деловым способностям царя Иоанна. Но видит Бог, я иногда не понимаю его поступков. Похоже, что кому-то очень мешал Висковатый, и его представили перед царём изменником. Могу даже догадываться – кому.

Лорд Оуэн пододвинул к себе поближе хрупкую, фарфоровую чашечку и налил в неё из изящного серебряного молочника немного молока. Потом долил дымящегося крепкого чаю и взял с блюда пирожное.

– Что тут можно сказать, дорогой Энтони? Это, конечно, был большой успех, что царь Иоанн разрешил тебе в прошлом году проехать с экспедицией до Бухары. Наши торговые возможности тогда весьма расширились. И во многом нам здесь помогал дьяк Висковатый, – вздохнул лорд Джеймс Оуэн. – Теперь его не будет.

– Насколько я понимаю, в планах нашей королевы дальнейшее продвижение на Восток? – полуутвердительно спросил его Дженкинсон.

– Да, и я тебе привёз верительные грамоты от неё для русского царя.

– Мы как раз начинали предварительные переговоры с дьяком Висковатым с тем, чтобы он понемногу начал доводить до царя эту мысль. Нам очень нужен выход через Россию в Китай и Индию для торговли с Востоком.

– И как проходили эти переговоры? Почему вдруг такая скорая расправа с посольскими людьми? – лорд Оуэн встал со стула и подошёл к окну.

Английский посол Энтони Дженкинсон огорчённо покачал головой:

– Предварительные переговоры давались нелегко. Дьяк Висковатый делал всё, чтобы царь Иоанн благосклонно воспринял нашу мысль. Но... Этот русский царь просто непредсказуем! Он засел со своими преданными людьми в этой чёртовой Александровой слободе. То проводит изуверские казни, то собирает лучших певцов и художников со всей страны. Поговаривают, что по ночам он практикует магию и колдовство.

– Кто-то должен быть для него учителем в этом деле, – постучал пальцем по прозрачному стеклу лорд Оуэн.

– Зачем ему учителя в магии, когда у него в его тайной библиотеке собраны такие манускрипты! Там можно найти всё! – воскликнул Дженкинсон. – Хотя он, скорее всего, даже и не представляет себе, что за сокровище привезла с собой в приданное его покойная бабка Софья Палеолог.

– Уверен, что ты ошибаешься, дорогой друг, – покачал головой лорд Оуэн, пригубивая чашку с чаем. – Насколько мне известно, правители нескольких стран предлагали и ему, и его отцу выкупить эту библиотеку за сумасшедшие деньги.

– Либерия... – неожиданно произнёс Дженкинсон.

– Что – Либерия? – удивлённо приподнял брови лорд Оуэн. Он отошёл от окна и вновь уселся на своё место.

– Так царь Иоанн называет свою библиотеку, – пояснил Дженкинсон, потирая переносицу указательным пальцем.

– Да-да, помню, – сделал вид, что вспомнил лорд Оуэн и продолжил. – Так вот – в эту Александрову слободу добираться одно мучение. Мало того, то дорога от Москвы вся разбитая. Так ещё и уйму охранных пунктов нужно пройти со специальной грамотой.

– Это правда, – кивнул Дженкинсон. – Даже нам – посольским служащим, сколько времени нужно было потратить, чтобы его Посольский приказ в Александровой слободе подготовил эти самые пропускные памяти. И так ведь было со всеми послами. А куда денешься?! О-го-го, ещё какие перемены могут нас ждать в ближайшем будущем!

– Да, но не стоит забывать о том, что он же предоставил нам такие выгодные льготы по торговле даже в самой Московии! – воскликнул лорд Оуэн. – Что же теперь может измениться?

– Да всё может измениться! – вздохнул его собеседник. – Мало того, что царь Иоанн, не предупредив никого из послов, расправился сегодня со своими посольскими людьми, так и ещё одна причина может стать для нас серьёзным препятствием в проведении переговоров.

– Ты меня пугаешь, Энтони.

– Проблема в том, дорогой лорд Оуэн, что царь Иоанн стал интересоваться королевой Елизаветой, и мне это очень не нравится.

Сидевший напротив лорд Оуэн едва не поперхнулся чаем и вытаращил глаза:

– В каком смысле стал интересоваться королевой Елизаветой?!

– В том самом! Ты меня правильно понял, дорогой лорд Оуэн. А как ещё можно понимать, если тебя прямо спрашивают – сколько ей лет, можно ли надеяться на успешное сватовство такому великому царю и так далее?

– Вот это новости! Пожалуй, нашей королеве будет любопытно услышать о таком женихе, хотя замуж она за него вряд ли пойдёт, – усмехнулся лорд Оуэн. – Ты же помнишь, скольким женихам она отказала. И каким женихам!

– Помню, только никак не пойму – по какой причине, – нахмурил брови посол Дженкинсон и добавил: – Ведь среди них были очень достойные люди.

– Я тоже этого не знаю. Но, на мой взгляд, она поступает правильно как правитель страны. Не стоит ни с кем делить такую власть. Даже с мужчиной, – усмехнулся лорд Оуэн. – Тем более с таким, который по отношению к своим жёнам ведёт себя точно так же, как и её покойный отец.

Посол Дженкинсон удивлённо приподнял брови.

– Да-да, я говорю о нашем Генрихе Восьмом. Вспомни, что он сделал с её матерью – Анной Болейн. И потом со всеми остальными жёнами. И посмотри как поступает Иоанн Четвёртый со своими.

– Хм, ты прав, лорд Оуэн. Я бы на месте нашей Елизаветы тоже сто раз подумал бы, прежде чем соглашаться на такой брак. Тем не менее, такие разговоры уже ходят. И, зная нрав, русского царя, я даже представить себе не могу, что он предпримет в отношении Англии, если получит отказ.

– Будет о чём подумать, когда вернусь ко двору, – задумчиво постучал пальцами по столу лорд Оуэн.

– А королеве ты сообщишь?

– Сразу же, как только вернусь. Хотя у неё и без этого хватает проблем. Похоже, что Мария Стюарт нашла себе союзников в борьбе за престол.

– Так её и так поддерживает сам папа, да и король испанский Филипп Второй. Да и святые отцы Общества Иисуса, похоже, теперь стали уделять ей больше внимания. Хотя, на мой взгляд, этим они быстрее добьются того, что Елизавета погонит их из страны поганой метлой.

– Время покажет, – усмехнулся лорд Оуэн, посмотрел за окно и поднялся со стула. – Как говорят здесь на Руси – пора мне и честь знать.

– Значит, завтра уже отбываешь ко двору. Как я тебе завидую, лорд Оуэн! Скоро вновь будешь дышать родным воздухом, будешь гулять по берегам Темзы... – мечтательно проговорил посол Дженкинсон.

– Скоро – это как сказать, – усмехнулся лорд Оуэн. – Дорога дальняя, хорошо хоть у русских прекрасные лошадиные упряжки. Надо успеть до начала дождливой осени, когда здесь все дороги в дождь превращаются в нечто ужасное. Прощай, Энтони. Пойду, прогуляюсь немного. А ты подготовь все бумаги, что назавтра мне с собой забирать.

– Не беспокойся, лорд Оуэн. Уже всё готово. Осталось только упаковать, как положено. Счастливой прогулки!

Лорд Оуэн вышел из кабинета и направился к выходу из здания посольства.

– Поганой метлой... ну-ну, посмотрим, – тихо усмехнулся он и поправил рукой модный парик. Выйдя во двор, он подошёл к крытой повозке, запряженной парой гнедых красавцев-коней, и приказал кучеру ехать к Собору Покрова Пресвятой Богородицы.

Через некоторое время повозка лорда Оуэна оказалась неподалёку от Собора, и он вышел на площадь, чтобы полюбоваться красотой златоглавых куполов. В это время мимо него проехала небольшая красивая карета, запряжённая парой белых лошадей.

Лорд поспешил к своей упряжке и тихо приказал кучеру не торопясь следовать за проехавшей мимо них каретой. Так обе упряжки доехали до излучины Москвы-реки, чьи полноводные берега терялись в лесных зарослях.

Лорд Оуэн вышел из повозки и остановился в ожидании. Из кареты, запряжённой белыми лошадьми, появилась изящная женская фигурка в широкой шляпе с густой вуалью, прикрывавшей лицо. Лорд Оуэн поспешил к ней.

– Добрый день, дорогая графиня Агнешка, – он поднёс изящную ручку в тонких белых перчатках к своим губам.

– Добрый день, лорд Оуэн, – с лёгким акцентом ответила ему на английском женщина в шляпе. Голос её звучал молодо и задорно.

– Позвольте с вами прогуляться до реки, – лорд предупредительно предложил ей свою руку и дал знак кучерам оставаться на месте.

Женщина привычно взяла его под руку, и они неспешно стали удаляться от своих повозок в сторону густых зарослей на высоком берегу реки.

Кучера понимающе переглянулись и, не сговариваясь, завалились возле своих упряжек. Через несколько минут оба храпели так, что местные пичужки разлетелись в разные стороны.

Лорд Оуэн галантно завёл свою спутницу в густые заросли, огляделся по сторонам и тут же набросился на неё с яростным шёпотом: – Вы что – с ума сошли, графиня? Вы хотите меня, как здесь говорят, подвести под монастырь?!

– Я.я... У меня не получилось... – залепетала женщина и, приподняв вуаль, она прикрепила её к краю шляпы.

– Как не получилось?! – изумился лорд Оуэн. – Так на кой чёрт вы притащили меня сюда?! Вы что – думаете, что мне делать больше нечего?!

– Я хотела сказать, что не сразу получилось. Но получилось, и я принесла с собой эти бумаги, – оправдываясь, произнесла женщина, и её лицо зарумянилось от волнения. – И не нужно так на меня кричать... Это было не так легко, как вам кажется.

– Уф-ф, как вы меня сейчас напугали! Можно же было сразу сказать, что всё получилось, без вот этих прелюдий, – вспотевший лорд Оуэн шелковым платочком промокнул лицо. – Как я не люблю работать с женщинами! Всё время у вас какие-то ошибки получаются. А то, что вам это нелегко достаётся – так вы, графиня, получаете за это очень большие деньги, на которые безбедно живёт вся ваша многочисленная семья. И, если бы вы не имели такого крёстного, то ничего этого бы у вас и не было бы.

– Так вы же можете не привлекать к своей работе женщин, – подала голос обиженная женщина.

– Забудьте, дорогая графиня... – назидательно произнёс лорд Оуэн и усмехнулся: – Я же не могу подложить в постель к шведскому посланнику Кобенцелю мужчину, если он предпочтение отдаёт дамам. Давайте сюда бумаги, дорогая графиня.

– О-о, дорогой лорд, только в обмен на вознаграждение, – кокетливо улыбнулась графиня Агнешка Терницкая, напряженно следя за реакцией собеседника.

– Ах, да, – поморщился лорд Оуэн и полез в карман камзола. Оттуда он достал завёрнутый в белую ткань продолговатый предмет и протянул молодой женщине. Та взяла и тут же развернула ткань. В руках у неё оказалась красная сафьяновая коробочка. Графиня Терницкая открыла её и ахнула, увидев роскошное изящное жемчужное кольцо.

– Какая красота! – воскликнула она и, достав откуда-то из потайного кармана широкой юбки небольшой конверт, протянула его лорду Оуэну. Тот нетерпеливо схватил конверт. Развернул его и, пробежав глазами по тексту, довольно хмыкнул.

– Всё в порядке? – спросила молодая женщина, продолжая любоваться красотой отборных чёрных жемчужин.

– Да, спасибо, дорогая графиня.

Довольно улыбнувшись, графиня Агнешка подхватила лорда под локоток: – А теперь, лорд Оуэн, проводите меня до кареты.

Парочка вышла из зарослей и направилась к стоявшим в тени раскидистых деревьев лошадиным упряжкам.

На подворье боярина Скобелева Ратмир приехал глубокой ночью. Дорога, освещённая нежным лунным светом, показалась ему в этот раз как-то особенно длинной.

У конюшни его встретил Максимка и молча забрал из рук поводья. Ратмир устало направился было в сторону бани, но потом махнул рукой и направился к избе, где проживали скоморохи.

Там на ступеньках, согнувшись в три погибели, дремал старик Никифор. Ратмир неслышно поднялся по ступенькам и тихо опустился рядом с ним. Старик Никифор тут же почувствовал чьё-то присутствие и, открыв глаза, облегчённо вздохнул:

– Слава Богу, ты вернулся! – шёпотом воскликнул он. – Мы уже тут с Лукерьей все глаза проглядели тебя ожидаючи. Услал я её спать.

– Ну и правильно, – устало выдохнул Ратмир и прислонился спиной к деревянному столбу, подпиравшему навес над крыльцом. – Не до неё мне сейчас. Перед глазами всё казнённые сегодня стоят как живые...

– С чего бы это царь опять так на бояр взъярился? – удручённо покачал головой старик Никифор. – Только, вроде, поспокойнее стало. Ан нет – опять кровь боярская полилась. То-то я смотрю, боярин Скобелев сам не свой по двору сегодня проходил, присылал людей – о тебе спрашивал.

– Завтра я с ним поговорю. Ладно, Никифор, давай ложиться спать.

– А кого казнили-то в этот раз?

– А-а, многих, – махнул рукой Ратмир. – Надо бы нам здесь побыстрее закончить, да уехать подальше отсюда.

– Всё так плохо, Ратмир? – обеспокоенно прошептал старик. – Не узнал ничего нового про убийцу? Наши-то здесь всё слушают, да только всякая ерунда получается...

– Что за ерунда? – прикрыв глаза, едва слышно спросил Ратмир.

– Кто-то продолжает уверять, что это братцы всё-таки убили свою сестру...

– Не-а, не они, – глубоко зевнул Ратмир. – Что ещё?

– Дуньке кто-то якобы сказал, что чуть ли не сам боярин дочь свою порешил, когда узнал о её шашнях с сыном конюха. А теперь, дескать, льёт слёзы ручьём, чтобы только никто не догадался, что это он сам был...

– Думал я об этом...но не он убийца. А про сынка конюха боярин, похоже, до сих пор не догадывается, – Ратмир откинулся на спину и растянулся на чисто вымытых досках крыльца.

– Почему так думаешь? – чуть склонился к нему старик Никифор.

– Да потому что, если бы он узнал о них, то тот Максимка уже давно болтался бы в петле на воротах рядом с тем несчастным Артёмкой. Или ты думаешь, что боярин Скобелев простил бы кому такое поругание чести его дочери?!

– Мд-а-а...А ведь ты прав, Ратмир. Тогда кто же?

– Есть у меня одна мыслишка. Давно уже мозг мне сушит. Только убедиться мне нужно, что я на правильном пути. Хотя, может, тоже ошибаюсь... Да и сегодня я увидел кое-что интересное. Вот завтра и начну проверять.

– Опять куда в город поедешь?

– Нет, завтра я здесь должен кое-что проверить. Помощь мне твоя понадобится. А там, глядишь, и в город опять придётся съездить. А, может, и не придётся... Как у нас говорят –

утро вечера мудренее. Пойдём спать, Никифор. Сил моих уже даже на баню нет. Завтра в реке искупаюсь.

– Давай, Ратмир, отдыхай, – поднялся на ноги старик Никифор и тихонько прошмыгнул в избу. Ратмир присел, ещё раз глянул на яркую, неровную убывающую луну, потянулся всем телом и последовал за ним...

Утром Ратмир проснулся от назойливого жужжания мухи, метавшейся туда-сюда вдоль слюдяного окошечка. В избе было светло и непривычно тихо. Он осмотрелся по сторонам и увидел только пустые лавки. Ратмир невесело усмехнулся и, достав с подоконника деревянный гребень, тщательно прошёлся им по густым чёрным волнистым волосам. Опустив ноги на пол, скоморох потянулся всем телом, неожиданно сел на шпагат и руками потянулся поочерёдно то к правой стопе, то – к левой. И так несколько раз. Потом быстро поднялся на ноги и направился к выходу. Приоткрыв дверь, Ратмир увидел всех своих товарищей, тихо сидящих на крыльце и радостно загалдевших при его появлении.

– Ура-а! Наконец-то проснулся, засоня! – заулыбались женщины. Теодорка вскочил на ноги и полез обниматься. Старик Никифор и рыжий здоровяк Василий только посмеивались, глядя на весь этот гвалт.

– Ну, раз все здесь, то я предлагаю прямо сейчас сходить, принять водные упражнения и только потом сесть за завтрак, – потрепав Теодорку по кудрявой голове, грустно улыбнулся Ратмир.

– Это как – водные упражнения? – вскинул голову мальчишка. – Опять из ведра что-ли?

– Зачем – из ведра?! На речку! Все бегом на речку! – произнёс Ратмир. – Но учитывая печальную ситуацию, со двора уходим чинно, без шума. А на речке повеселимся от души. Есть желающие? Только тихо!

– Да-да! Бежим скорее, – тихо загалдели скоморохи и кинулись в избу за бельём и рушниками.

– А ты сам, Ратмир, грустный какой-то, – озабоченно глянув на него, произнесла Елена. – Случилось чего вчера?

– Случилось, Елена, – негромко ответил ей Ратмир. – Только не нужно нашим ничего говорить. Пусть люди веселятся в своё удовольствие.

– А мне ты можешь сказать? Я всё переживаю, чтобы с нами здесь всё хорошо закончилось бы. Или мне нельзя про то знать? – Елена собрала в узелок свои вещи и вещи сына. Прижала его к себе и выжидательно посмотрела на Ратмира.

– Вчера Великий государь на Троицкой площади нескольких бояр казнил показательным манером, – просто ответил ей Ратмир и слабо улыбнулся. – Вот и все новости.

Елена негромко охнула и крепче прижала узелок к груди.

Через несколько минут скоморохи, негромко переговариваясь, направились к воротам боярского подворья под пристальным взглядом нескольких пар глаз, принадлежавших людям боярина Скобелева.

Несмотря на утро, погода уже становилась жаркой. Вода в обмелевшей от засухи реке была тёплой как парное молоко. Василий с Никифором, стоя на крутом берегу, оглядели густые кустарники вдоль реки. Подобрал подходящее местечко, они не торопясь начали спускаться к реке.

– Бабы с той стороны, – махнул рукой Никифор куда-то за кусты. – А мы – с этой.

Весело посмеиваясь и перешучиваясь между собой, Елена и доходившая ей по пояс Авдотья направились за кусты.

Первым к реке кинулся Теодорка. Он прямо на бегу скинул с себя портки, и с радостным криком бросился в тёмную речную волну.

– Ого-го! – закричал мальчишка, вынырнув из воды и хлопая по ней вокруг себя ладонями. – Вода-то тёплая! Мужики, айда все ко мне!

Ратмир со стариком Никифором и силачом Василием, чинно присев на травку, сняли с себя рубахи и штаны и также чинно пошлёпали в теплую речную воду.

– Ты как – в рубахе или без? – шаловливо улыбаясь, спросила карлица Авдотья, стягивая с себя сарафан, а за ним и длинную, белую рубаху.

– Конечно без рубахи, – задорно рассмеялась ей в ответ Елена. – Мужики наши за кустами. Хоть поплаваю всласть.

– Глянь-ка навверх, Ратмир, – Василий быстро подплыл к Ратмиру и кивнул в сторону кустов, за которыми находились Елена с Авдотьей.

Ратмир прищурил глаза от солнечной ряби, слепившей с перекатов речных волн, и усмехнулся:

– Да пусть её. Нам она не мешает.

Старик Никифор тоже посмотрел в ту же сторону и просто покачал головой:

– Вот ведь – неугомонная.

Елена потянулась руками к подолу, собираясь снять с себя рубаху. В этот момент где-то наверху ойкнул чей-то женский голос, и затрещали кусты. Елена с Авдотьей, вскрикнув от неожиданности, едва успели отскочить от кубарем скатившейся сверху Лукерьи. Со стороны реки послышался сдавленный смех купавшихся мужчин.

– Ну, и что ты там делала?! – встав руки в боки, спросила голая Авдотья у суетливо отряхивавшейся от травинки сидящей на земле молодой женщины. – Шпионила за нами?

– Упаси Господь! – едва слышно проговорила зардевшаяся от смущения Лукерья. – Даже близко об этом и не мыслила. Дозвольте мне, бабоньки, с вами искупаться. А то сами знаете – нравы у нас строгие.

– Эй, молодницы! Помощь нужна?! – смеясь, прокричал в их сторону Василий.

– Нет, не нужна. Сами разберёмся, – зазвенел над рекой детский голосок Авдотьи. Она опять повернулась к сидевшей на земле Лукерье: – Значитца так, Лушка! Искупаться, конечно, ты с нами можешь запросто. Так ведь, Олёна?

Елена, улыбаясь, кивнула: – Купайся, Лукерья, места всем хватит.

– Но смотри у меня! – неожиданно карлица поднесла к лицу молодой женщины крепкий кулачок. – Ежели ты хоть раз глянешь на моего Василия и начнёшь ему глазки строить – то я тебе не только космы все повыдергаю, но и зенки все повыколупываю. Ясно?!

– Ой, да зачем же мне твой Василий?! – воскликнула растерявшаяся Лукерья. – Вы же уже все знаете, что мне кроме Ратмира никто из ваших мужиков не нужен.

– И правда, Дуняша, что это ты на неё накинулась. Ясное дело, что она здесь из-за Ратмира, – вступилась за молодую женщину Елена. – Не бойся её, Луша. Снимай одежду, да пощи, поплаваем. А то уже жарко на солнце-то стоять.

– А я это на всякий случай сказала. Пусть знает, – деловито проговорила карлица, смешно семеня между двумя рослыми, фигуристыми товарками.

Через час скоморохи в сопровождении Лукерьи пошли обратно в сторону боярского подворья мимо густых, чуть опалённых жарой кустарников. Чьи-то серо-зелёные слезящиеся глаза проводили всю эту весёлую компанию до высоких боярских ворот. Подождав ещё несколько минут, обладатель серо-зелёных глаз рукой отвёл от себя ветки кустарников,

шагнул на тропинку и тоже направился в ту же сторону.

Завтракали скоморохи с аппетитом. Несмотря на подступавший в округе из-за засухи голод, на подворье боярина Скобелева холопов в еде пока не сильно ограничивали. Ещё от отца своего слышал Светозар Алексеевич, что холоп – это как тот же конь. Смотришь за ним, кормишь вволю – хорошо пашет этот конь. А начнёшь голодом морить, так и не жди от него никакой отдачи.

Отправляя в рот пышные пироги с капустой и курятиной, скоморохи заедали их пареной репой и запивали всё это квасом и молоком. Сидя тесно на лавках за деревянным, чисто выскобленным столом, они уже в который раз от души посмеялись над неожиданным кульбитом Лукерьи. Сама же виновница случившегося сидела тут же с ними за одним столом и, смеясь вместе со всеми, не сводила влюблённых глаз с сидевшего напротив Ратмира.

– Господи, как же хорошо вы живёте! – воскликнула она. – Свободные, весёлые, стоите друг за дружку. А возьмите меня с собой, а? – неожиданно выпалила молодая женщина и торопливо добавила: – Я ведь и петь, и плясать могу. И выучиться разным вашим фокусам мне никакого труда не составит. А хотите – только готовить и стирать вам буду. Я к труду приученная, в тягость никому не буду.

За столом сразу наступила тишина. Скоморохи переглянулись и начали, молча, выбирать из-за стола. Елена с Авдотьей принялись убирать со стола еду и посуду.

– Я что-то не то сказала? – упавшим голосом спросила Лукерья и, оглядев присутствующих жалобным взглядом, опрометью кинулась из избы.

– Ох, Ратмир! – вздохнула Елена. – Крутишь девкам мозги, а потом оставляешь их как игрушку какую. Не по-божески это.

– Тебя он забыл спросить, Олёна! – прикрикнул на неё старик Никифор. – Не видишь, что-ли, что они сами ему на шею вешаются везде, куда б мы не приехали. А он что? Он мужик молодой и в монахах не числится.

– Да я-то что? Я – ничего, – махнула рукой Елена. – Живите, как хотите...

– И вправду, Ратмир, – неожиданно раздался тонкий голосок Авдотьи. – Женись на Лушке, да и дело с концом. Девка она рукастая, поёт и пляшет хорошо. Тебя вон как любит, аж до дрожи. Всё-таки за тридцатник тебе уже – пора и о семье подумать, детками обзавестись.

– И ты, Дунька туда же?! Да поймите же вы все, что нет ему резону на ней жениться! На кой ляд ему жениться на холопке?! Он же вольный человек! Забыла, что-ли, что, ежели вольный женится на холопке, то он и сам становится холопом?! – возмущённо затряс перед ними руками старик Никифор.

Ратмир, молча, сидел за столом, поставив локти на стол и спрятав лицо в ладони. Наконец из-под чёрных прядей волос, почти скрывавших его лицо, раздался глухой голос:

– Как мне жить и как поступать – решать буду я сам. Здесь мне советчики не нужны. Простите, что вам пришлось всё это видеть и слышать. Понимаю – приятного в этом мало. Сегодня же я всё исправлю, и больше она здесь никогда не появится. Обещаю, что и в будущем больше такого не повторится.

– Ой, да ладно, Ратмир! Не обращай на Олёнины слова внимания. Глупая баба! Что с неё взять? – в один голос стали успокаивать его старик Никифор и Василий.

– Ага, я – глупая баба, – пробормотала обиженно Елена. – А вы все здесь умные собрались! Только мне интересно, а что ты будешь делать, Ратмир, если она понесёт от

тебя?! Я вот сейчас на реке-то обратила внимание, что сосцы-то у неё уже не девичьи... Ой! – воскликнула Елена, поймав на себе молниеносный, жёсткий взгляд Ратмира. Но он тут же опустил глаза, с усилием потёр ладонью лоб и опять глухо произнёс:

– Ещё раз повторяю, что сам сегодня со всем разберусь. И должен сказать сейчас ещё одну неприятную вещь. Больше я это повторять никогда не буду. Так вот, мои товарищи-потешники, жить и работать мне с вами очень нравится. Но, если кто-то из вас и дальше намерен учить меня уму-разуму, то мне придётся оставить вас и поискать другую компанию. Если вы успели заметить, то никому из вас я никогда не указывал – как и что делать. Только если вы сами просили об этом. К себе я прошу такого же отношения. Иначе после окончания сыска об убийстве боярышни Скобелевой я буду вынужден уйти от вас...

– Нет-нет, дяденька Ратмир! Пожалуйста, не бросай нас! – всхлипывая, кинулся ему на шею Теодорка. – Мамушка больше и рта не откроет – я тебе обещаю! Иначе я тоже с тобой уйду! Слыхала, мамушка?!

Растерянная Елена, прижав пальцы к губам, только покачала головой.

– Ничего себе расклад! – огорчённо произнёс старик Никифор. – Я всегда говорил, что все беды на земле-матушке только из-за баб. Тебе, Олёна, вот это всё сейчас очень нужно было?! Или ты забыла, как в одном исподнем с Теодоркой по ярмаркам за кусок хлеба крутилась? А кто нас всех грамоте и языкам всяким обучает? И живём мы сейчас, слава Богу, как у Христа за пазухой. Что же ты без Ратмира делать будешь, ежели он из-за твоего бабьего вздорного характера сейчас уйдёт от нас?

– Да-а уж, – озадаченно почесал макушку здоровяк Василий. – Смотри у меня, Авдотья, хоть раз рот свой на Ратмира откроешь не по делу....

– А я-то что? Я – ничего, – потерянно пожала узкими детскими плечиками карлица и жалобно посмотрела на Ратмира. – Не бросай нас, Ратмирушка! Не обращай внимания на глупых баб, особенно на Олёну.

Все кинулись уговаривать Ратмира не оставлять их на произвол судьбы. Только Елена сидела на лавке в углу избы и, сжавшись в комочек, молча, наблюдала за происходящим. Поймав на себе вопрошающий взгляд Ратмира, она, глубоко вздохнула, развела руками и с виноватым видом покачала головой. На лице Ратмира появилась лёгкая полуулыбка, и все радостно бросились обниматься и с ним, и между собой. Напряжение, стоявшее до этой минуты в избе, исчезло, и всем сразу стало легко и весело.

– Ну, ладно, уговорили, – обычным голосом произнёс Ратмир. – Больше к этому разговору, надеюсь, мы не будем возвращаться. А сейчас мне нужно заняться делом, и кое-кто мне может помочь.

– Говори, Ратмир, что нужно-то, – участливо произнёс старик Никифор. – Сам знаешь, что ни в чём тебе отказу не будет.

– Первым делом, Авдотья, вырви у своего благоверного пару волосков из бороды и с головы и положи мне их сюда на тряпицу, – Ратмир расстелил на столе белую тряпицу.

– Для тебя, Ратмир, могу хоть все волосья у него повыдергать, – детским смехом рассмеялась карлица.

– Нет, достаточно двух, – улыбнулся Ратмир и повернулся к Теодору. – А ты, Теодорка, вспомни – сколько рыжих мальчишек ты видел здесь на подворье?

– Одного, вроде ... – почесал макушку Теодорка. – Хотя, нет – в избе, что справа от часовенки, тоже рыжий, вернее, рыжая живёт. Девка это... Вспомнил, Марфой кличут её...

– Так вот, Теодорка, тебе задание. Постарайся незаметно для них тоже выдернуть у них

там по паре волосков, – заговорщицки подмигнул мальчишке Ратмир.

– Мне прямо сейчас и бежать? – спросил Теодорка.

– Беги, – подтолкнул его в спину старик Никифор, а сам уселся на место мальчишки. – Мне-то что прикажешь делать?

– Тебе на сегодня пока ничего нет, – улыбнулся Ратмир. – Только совет твой нужен. Кто из наших сможет незаметно выдернуть волос у кузнеца Прохора?

– Ой, и правда есть там рыжий кузнец! – прозвенел детский голосок Авдотьи.

– Хм-м, – озадаченно почесал подбородок старик Никифор. – Выдернуть волосок у кузнеца! Это, я тебе скажу, очень даже опасная затея. Гладишь, ещё и пришибёт ненароком молотом своим.

Сидевшие за столом скоморохи весело рассмеялись.

– Вот поэтому и спрашиваю тебя как самого мудрого из нас – кого послать к кузнецу Прохору? – смеясь, спросил Ратмир.

– А меня пошлите, – неожиданно подала голос Елена. – Схожу, попрошу мне браслетик подправить. А там и волосок подцеплю у него как-нибудь.

– Смотри, Елена, кузнец – это кузнец! – предостерег её старик Никифор. – Чуть лишнего себе позволишь с ним – придётся тебе потом на помощь Василия звать.

– Что я – обращения с кузнецами, что ли, не понимаю, – кокетливо пожала плечами Елена, и, выходя из избы, задержалась на пороге и добавила: – Всё будет ладом, не беспокойтесь.

– Ничего, я, если что, потом с ним как бывший кузнец с кузнецом найду общий язык, – улыбаясь, пообещал Василий. – Только ты, Ратмир, должен нам рассказать, почему это вдруг тебе все рыжеволосые понадобились. Вернее волосы-то наши тебе к чему?

– Обязательно всё расскажу, когда время придёт. А пока, чтобы не сглазить, буду говорить только то, что можно. Договорились?

– Да, сглаз – это страшная вещь! – со знанием дела пропищала карлица и махнула рукой Елене. – Давай уж, иди, подружка. Тебе же, Ратмир, прямо сейчас все эти волоски нужны?

– Да, чем быстрее, тем лучше, – кивнул Ратмир и, встав из-за стола, направился к своей лавке. Там он достал из-под лавки небольшой сундучок. Нажав на какую-то кнопку сбоку, открыл его и, пошарив в нём рукой, вытащил из сундучка небольшую деревянную коробку и вернулся к столу.

– О, опять эти волшебные линзы! – воскликнула Авдотья и поудобнее примостилась за столом в ожидании интересного действия. И действительно, Ратмир открыл коробку, а в ней на мягкой, бархатной подстилке лежали стеклянные линзы разных размеров. Ратмир выбрал две из них одинакового размера и с помощью деревянных креплений укрепил одну линзу над другой. Оставшиеся скоморохи, сидя за столом, молча, наблюдали за его действиями.

– А давайте опять муху посмотрим под этими линзами, – не выдержала Авдотья. Она выскочила из-за стола и схватила веник, стоявший в углу у двери. Стукнув им по полу несколько раз, Авдотья с воинственным кличем кинулась на муху, жужжавшую на окне. Через несколько секунд она положила на стол пришибленное веником насекомое.

Ратмир усмехнулся и протянул ей крепко скрепленные между собой линзы:

– Ты и начинай, Дуняша, раз муху сумела добыть.

Скоморохи одобрительно загудели и тоже потянулись поближе к карлице. Та уверенно навела линзы на лежащую в глубоком обмороке муху и восторженно заверещала:

– Ух, ты, а какие у неё глазки-то! А какие усики! А волоски-то, волоски-то какие на

лапках!

– Дай-ка и нам глянуть, Авдотья, – протянул руку старик Никифор. Карлица беспрекословно отдала ему линзы и, встав на лавке на коленки, начала заглядывать старику Никифору через плечо. Скоморохи стали с увлечением рассматривать насекомое в увеличенном изображении.

– Ага! Я так и знал, что вы уже чего-нибудь там без меня смотрите! – воскликнул влетевший в избу Теодорка. Он подскочил к Ратмиру и, протянув к нему кулак, разжал его: – На, дяденька Ратмир, забирай вот ихние волоски.

Ратмир аккуратно снял с его ладони пару тонких рыжих волосков и похвалил мальчишку:

– Молодец, Теодорка! Короткий волос – это ...

– Короткий – это Яшкин, а длинный – Марфушкин, – нетерпеливо перебил его Теодорка, торопливо взбираясь на лавку поближе к старику Никифору.

– А что у тебя во второй руке? – спросил Ратмир

– А это я собрал паучков и жучков каких-то. Тоже посмотреть хотел, – мальчишка разжал вторую ладонь и высыпал на стол несколько живых насекомых. Авдотья взвизгнула и отпрянула от стола:

– Тьфу, Теодорка! Они же живые! Ты бы хоть предупредил...

– Так за живыми интереснее смотреть! Дедушка Никифор, дай Христа ради посмотреть, а?! – заканючил мальчишка, жалобно глядя на старика Никифора.

– Да, на-на! Тебе же больше всех надо! – беззлобно ворча, протянул мальчишке линзы старик Никифор. И добавил: – Садись поближе, вместе будем смотреть.

Пока скоморохи, сгрудившись вокруг старика Никифора, принялись всю рассматривать в увеличенном размере насекомых, Ратмир стал внимательно разглядывать выложенные на белую тряпицу волоски.

Вскороги пришла и Елена, и с чувством исполненного долга положила перед ним прядь рыжих волос. Ратмир поднял на неё удивлённый взгляд и хотел что-то сказать, но его опередил Василий:

– Ого! – воскликнул он, – А это как тебе удалось у него столько повидавать?!

– Сам отрезал, когда я сказала, что хочу себе на память оставить, – со значением произнесла Елена, присаживаясь на краешек лавки.

– Иди сюда, мамушка! – окликнул её Теодорка. – Смотри, какие усищи у жука!

– Да видела уже сто раз, – махнула рукой, блестя глазами, Елена.

– Что это у тебя глаза-то сверкают так?! – с подозрением посмотрела на неё Авдотья. – Кузнец приглянулся что ли?

– Да ну тебя, Дуняшка! – зарумянилась Елена. – А хотя бы и приглянулся?! Что я – не человек что ли ?!

– Ну-ну, – неодобрительно покачал головой старик Никифор. – Быстро же ты своего Демида позабыла!

– Так уже, почитай, год прошёл, как я его в последний раз-то видела, – передёрнула плечами Елена. – Да и с кузнецом я просто поговорила. Может он что и более поведал бы, да этот чёрт старый притащился – тиун Устин. Принесла его нелёгкая.

Ратмир аккуратно выложил волоски перед собой на тряпице и протянул руку в сторону скоморохов:

– Всё, передайте мне линзы. Потом, если что, я вам ещё дам их посмотреть.

Скоморохи тут же отдали ему линзы и расселись поудобнее, чтобы понаблюдать за тем, что станет делать Ратмир. Он же в свою очередь начал внимательно рассматривать под линзами отдельно по одному волоску. При этом каждый из них при увеличении казался толщиной со стебель пшеницы и был покрыт какими-то чешуйками.

– Вот смотри, Теодор, – обратился Ратмир к мальчику. Тот мигом пододвинулся ближе и запыхтел у него над ухом. – Видишь, я положил волоски с разных людей рядом. И без лупы они выглядят почти одинаково.

– Ага. Только вот этот кудрявый. Это нашего Василия! – воскликнул Теодорка и ткнул пальцем в белую тряпицу на столе.

– Осторожно, сынок! – схватила его за руку Елена.

– А теперь давай посмотрим на них через линзы, – невозмутимо продолжил Ратмир. – Видишь между ними какую-нибудь разницу?

Мальчик, затаив дыхание, стал внимательно вглядываться в лежавшие под линзой волоски. Остальные скоморохи замолчали, наблюдая за ним.

– Вот этот – самый толстый среди них... – неуверенно произнёс Теодорка, указывая пальцем на увеличенное изображение волос на верхней линзе.

– Молодец! – похвалил его Ратмир. – А ещё что видишь? Чем они отличаются ещё друг от друга?

– Может цветом? – пожал плечами мальчишка.

– Правильно. Хоть немного, но они и вправду отличаются друг от друга цветом, – кивнул головой Ратмир. – Ну, ладно, не буду тебя мучить дальше. Смотри внимательнее. Видишь – каждый волосок состоит из мелких таких чешуек как у рыб?

– Вот эти вот малюсенькие совсем?? Их почти и не разглядеть! – воскликнул мальчишка.

– Да, они. И на каждом из волосков эти чешуйки разного размера.

– И значит, по волоску можно узнать, кому он принадлежит. То есть, если взять у него для сравнения ещё один волос? – полуутвердительно спросил Теодор.

– Молодец! Придётся тебя отдать на учёбу. Я тебе давно говорил, Елена, что ему пора учиться, – Ратмир повернул голову в сторону женщины.

– Ох, Ратмир! Не могу я его так далеко от себя отпустить. Как же он там один будет?! – всплеснула руками Елена.

– Так ты тоже можешь там остаться, и работа для тебя найдётся. Мы же уже говорили с тобой об этом, – с досадой произнёс Ратмир и вновь стал рассматривать волосы под линзой. – У мальчишки острый ум и ему нужно учиться. Ты же не хочешь, чтобы он всю жизнь плясал на ярмарках.

– А сам-то чего плясешь вместе с нами?! – возмущённо пропищала Авдотья.

Ратмир хотел что-то ответить ей, но в этот момент раздался стук в дверь и на пороге показался тиун Устин.

– Доброго здравия всем, – кивнул он и, подойдя поближе к столу, обратился к Ратмиру. – Боярин прислал узнать: нет ли для него каких новостей?

– Нет, тиун. Пока для него ничего нет, – покачал головой Ратмир, держа в руках деревянные крепления линз.

– Хорошо, передам ему. И дозволю спросить, Ратмир, не линзы ли у тебя в руках? – с живым интересом неожиданно спросил тиун Устин, указывая глазами на предметы в руках у Ратмира.

– А что – знакомы они тебе? – с любопытством посмотрел на него Ратмир.

– У дьяка нашего Лаврентия видал я подобное. Привозил он как-то с собой сюда бояричам диковинку показать. Тогда я и углядел морды пауков да стрекоз в большом размере, – ещё больше оживился тиун. – Вот страсти-то какие!

– Надо же, дьяк Лаврентий и науки такие изучал. А где же он взял те линзы? – спросил Ратмир.

– Так ему тогда дьяк Посольского приказа Иван Михайлович и подарил пару годков назад. Сказал, что немецкий посол привёз с собой их несколько штук для Великого государя. А тот разрешил дьяку Висковатому взять две или три штуки себе.

У Ратмира при упоминании дьяка Висковатого помрачнело лицо. Он коротко вздохнул и, повернув голову к столу, глухо произнёс:

– Всё, тиун, нет пока новостей для боярина.

– Понял, понял. А что это вы сейчас смотрите этими линзами? Опять мушек и тараканов всяких? Покажите старику, коли не жалко. А то помру в одночасье, так и не увидав более этих страшных морд.

– Давай, тиун Устин, только по-быстрому, – кивнул ему старик Никифор. – А то у нас тут дела поважнее будут.

– Да я скоренько, – прокряхтел тиун Устин, присаживаясь за стол.

Ратмир, молча, отодвинул в сторону тряпицу с волосами и прикрыл её своей ладонью.

– Ух, ты, страсти египетские! – воскликнул старик Устин, прикладываясь то одним глазом, то другим к сдвоенным линзам. – Создал же Всевышний этакую страхолюдину!

– Ну, всё, Устин. Будет с тебя, – поторопил его старик Никифор, заметив недовольное выражение лица Ратмира.

– Всё-всё, благодарствуйте, – опять кряхтя, поднялся из-за стола старик Устин. – Пойду, своим расскажу, пожалуй. Они-то уж точно никогда такого не видали. И спросить ещё хотел тебя, Ратмир, – волоски, что ты с кузнеца нашего Прохора спросил – они под линзами тоже страшно выглядят?

– А ты откуда знаешь про кузнеца-то? – удивился старик Никифор, кинув на Ратмира быстрый взгляд.

– Так он сам всем уже растрезвонил, что Олёна ваша к нему интерес имеет, – усмехнулся тиун Устин. – У кузнеца-то нашего вся сила только в руках. А умишком он как раз и не вышел. Так что, Олёна, жди. Вот-вот его жёнка к тебе заявится волосья выдирать. Она у него баба бойкая.

– Ну и мы здесь не лыком шиты! – руки в боки встала Авдотья. – Пусть только придёт – мы ещё посмотрим, чьи космы полетят в разные стороны.

– Волосья как волосья, ничего страшного, – нехотя пояснил Ратмир и глянул на тиуна Устина. – Прости, тиун. Не до тебя сейчас. Времени у меня мало.

– Понял, понял, – закивал старик Устин. – Оставляю вас с богом. Делайте всё что надо. Только бы скорее нашёл бы ты, Ратмир, этого изверга.

Тиун вышел за дверь, и в комнате раздался хохот.

– Ну, Олёна, готовься к обороне! – качая головой, рассмеялся здоровяк Василий.

– А Авдотья-то, Авдотья-то! Самая наша защитница! – от души расхохотался старик Никифор.

– Ну, я же не знала, что он разумом слаб, – пожимая плечами, оправдывалась Елена. – Пусть приходит, я ей всё объясню.

Глядя на них, задорно рассмеялся и Теодорка. Только Ратмир, нахмутив брови,

продолжил внимательно разглядывать под линзами волоски, разложенные перед ним на белой тряпице...

Поздним вечером, когда все в избе уже уснули, Ратмир вышел на крыльцо и, сев на чисто выскобленный деревянный пол, прислонился спиной к бревенчатой стене. Он устремил свой взгляд в бездонное звёздное небо и губы его тихонько зашептали: «Anima Christi, sanctifica me...». В этот момент скрипнула половица в избе и Ратмир замолчал. На пороге забелела рубаха старика Никифора:

– Не помешаю тебе, Ратмир?

– Когда ты мне мешал, Никифор? Проходи, присаживайся. Чего не спится тебе?

– Да вижу я, что после казни Висковатого ты сам не свой. Или я не в своё дело лезу? Ты мне так и скажи, Ратмир, если что. Я ведь чужих мыслей читать не умею как ты.

– Да и я их не умею читать, – вздохнул Ратмир. – Про Висковатого слышал много. Большого ума был человек. По навету казнил его Великий государь, не разобравшись, что почём. Вот это-то и страшно, что такие люди гибнут из-за злобы и корысти людей глупых и алчных, что толпятся вокруг трона государева в Александровой слободе.

– А по волоскам-то этим ты сегодня узнал что-нибудь?

– Я ведь, Никифор, когда в самый первый день убитую боярышню в сенях осматривал, то нашёл там, на полу рядом с её ножкой один рыжий волос. Взял его тогда в тряпицу на всякий случай. А сегодня, когда сравнил с волосками всех рыжих, что живут на подворье боярина Скобелева, то и увидел, что волос этот чужой, не местный.

– И что это может значить, Ратмир?

– А всё что угодно, – пожал плечами тот. – В том числе и то, что он мог принадлежать убийце.

– И как теперь тебе узнать про это? – затаив дыхание, спросил старик Никифор.

– Вот я и сижу здесь и думаю – как мне дальше быть, – опять вздохнул Ратмир.

– И ничего в голову не идёт?

– Да есть кое-какие мыслишки. Только оставлю я их, пожалуй, на завтра. Устал я что-то, – Ратмир бесшумно поднялся на ноги, и, глубоко зевая, потянулся всем телом. – Пойдём спать, Никифор. Утро вечера мудренее.

– Карета готова, дорогая панна, – вышколенная служанка в тёмно-синем до горла платье с белым кружевным передником поставила перед графиней Агнешкой Терницкой серебряный поднос, на котором в изящной китайской фарфоровой чашечке дымился кофе.

Графиня Терницкая, поправлявшая тугие кудри перед старинным зеркалом, отвернулась от него и аккуратно взяла чашечку за витую ручку. Поднесла её к лицу и с наслаждением вдохнула в себя чудесный аромат горячего напитка.

– Положи мне в карету зонтик и кувшин с мадерой и два бокала. И сама садись туда же – поедешь со мной, – тоном капризной девочки произнесла она и, отпив глоток кофе, покачала головой: – Чудесный вкус!

Через некоторое время из широких ворот большого каменного дома, находившегося на окраине города, выкатилась богато убранная карета, запряжённая двумя белыми лошадьми. Кучер ловко управлял упряжкой и покрикивал на зазевавшихся прохожих. Карета проехала в сторону центра города и остановилась в узком проулке между каменными домами.

Служанка графини вышла из повозки и огляделась по сторонам. Она подошла к массивной деревянной двери и постучала в неё три раза подвешенным здесь же деревянным молоточком. Дверь приоткрылась, и служанка сунула в дверной проём какой-то листок бумаги. Через несколько минут дверь опять приоткрылась, и чья-то рука протянула ей тот же листок обратно. Дверь тут же закрылась. Служанка вернулась к карете и, подойдя к кучеру, показала листок и что-то проговорила. Кучер кивнул, дождался, пока за служанкой закрылась дверца кареты, и дёрнул поводья. Карета тронулась в сторону выезда из Москвы.

Спустя некоторое время с заднего двора этого же дома послышалось цоканье копыт, и в арке показался всадник в широком плаще с капюшоном на голове. Он поскакал в том же направлении, что и карета. Проскакав по нешироким московским улицам, застроенным деревянными постройками до излучины реки, всадник остановился рядом со стоявшей в зарослях летних кустарников каретой графини Терницкой. Дверь повозки была распахнута. Графиня стояла поодаль, указывая своей служанке как расстелить на траве персидский ковёр. Рядом стояла корзинка с кувшином мадеры и фруктами.

Всадник спешил и, привязав поводья лошади к ближайшему деревцу, направился прямо к графине. Полы его широкого плаща развевались на ходу, а капюшон скрывал лицо.

– Графиня Агнешка, – на итальянском языке он обратился к графине и учтиво, в поклоне, коснулся губами её протянутой руки. Голос его звучал глубоко и бархатисто.

– О, Антонио, – также на итальянском языке откликнулась графиня и добавила, весело смеясь: – Очень рада встрече с вами. Мы так редко видимся.

– Увы, графиня. К сожалению, в этом случае наши желания далеки от наших возможностей. Я также очень рад нашей встрече! – так же весело рассмеялся мужчина.

– Ну, да ладно, Антонио, достаточно на сегодня реверансов, – графиня ступила ножками в атласных белых ботиночках с жемчужными застёжками на ковёр и грациозно присела на него, расправив своё богатое платье. – Разве что в очередной раз похвалю твой великолепный голос! Каждый раз как слышу его, так и испытываю необыкновенные чувства, – искренне восхитилась молодая женщина, помахивая изящным японским веером.

– Вы меня смущаете, графиня Агнешка, – с насмешливой интонацией в голосе ответил её собеседник. – Мне, конечно приятно, что мой голос так воздействует на дам. Главное, чтобы он не вызывал низменных чувств.

– Да ну, тебя, Антонио! Скажешь тоже – низменные чувства. И всё же я хотела бы, чтобы ты спел нам на приёме у русского царя, – капризным голосом произнесла графиня Терницкая.

– Это невозможно, Агнешка. Я не буду петь перед этими варварами. Обещаю пригласить тебя на своё выступление, когда мы будем в Риме следующим летом, – мужчина в плаще расположился напротив графини и потянулся к корзине с кувшином. – Ну и чем ты сегодня будешь меня угощать, графиня Агнешка? Неужели опять той самой прекрасной мадерой с острова Мадейра, что хранится в подвале твоего крёстного?

– Она самая, Антонио. Крёстный разрешил мне взять с собой бочонок этого чуда и велел угощать ею только своих.

– Ты меня балуешь, Агнешка, – бархатистым смехом рассмеялся мужчина.

– Доставай из корзинки кубки, дорогой друг, и налей в них этот благородный напиток, – помахивая веером, произнесла графиня Агнешка. – И сними ты этот капюшон. Дай мне возможность полюбоваться твоими прекрасными чертами. Не зря же тебя сам Паоло Кальери просил позировать для какой-то там из своих картин.

– Ей-богу, Агнешка! Кто из нас здесь мужчина и кто кем должен любоваться?! – опять глубоким смехом рассмеялся Антонио. – А капюшон я не снимаю по одной простой причине – всякие люди могут ходить в этих местах. Поэтому не нужно, чтобы нас лишний раз видели вместе...

И именно в этот момент в кустах неподалёку от них послышался треск сучьев, и на поляну высыпали десятка два плохо одетых бородатых мужиков с кольями наперевес. У некоторых в руках поблёскивали ножи.

– Матка боска Ченстховска... – неожиданно по-польски прошептала графиня Агнешка и с тревогой посмотрела на собеседника.

– Ну что, графиня Агнешка, вспомним коллегium, – негромко произнёс тот. Затем неожиданно громко свистнул и, повысив голос, обратился к мужикам на русском языке: – Что вам нужно, мужики?

– А ты, поди, догадайся, что нам нужно, – смачно сплюнув под ноги, двинулся в их сторону высокий, крепкий мужик со свалывшейся бородой и угрюмым взглядом. В руке он держал старый топор.

– Счас мы тебе объясним, чего нам нужно, – мерзко хихикая, как-то по-особому, пошакальи двигаясь, стал приближаться к ним невысокий заморыш в потасканной войлочной шляпе с обтрепавшимся пером. Он поигрывал в руках острым самодельным ножичком и плотоядно смотрел на графиню Агнешку.

– Э-э, мужики, вы сейчас делаете большую ошибку, – легко поднявшись на ноги, обратился к ватаге разбойников Антонио. – Будет лучше, если вы сейчас мирно уйдёте, и на этом всё закончится.

– Молчи, гнида! – рявкнул на него мужик со свалывшейся бородой. – Жрёте тут, винцо попиваете, пока простые люди с голоду по волостям пухнут. Сейчас мы наведём справедливость. Живо кидайте на ковёр все золото и монеты! И одежду скидывай тоже; небось, в пуговицах камня драгоценные.

– Это ты зря, мужик, сказал! Но у меня больше нет желания с вами тут терять время, – с

досадой произнёс Антонио и, раскинув руками полы плаща, поочерёдно выстрелил из испанских пистолей бородатому мужику и второму с повадками шакала прямо в ноги. Те с дикими воплями, схватившись за ноги, упали на землю, корчась от боли.

– Я предупреждал, что лучше было уйти по-хорошему, – обратился Антонио к остальным оцепеневшим от неожиданности разбойникам. – И, если вы всё ещё не торопитесь бежать отсюда, то прошу всех оглянуться назад, где стоит наша повозка.

Разбойники тут же оглянулись в указанную сторону и увидели там кучера и служанку графини. У каждого из них наизготовку были по пистолю в каждой руке.

– Быстро забирайте своих дружков и бегите отсюда что есть мочи. А то я передумаю, и вы все останетесь гнить на этой поляне. Ну! – прикрикнул он на растерявшихся разбойников. Те, словно очнувшись от сна, переглянулись между собой и, молча подхватив стонавших от боли приятелей, бесшумно растворились в лесной чаще. Только тёмные капли крови на пожухлой от жары траве напоминали о случившемся.

– Ты – мой герой, Антонио! – искренне восхитившись, воскликнула графиня Агнешка. – Я обязательно расскажу о твоём подвиге своему крёстному.

– Очень даже не против, – усмехнулся Антонио и рукой поправил чёрный локон, показавшийся из-за капюшона. – Мнение Учителя для меня очень важно. Благодарю вас, мои друзья! – помахал он рукой продолжавшим стоять с оружием в руках около кареты кучеру и служанке графини Агнешки Терницкой. – Вы всё сделали правильно. Отдохните, скоро поедем.

Он повернулся опять к графине Агнешке: – Продолжим беседу, графиня Агнешка. Только недолго. Просто этих разбойников из-за наступающего голода развелось видимо-невидимо. Вот твой бокал, графиня.

– Второй крестник так ещё до тебя и не добрался? – полуутвердительно спросила графиня Агнешка.

– Сам удивляюсь, – пожал плечами её собеседник. – Надеюсь, что с ним всё в порядке и не сегодня – завтра он объявится. Остальные уже все знают о предстоящем приезде посланника папы и начали прибывать из других городов Руси. Так что скоро каждый из нас получит очередное поручение от самого Учителя. И через годик можно будет уехать из этого непонятного, непредсказуемого государства в нашу любимую Италию. Я так скучаю по ней. А ты?

– И я скучаю. Хотя мне и здесь бывает весело на наших посольских ассамблеях, – весело рассмеялась она.

– Да уж, наслышан я о твоих бурных романах, – усмехнулся Антонио, поднимаясь и протягивая ей руку. – Пора уезжать, графиня Агнешка.

– А что прикажешь делать одинокой молодой вдове в этом богом забытом краю? – опять звонко рассмеялась молодая женщина и, опершись на руку мужчины, грациозно поднялась с ковра. – Остаётся только развлекаться с наиболее достойными представителями мужского пола из дружественных нам государств.

Ратмир прибыл в Москву ближе к полудню. Стоял солнечный день, жара начала понемногу спадать, и улицы в городе стали более многолюдными и шумными. По деревянным мостовым с грохотом проезжали громоздкие боярские повозки. Разгоняя плетями прохожих, проносились группами на черных скакунах опричники. Изредка, едва дребезжа, проплывали заморские кареты, поражая прохожих своей красотой и вычурностью с франтами-кучерами на козлах. Крестьянские телеги, запряжённые худыми лошадьми, везли копны сена, дрова, глиняные горшки... Городская жизнь шла своим чередом. И сотни полуголодных и голодных людей бродили по улицам в поисках еды или возможности заработать на неё. Худые, грязные мальчишки носились между торговых рядов с выложенными на прилавках калачами, кусками сала, корзинами с репой и брюквой, внося сумятицу среди торговцев, пытающихся уберечь свой товар от малолетних воришек. Толпы нищих в полуистлевших тряпках с протянутой рукой заглядывали в глаза прохожих, заунывно вымаливая полушку на пропитание. Состоятельные граждане старались лишней раз не появляться в таких местах перед обедом, чтобы не портить себе аппетит невесёлым зрелищем. За продуктами посылалась челядь. А сами состоятельные граждане предпочитали в такую погоду конные и пешие прогулки по тенистым берегам реки Яузы, охоту на дикого зверя под Звенигородом, лодочные прогулки и дружеские чаепития на верандах деревянных домов-теремов.

Ратмир через уличного мальчишку передал записку боярину Саврасову и стал дожидаться его на условленном месте возле пологого берега реки, неподалёку от церкви Вознесения в Коломне. Стреножив лошадку, он кинул потёртое покрывало на землю рядом с разросшимся кустом сирени. Далее примерно в течение часа редкие в этих местах прохожие, проходившие мимо, даже приостанавливались, чтобы подивиться молодому мужчине в портках и без рубахи, выполнявшему невиданные ими ранее гимнастические упражнения с палками и без них. После упражнений Ратмир достал из котомки кожаный бурдюк с водой. Он напоил лошадь, потом отпил сам и, убрав бурдюк на место, достал из котомки книжку и ломоть пирога с капустой и грибами. Удобно расположившись на покрывале, Ратмир углубился в чтение, что, впрочем, не мешало ему следить за окружающей обстановкой.

Через некоторое время к этому месту, скрипя деревянными креплениями, подъехала богато украшенная повозка боярина Саврасова. Сопровождали её четверо ратников на добротных скакунах и с большими саблями, притороченными к поясам. Ратмир забрался в повозку:

– Доброго здравия тебе, Лука Дементьевич, – произнёс он, прикрывая за собой дверцу.

– И тебе того же, Ратмир. Насилу успел твой мальчишка с писулькой застать меня дома. Уже собирался ко двору Великого государя отъехать, как он тут как тут подскочил, – отирая вспотевшее лицо вышитым платочком, выдохнул боярин Саврасов.

– Так тебе, Лука Дементьевич, при дворе-то важнее было быть, чем сюда ко мне ехать, – озадаченно произнёс Ратмир.

– Да Великому государю пока не до меня. Он там до обеда будет людей в Посольский приказ назначать. К приезду важного гостя готовиться, чтобы не оплошать с толмачами. В прошлый раз вон толмач испанский так перевёл своему послу, что наши люди потом полдня от смеха до колик в животе катались.

– Кого ждёт Великий государь в этот раз? – Ратмир внимательно посмотрел на боярина Саврасова.

– Сказывают, посланник самого папы римского прибудет, – боярин Саврасов со значением поднял указательный палец правой руки вверх.

– Ну, наконец-то, – как-то странно улыбнулся Ратмир.

– Что так? – удивился боярин Саврасов. – Думаешь, что привезёт нам от папы важные известия?

– Скорее всего. Эти люди просто так не приезжают, – кивнул Ратмир. – Но я тебя, Лука Дементьевич, попросил приехать по другой причине.

– Сказывай, Ратмир. Знаю, что по пустякам ты меня не будешь беспокоить. Да и у меня, честно говоря, есть к тебе разговор. Сам думал встречу тебе назначить. Так что говори, что тебе сейчас от меня нужно, – боярин откинулся на обшитую мехом и бархатом стенку сиденья повозки.

– Сегодня я еду в Александрову слободу... – начал было Ратмир.

– Так я же тебе справил доездную память – бумагу для прохода по всей слободе и тамошним учреждениям, – недоумённо поднял брови боярин Саврасов. – Да и на подъезде к самой слободе тебя по ней как раз пропускать будут...

– Я понял это, – чуть поморщился Ратмир. – Не о том спросить тебя хотел, Лука Дементьевич.

– Говори тогда – чего хотел?

– Изменилось ли что там за последние пять лет? Подъезд тот же самый остался?

– Да, как будто, всё так и осталось. Впрочем, Ратмир, я сам сейчас туда направляюсь. Если хочешь, поехали со мной, – неожиданно предложил боярин Саврасов.

– Поехали, – не раздумывая, согласился Ратмир. – Только сделаю кое-что.

Он вышел из повозки, снял с лошадки свою объёмистую котомку. Затем, переговорив с одним из ратников боярина Саврасова, передал ему поводья своей лошадки и направился опять к дверце повозки. Там он из котомки достал бархатный кафтан, расшитый разноцветными камнями, накладную бородку с усами, заранее заготовленное птичье яйцо. Разбив яйцо, белком промазал бороду изнутри и наложил на своё лицо.

– Как человека меняет борода! – опять подивился боярин Саврасов, наблюдая за действиями Ратмира.

Через некоторое время повозка вместе с всадниками тронулась в сторону Александровой слободы. Путь составлял почти сто пятнадцать вёрст на северо-запад от Москвы.

Боярин Саврасов внимательно посмотрел на поблёскивавшие в мелькающих лучах солнца разноцветные камни на кафтане Ратмира.

– В тот раз ещё хотел спросить тебя, Ратмир. Вот есть у тебя камня драгоценные. Прямо в изобилии и яхонты, и лалы. Смарагды вон я вижу. А почему живёшь в босяках-скоморохах?

– Так это всё ненастоящие камни, Лука Дементьевич, – рассмеялся Ратмир. – Подделка, и цена им – грош в базарный день.

– Да ну! – поразился боярин Саврасов. – Откуда же они у тебя?

– Сам сделал.

– Сам?! Как такое возможно? – вытаращил глаза боярин.

Ратмир, видя изумлённый взгляд собеседника, пожал плечами:

– Вот, если ты дашь мне в следующий раз такую возможность, то я тебе на твоей кузнице пару сапфиров отолью. Только не забудь, что дело это – преступное и Судебником наказуемое.

– Прямо сам отольёшь?! И выглядеть будет как настоящее?!

– Ну, эти же ты принял за настоящие, – усмехнулся Ратмир. Он провёл рукой по переливающимся камням на рукаве кафтана. – Вот, к примеру, для того, чтобы отлить сапфир, нужны натриум, кристалл, ямчуг и ещё некоторые химические порошки. Всё это есть в китайских лавках.

– И для чего ты их сделал тогда?

– На настоящие у меня денег нет. А на костюмы вот для таких дел их не особо много нужно. Сделал себе и товарищам, – улыбнулся Ратмир и посмотрел в окошечко. Повозка уже катила по колее вдоль широких полей с почти выгоревшими от жары пшеницей и рожью.

– Ещё спросить тебя хочу, Ратмир, да всё не решаюсь, – немного помолчав, боярин Саврасов поднял глаза на собеседника. – Из головы не идёт тот наш разговор в тот день, когда друга нашего Ивана Михайловича казнили. Крепко ты меня зацепил тогда.

– Что именно тебя зацепило, Лука Дементьевич? – вздохнул скоморох.

– Правду ли ты говорил, Ратмир, что у тебя есть свои люди в окружении Великого государя?

– Всегда можно найти человека, готового за деньги на что угодно, – уклончиво ответил Ратмир и добавил: – Не бери в голову, Лука Дементьевич. Раз не решился ты на этот шаг, то и забудь теперь об этом. Найдутся другие, кому уж совсем невтерпёж станет.

Боярин Саврасов потемнел лицом и опустил глаза. Потом вскинул голову и с каким-то вызовом посмотрел на скомороха:

– А скажи-ка мне, Ратмир, сам-то почему не сделаешь этого через своего человека?

Ратмир как-то внимательно и отстранённо посмотрел на собеседника и машинально рукой откинул назад прядь волос:

– Неуместный вопрос ты мне сейчас задал, Лука Дементьевич.

– Это почему же?

– Вижу, что сильно терзает тебя что-то, раз пытаешься меня сейчас на ссору вызвать. Очень мне этого не хотелось бы, потому как ты – человек совестливый и дальновидный...

– С чего это ты взял, Ратмир, что я с тобой ссоры ищу? – возмущённо перебил его боярин Саврасов. – Просто мне самому непонятно до сих пор – раз ты говоришь, что у тебя есть в окружении государя такие люди, то почему ты им не говоришь это сделать? Почему меня подстрекаешь? Как мне это расценивать? Я ведь тебя в друзьях своих числю.

Выражение досады появилось на лице Ратмира:

– Расценивай это так, что именно вы – бояре – вот уже более семи лет от него терпите эти адовы муки. Вам и надлежит это остановить. А с моей стороны только помощь была бы.

– Да-а, Ратмир, – протянул боярин Саврасов, не спуская с собеседника пристального взгляда. – С иной стороны я сейчас тебя увидел. Только вот неясно мне: с плохой ли или с хорошей...

– Врагом я тебе, Лука Дементьевич, никогда не был и не буду, – негромко произнёс Ратмир, откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза.

– Я ведь, Ратмир, понял в тот раз, что и у тебя самого, похоже, какие-то недовольства к Великому государю имеются, – боярин Саврасов пытливо смотрел на собеседника.

– Почудилось тебе что-то не то, – неожиданно открыв глаза, как-то отстранённо посмотрел на него Ратмир. – Повторяю, Лука Дементьевич, не бери ты себе это в голову. По твоим делам я сейчас еду в Александрову слободу. Всё по убийству дочери твоего друга – боярина Скобелева – хлопочу.

– За это тебе, Ратмир, от меня поклон низкий. Жаль только, что не дал ты мне полного ответа на мой первый вопрос, – утирая взмокшее от летней жары лицо, промолвил боярин Саврасов.

– Полный ответ на все вопросы знает только Господь наш Вседержитель. А мы всего лишь тля земная в помыслах своих и чаяньях, – пожал печами Ратмир.

Так они проехали ещё некоторое время по колее, проложенной многочисленными повозками вдоль полей и пашен, под жарким летним солнцем. Вскорости показался первый охранный пункт в Александрову слободу. Добротная деревянная изба стояла чуть поодаль от колеи. Саму же колею перекрывала мощная деревянная балка, укреплённая на врытой в землю деревянной основе размером с добрый бочонок. К балке была привязана толстая конопляная верёвка, конец которой тянулся к небольшому навесу, стоявшему рядом с колеёй. Под навесом, на покрытых волчьими шкурами лавках, вальяжно сидели за широким деревянным столом три опричника в чёрных, грубого сукна рясах и монашеских шапках, подбитых козым мехом поперёк округлых шлемов. Тут же у бревенчатой стенки стояли остро заточенные колья.

– Кого там несёт нелёгкая? – недовольно пробормотал один из них, заслышав доносившийся издалёка стук копыт и скрип колёс. Не поворачивая головы от стола, он потянулся рукой за колом.

– Какая разница – кого, – философски заметил второй, пытаясь игрушечной деревянной сабелькой подцепить тоже игрушечный деревянный щит, находившийся сбоку в лежавших на столе горкой игрушечных воинских доспехах и снаряжении. – Всё одно – придётся вставать и проверять доездные бумаги.

– Ну, это лучше, чем вставать в полночь и стоять чуть ли не до утра на службе в церкви, – недовольно произнёс третий, внимательно следя за каждым движением руки второго. – Э-э, Фома! А вот мне кажется, что ты вон ту сабельку-то двинул чуток.

– Ага, как же! – пробормотал второй, пытаясь от напряжения, тщетно пытаясь сабелькой вытащить щит так, чтобы не потревожить остальные игрушки. – Если тебе чего кажется, то это совсем не значит, что так оно и есть.

– Всё, останови, Фома. Ход за тобой. Подъезжает вон уже повозка-то, – прикрикнул на него первый опричник и, проведя широкой ладонью по тёмной, окладистой бороде, добавил: – Боярина Саврасова повозка. Может пусть его проезжает? Каждый день, почитай, туда-сюда ездит.

– Порядок должен быть первым делом! – назидательным тоном произнёс оторванный от игры недовольный Фома и направился к повозке с колом в руках. Ратники, гарцевавшие рядом с повозкой, внимательно следили за опричниками. Один из них спешил и открыл дверь повозки. Из неё, потягиваясь, выбрался боярин Саврасов, следом появился Ратмир.

– Доброго здравия вам, бояре! – кивнул им головой опричник Фома. – Память доездную извольте предъявить.

– А это со всем нашим удовольствием, – бодро улыбнулся боярин Саврасов, доставая из-за широкого обшлага рукава кафтана исписанный лист. – Хоть ноженьки поразмять тут. А то едешь и едешь в повозке. На каждой ухабине трясёт аж мочи нет.

– Это ещё пока сухо, боярин Лука Дементьевич, – дежурно пробегая глазами по бумаге, произнёс опричник Фома. – Вот когда дожди начнутся, да земля размякнет – вот где будет самая преисподняя.

– Это ты прав, служивый, – усмехнулся боярин Саврасов, принимая бумагу обратно. Он глянул на стол, где лежали горкой игрушечные доспехи и спросил: – Всё в бирюльки играете?

– А что ещё прикажешь делать, Лука Дементьевич? Службу несём исправно, а в свободное время отчего же и не поиграть, – пожал плечами опричник и перевёл взгляд на Ратмира: – Не видел я тебя ранее, боярин. Бумагу требуется предъявить, даже если ты и с Лукой Дементьевичем.

– Не боярин я, – пояснил Ратмир, также доставая бумажный лист из обшлага рукава.

– По печатному делу он мастер, – пояснил боярин Саврасов. – Изучал науки в Италии. Вот и выписали его для контроля за постройкой печатной мастерской. Великий государь затеял важное дело.

– Ко двору-то сегодня представляться будешь? – спросил опричник Фома, внимательно изучив доездной лист Ратмира.

– Это уж как Великий государь решит, – ответил за Ратмира боярин Саврасов и добавил: – А Ратмир теперь частенько будет сюда наведываться. Так вы уж его особо не задерживайте, братцы.

– Да я и сам не прочь в бирюльки поиграть. Но уж в следующий раз только, – улыбнулся Ратмир.

– Ну-ну, посмотрим. Среди наших я – лучший игрок! – важно выкатил грудь второй опричник.

– Это когда же ты, Фрол, стал лучшим? – изумлённо повернулся к нему опричник Фома. – Ты же вот только мне два раза уже проиграл! – и махнул рукой боярину Саврасову и Ратмиру: – Езжайте с Богом!

Те не стали испытывать терпение опричников и поспешили к повозке. Через пару минут они в сопровождении ратников двинулись дальше.

Так они проехали ещё через три кордона, и на каждом из них им пришлось доставать доездные памяти. На каждом из кордонов опричники внимательно изучали бумаги, на одном из них даже осмотрели всю повозку.

– Каждый день вот так добираться, Лука Дементьевич? – полуутвердительно спросил Ратмир.

– Не каждый день, конечно, но частенько. Сам же знаешь – я ведь и в земской Боярской Думе состою, – вздохнул боярин Саврасов. – А здесь, в слободе, я для Великого государя иногда как толмач выступаю между земскими и опричными приказами. Он же ни в какую не хочет с Боярской Думой мириться. Всё ему перевороты да козни боярские чудятся.

– Между двух огней ты, Лука Дементьевич, – сочувственно заметил Ратмир.

– Знаю. Каждую ночь под утро просыпаюсь и далее заснуть не в силах, – посетовал боярин Саврасов. – Всю судьбу моих убиенных товарищей боюсь повторить. Ну, а тебе, Ратмир, придется сегодня в слободе в мастерской по книгопечатанию объявиться, и будешь наезжать туда, контролировать печатные дела. Великий государь большой интерес к книгопечатанию проявляет. Может и к себе вызвать для отчёта. Да ты – человек грамотный – найдёшь, что ему рассказать.

– Найти-тонайду, – кивнул Ратмир. – Только не стоит забывать, что и сам царь Иван

весьма начитан и умён.

– Так ты же не обманывать его идёшь, а помочь в печатном деле. Сам же выбрал такой документ. Хотя мог бы просто корчму открыть. Было там местечко тёплое. Не захотел же ты!

– Да, умственные упражнения мне больше по душе, – усмехнулся Ратмир, и опять глянул в окошечко повозки: – Вот и заветные три версты.

– Слава Богу, доезжаем! – вздохнул боярин Саврасов.

Выехав из густой лесной чащи, они оказались у ещё одного охранного поста и, пройдя очередной тщательный осмотр опричниками, выехали в чистое поле.

Ратмир смотрел на широкую равнину, разделявшую оставшуюся позади лесную чащу и видневшееся на горизонте городище. Вот уже более семи лет сочетание слов Александра слобода внушало страх и ужас всему боярскому сословию, да и простым людям тоже. Ратмир уже бывал здесь несколько лет назад, но удивился тому, как быстро разросся этот некогда маленький городок.

Их повозка въехала на территорию, где в большом количестве рядами располагались деревянные терема и хозяйственные постройки.

Можно было заметить, что терема купцов держались особняком от изб ремесленных мастеров.

Сами царские хоромы с пристройками и теремами приближённых находились за высоким земляным валом, обложенным кирпичами, вокруг которого был вырыт глубокий ров, заполненный водой. Окружал слободу высокий забор из толстых, ошкуренных, с заточенными концами дубовых брёвен.

Повозка боярина Саврасова подъехала к единственному подъёмному мосту, соединявшему царские владения с остальной территорией.

Внушительного размера опричники, охранявшие въезд на мост, молча, проверили доездные бумаги боярина Саврасова и Ратмира, внимательно осмотрели повозку, оглядели сопровождавших их ратников и разрешили проезд на царскую территорию.

На подворье боярина Скобелева жизнь шла своим чередом. Каждое утро тиун Устин вставал рано и начинал обход всего дворового хозяйства. При этом он давал задания холопам, выполнявшим те или иные обязанности, что-то записывал на листочке немецким карандашом.

В кузнице горел яркий огонь и рыжий, здоровенный кузнец Прохор метко командовал своими подмастерьями. Он ловко крутил, держа длинными, железными щипцами в огне горна раскалённую железную заготовку, потом кидал её на наковальню, и уже вместе с помощниками, с громким уханьем, они начинали поочерёдно плющить тяжёлыми молотами сверкающий золотисто-красными искрами кусок металла.

Птичий двор также с раннего утра оглашался кукареканьем петухов, клекотом куриц и подросших цыплят. Здесь же гоготали откормленные гуси, стройными рядами вышагивали к пруду утки с молодыми утятами. На скотном дворе в широких загонах, в грязных лужах блаженствовали упитанные свиньи, наблюдая за тем, как рядом копошатся с радостным визгом многочисленные поросята.

На пологих откосах вдоль реки, где, несмотря на засуху, трава ещё зеленела, паслись стада коров и лошадей. Тут же два молодых пастушка сгоняли в кучку непослушных, разбредаящихся в разные стороны телят и жеребят. Босоногие холопские дети, весело перекликаясь, бродили между животных, подбирая за ними в специальные плетёные корзины ещё дымящиеся лепёшки навоза и относили их на край поля, сваливая в большие кучи. Затем этот навоз холопы после сбора урожая пшеницы, ржи, гречихи и проса обычно раскидывали по всему полю и вновь вспахивали поле уже под зимний отдых.

На самом подворье остальные холопы занимались каждый своим делом, которому он был обучен. Бабы ухаживали за птичьим загонem, кормили дворовую живность. Кухонные работники отлавливали кур, уток и гусей, резали их, ощипывали. Тут же дети постарше собирали пух и перья ощипанных птиц в разные корзины и относили к избам тех холопок, кто потом изготавливал из них подушки и перины.

Две упитанные краснолицы поварихи, гремя кастрюлями и половниками, успевали щедро раздавать подзатыльники носившимся по кухне поварятam. Последние в свою очередь задирали языкастых девочек-подростков, шустро чистивших репу, морковь, брюкву, перебиравших чечевицу, промывавших забитую птицу и птичьи потроха.

На большой просторной кухне, находившейся в полуподвальном помещении под одним из теремов, стояли три огромные печи. На них кипели большие горячие котлы. Здесь обычно готовили обильные блюда для гостей боярина Скобелева и простую еду для его холопов и ратников. Гости бывали нечасто, а вот холопов и ратников нужно было кормить два раза в день. Поэтому с раннего утра поварята заводили тесто и затапливали печи под большими медными котлами. К обеду из-под крышек этих котлов начинали вырываться клубы пара и разноситься по всему подворью вкусные запахи каш и пирогов с репой и брюквой.

Здесь же, но на отгороженной территории, стояла ещё одна большая печь. Тут отдельно готовилась еда для боярина Скобелева и членов его семьи. Занимался этим специально выученный поварскому делу в городе холоп боярина Скобелева сорокалетний Никита. Румяный, с окладистой бородой и выпирающим объёмным животом под чистым полотняным фартуком, он весело командовал тремя специально приставленными к нему поварятами

постарше. Они внимательно слушали каждое его слово и с увлечением готовили под его руководством разные заморские блюда, о которых их родители никогда даже и не слышали. Обычно тиун Устин несколько раз за день приходил сюда и проверял работу повара и качество приготовляемой еды.

В то раннее утро скоморохи спали крепким сном и не услышали, как встал и уехал в город Ратмир. Первым проснулся Теодорка. Стараясь не шуметь, он вышел из избы. Завернув за угол, пошёл в сторону забора к стоявшему между кустов жасмина деревянному нужнику. Сделав свои дела, мальчишка огляделся по сторонам и подошёл к забору поближе. По уже знакомым ему признакам нашёл в заборе место, которое было тем самым тайным лазом с подворья, о которых ранее ему рассказали холопские ребяташки. Теодорка с удовлетвореньем присвистнул, лихо развернулся на одной ноге и направился в сторону избы. Там уже над большим жестяным тазом склонился по пояс раздетый силач Василий и удовлетворённо ухал, когда старик Никифор окатывал его из ковша колодезной водой.

– Иди сюда, Теодорка! Становись следующим, – приглашающим жестом помахал ему пустым ковшом старик Никифор.

– О-о-о... – заныл Теодорка, передёрнувшись только от одной мысли о ледяной колодезной воде. – А можно меня сегодня не мучить этой казнью? Дяденька Ратмир ведь тоже не каждый день обливается этой холоднучей водой, а?

– Не, брат! Не сбежишь, – рассмеялся Василий и, схватив в охапку Теодорку, поднёс его к тазу и крикнул старику Никифору: – Чего стоишь, Никифор?! Лей давай, пока я этого пострелёнка держу.

Стоявшие тут же дворовые мальчишки радостно рассмеялись, предвкушая увидеть забавное зрелище.

– Ну, ладно, отпусти меня, дяденька Василий! Я – сам! – засмутился от смеха мальчишек Теодорка и стал вырываться из его рук.

– Ну, сам так сам, – нехотя отпустил его Василий. – Давай, Никифор, благослови его этой водичкой тоже. А потом завтрак и пойдём на поляну упражнения гимнастические повторять. А то мы тут уже который день, а упражнения ни разу ещё не повторяли после того как выступили в тот вечер, когда боярышню погубили.

– И то верно, – кивнул старик Никифор. – Правда без Ратмира на сегодня не всё получится повторить. Но форму нам терять никак нельзя.

Тут на крыльце показались Авдотья с Еленой.

– Я смотрю, весело тут у вас. Что, Теодорка, опять под холодную воду тебя суют? – звонко пропищала карлица.

– Ладно, сынок, терпи, – улыбнулась Елена. – Сам же знаешь, что как только Ратмир научил тебя обливаться холодной этой водой, так ты и перестал по ночам задыхаться. Помнишь, как ты мне тогда сипел, что тебе дышать невозможно?

– Помню, помню, – кивнул Теодорка и обреченно наклонился над тазом. – Лей уж, дед Никифор.

Как только все закончили умываться, стоявшие здесь же дворовые мальчишки подскочили к тазу и, кряхтя от натуги, потащили его прямо к тем лужам, где барахтались свиньи. Они отогнали свиней из одной из лужи и аккуратно вылили воду в неё. Подождав немного, они потом позволили хрюшке и её поросёнкам забраться обратно в эту лужу.

В этот момент около избы скоморохов показались двое поварят, тащившие на

деревянных подносах глиняные горшки с остатками вчерашних каш, пирогов. Улыбающаяся Лукерья несла кувшин с квасом.

– Ура! Еду принесли! – радостно закричал Теодорка и кинулся помогать поварьям затаскивать подносы в избу.

– Айда с нами, Луша, – пригласила молодую женщину карлица Авдотья.

– Ой, нет! Не могу пока. С матушкой сейчас сядем кружева плести для боярыни. Позже подойду, когда Ратмир вернётся, – смущённо улыбнулась девушка и лёгким шагом поспешила в сторону терема тиуна Устина.

– Кто бы сомневался, – пробормотала себе под нос карлица Авдотья.

Через несколько минут скоморохи уже сидели за деревянным столом, заставленным глиняными плошками и деревянными ложками, поочерёдно, доставали из горшка гречневую кашу, запивая её квасом. Теодорка не поленился сбегать в коровник и принёс оттуда кувшин парного молока. Он предложил скоморохам молочка, но согласилась только карлица Авдотья. Остальные допили из второго глиняного кувшина квас. Спустя некоторое время они вышли из избы и направились к воротам, захватив с собой сумки с какими-то вещами.

– Далёко ли путь держите? К реке, небось, опять? – спросил их тиун Устин, о чём-то разговаривавший до этого с охранявшим ворота ратником Дормидонтом.

– Ага, к речке ходим. Гимнастические упражнения надо повторить, – радостно пояснила карлица Авдотья.

– Что-то я промеж вас Ратмира вашего не вижу? Или он спит ещё до сих пор? – подслеповато щуря глаза, спросил тиун Устин.

– А Ратмир наш ни свет, ни заря как умчался в город по делам твоего хозяина, Устин, – пояснил старик Никифор.

– Как это? – удивился тот. – А конюх Леонтий мне ничего не доложил, поганец! Вот я сейчас пойду и всыплю ему за это, – как-то заволновался тиун Устин.

– А что, без твоего ведома, Устин, здесь ничего не может произойти? – усмехнулся силач Василий.

– Так я на то и приставлен к этой должности, – неожиданно покрасневшись, зло отозвался тиун Устин и заторопился в сторону конюшни.

– Работа у него такая, Василий, – покачал головой старик Никифор. – Обязан он бдеть за всем, да потом боярину докладывать.

– Ишь, как шустро побежал-то Устин на конюшню. Ох, не миновать сейчас тому конюху розг! – вздохнула Елена.

– С таким хозяином не забалуешь. Ни за что, ни про что вон плетей потом от него можешь получить, – в тон ей произнёс старик Никифор и махнул рукой в сторону речки: – Идёмте, ребята. А то уже солнце скоро высоко станет и для упражнений не будет никакой возможности. Итак, вон уж голова начинает побаливать.

Скоморохи дошли до речки и, найдя более ровную полянку, положили котомки на траву. Достали из них разноцветные шары, гладкие палки-палицы, какие-то верёвки. Авдотья с Еленой пошли в кусты переодеваться.

– Жара, видать, сегодня будет сильная, – вздохнула Елена, натягивая на себя разноцветное трико. – Во рту вон уже сушит. Попить-то мы взяли с собой? Я там приготовила кувшин с квасом.

– Так вроде бы допили его наши мужики-то, – воскликнула Авдотья.

– Не-е, я с самого утра запас в кувшинчик-то отлила. Вот он нам сейчас и пригодится, – Елена глянула на небо. – Скорее бы уже осень. А то лето в этот раз прямо спалит скоро нас всех.

– Ага – осень! Вспомни, Олёна, как в дожди-то повозку толкать приходилось! – звонко возмутилась карлица Авдотья, тоже натягивая на себя трико с разноцветными ромбами. – По мне так пусть такое лето, лишь бы дороги были сухие. Скоро уж тронемся, наверное. Ратмир говорил, что, вроде, дело к концу идёт. Вот уже и у меня теперь интерес большой – кто же боярышню погубил? Кто этот нелюдь?

– А ещё бабы у колодца вчера говорили, что в волостях уже люди начинают от голода пухнуть и человечину поедать. Кто-то ещё сказал, что и в Москве начинают людишки пропадать, – Елена поправила трико на бёдрах и схватилась за голову. – Прямо голова начинает гудеть. Пойдём уже. Отзанимаемся скоренько, да на лавочку – поваляться. Хотя в этом хорошо, что можно полежать от души. А так – сидим словно в темнице какой.

Они вышли к своим на полянку и увидели, что силач Василий, бережно поддерживая под руку, сажает старика Никифора в тенёк. Посадив его, Василий с бледным лицом, держась за живот, молча, ушёл за кустарники.

– Чой это ты, Никифор, от занятий решил отлынуть? Сам нас сюда затащил в такую жару. А сам же и в тенёк, – звонко возмутилась карлица Авдотья. Но увидев бледное лицо старика, тут же кинулась к нему: – Что с тобой, Никифор? Или сердечко прихватило?

– Муторно мне что-то стало враз, Дуняша, – едва слышно проговорил старик Никифор. – Голова закружилась, и дышать тяжеленько...

– На солнце, видать, перегрелся, – покачала головой Авдотья и повернулась к Елене: – Надо тряпочку смочить водой и приложить ему... Ой, а ты-то что, Олёна?! Теодорка, иди быстро к ней! Смотри, еле за дерево держится!

– Мамушка, что с тобой?! – закричал Теодорка, кидаясь к Елене, молча, осевшей около берёзы.

– Господи! Да что же это с ними?! Василий, иди сюда быстро! Что ты там в кустах застрял?! – зазвенел отчаянный голос карлицы, заматавшейся между стариком Никифором и Еленой.

Кусты затрещали, и через них напролом вышел на полянку силач Василий. Он держался за живот, на взмокшем, бледном лице его была страдальческая гримаса.

– Нехорошо мне что-то, Дуняша, – проговорил он. – Живот крутит, аж режет как будто. Тошнило сейчас. И Олёне с Никифором тоже, похоже, похужело, – он посмотрел на своих товарищей, потом на неё: – Ты-то сама как?

– Да я-то ничего, – растерянно глянула на него карлица и перевела взгляд на мальчишку: – Ты как, Теодор? Болит у тебя чего или нет пока?

– Дуняша, миленькая, я-то хорошо, а вот мамушке неможется. Что-то говорит едва-едва, а я и не разберу, – чуть не плача, ответил он. – Иди, послушай сама, что она там говорит.

Карлица быстро подбежала к берёзе, где прислонившись к дереву спиной, сидела Елена с закрытыми глазами. Авдотья приблизила своё ухо к её губам и еле-еле расслышала, как Елена прошептала: « Молока, быстрее молока»

– Она молока просит, Василий! Несите, говорит, быстрее молока! – в отчаянии закричала в никуда карлица.

– Беги, Теодорка, быстрее за молоком и зови подмогу, – просипел Василий, держась уже обеими руками за живот. На лице у него выступила испарина. – Ну, беги же скорее и тащи сюда тот кувшин с молоком.

Теодорка ещё раз растерянно глянул на мать, протянул было к ней руку, но тут же быстро развернулся и стремглав побежал в сторону боярского подворья.

Спустя короткое время он быстрым шагом уже торопился обратно на полянку, бережно прижимая к груди кувшин с молоком. Следом за ним торопилась раскрасневшаяся Лукерья, держа в руках второй кувшин с молоком. За ними, прихрамывая, шагал тиун Устин и ещё несколько мужиков-холопов. Из ворот подворья в том же направлении направилась лошадь с подводой. В самих же воротах стал толпиться народ, размахивающий руками и о чём-то жарко спорящий.

– Мамушка, мамушка, вот молоко! – кинулся к матери Теодорка. Та приоткрыла глаза и, взяв дрожащими руками запотевший глиняный кувшин, с трудом сделала несколько глотков. Потом она слабо протянула руку в сторону старика Никифора и из последних сил прошептала сыну: – Ему быстрее...быстрее дай.

– А ты, мамушка?! – продолжая держать перед ней кувшин с молоком, воскликнул Теодорка.

– Ему...скорее...я...потом, – выдохнула Елена и потеряла сознание.

– Мамушка! – отчаянно выкрикнул Теодорка, но бросился к старику Никифору. – Вот, дед Никифор, пей скорее, да побольше.

Старик Никифор в полузабытьи прикоснулся губами к краю кувшина и замер.

– Да пей же ты скорее! – воскликнул Теодорка и потряс старика за плечо. Взгляд старика Никифор слегка прояснился и он неверными губами, проливая молоко мимо рта, отпил немного из кувшина.

В это время Авдотья, стоя перед сидевшим на земле силачом Василием, вместе с Лукерьей держали перед ним второй кувшин с молоком. Более крепкий Василий самостоятельно отобрал у них кувшин и, выпив половину кувшина, благодарно посмотрел на жену.

Тиун Устин стоял на поляне и растерянно разводил руками:

– Что же это такое?! Как же так?! Авдотья, хоть ты расскажи, что тут у вас произошло?

– Сам не видишь, что ли?! – отозвалась карлица, не спуская глаз с Василия. – Ну, как ты, Василий! Лучше тебе?

– Да я-то ещё бодрячком держусь... – сияясь улыбнуться, простонал Василий. – Ты... это, Авдотья, беги к Елене скорее...Теодорка плачет...

Авдотья кивнула головой и кинулась к Теодорке, безуспешно трясшему за плечо потерявшую сознание Елену. Лукерья же кинулась к старику Никифору и поднесла к его губам кувшин с молоком. Он приоткрыл глаза и, глянув на неё мутным взглядом, тихо прошептал:

– Отравили...отравили нас...

– Да что ты такое говоришь, дед Никифор?! – ошарашено воскликнула Лукерья, в ужасе прижав пальцы к губам. – Кому же это нужно было вас травить?!

– Что говорит? Отравили?! – услышал её тиун Устин и поспешил к ним. – Оно, конечно, похоже, что и отравили. Только, вроде, не было-то врагов у вас тут, Никифор. Вот ведь, беда

какая! Ну да ладно, что сейчас толковать. Надо вас всех на повозку, да в избу скорее, да за лекарем послать.

Тут же по его знаку подбежали холопы и осторожно погрузили Елену с Никифором на телегу. Силач Василий взмахом руки отказался от помощи и, пошатываясь, сам добрёл до подводы. Один из холопов, наклонившись, посадил Авдотью на подводу, где она тут же положила голову Елены себе на колени и начала обтирать ей лицо прохладной влажной тряпкой, смоченной в речной воде. Другой холоп, держа поводья в руке, громко причмокнул губами и воскликнул: «Но-о, пошла, милая!» Лошадь, прядая ушами, напрягла крепкую шею и пошла.

Теодорка, державший за руку, находившуюся в бесчувственном состоянии Елену, торопливо зашагал рядом с телегой, с отчаянием наблюдая за тем, как карлица Авдотья бережно обтирает лицо его матери.

– Мамушка, мамушка, ты только не умирай, пожалуйста!.. Я тебя всегда буду слушаться во всём!.. И помогать всегда буду... Всегда-всегда... Только не умирай, мамушка моя любимая... – шептал он, не сводя глаз с землисто-бледного лица Елены.

– Не плачь, Теодорка! – пыталась успокоить его растерянная карлица, но и в её голосе звучало отчаянье. – Вот сейчас пошлют за лекарем, и всё будет хорошо. Эх, жаль, что Ратмира с нами нет! Он бы точно сказал, что такое происходит.

Через короткое время подвода въехала в ворота боярского подворья и в окружении встревожено галдящей толпы холопов подъехала к избе, где жили скоморохи. Тиун Устин командовал холопами, а Лукерья и Теодорка помогали переносить Елену со стариком Никифором в избу. Их уложили на лавки, а силач Василий просто присел на пол и откинулся спиной к стене.

– Надо Олёне ещё молока бы попить, – бормотала Лукерья, стоя рядом с лавкой, на которой без движения лежала Елена. Теодорка стоял на коленях перед бесчувственным телом матери и, не спуская глаз с её лица, гладил по руке. Он услышал слова Лукерьи и оглянулся в поисках Авдотьи. Тут он увидел, что старик Никифор рукой подзывает его к себе. Теодорка кинулся к нему и через несколько секунд подскочил к карлице Авдотье:

– Дуняша, Дуняша! Дед Никифор хочет тебе что-то сказать...

Карлица, обтирая влажной тряпкой лицо силача Василия, кинула быстрый взгляд на старика Никифора. Увидев, что он пальцем манит её к себе, тут же вскочила с коленок и подбежала к нему.

– Что, Никифор? – склонилась она к нему. – Худо тебе совсем?! Теодорка, неси сюда другую тряпку. Только смочи её вон там в ведре с холодной водой... Ишь, как чесноком-то от вас всех несёт.

– Не то... не то... – прошептал старик Никифор, обливаясь холодным потом. – Посылай скорее за Ратмиром... скорее посылай. Он всё поймёт... Отравили нас, Дуняша... У Ратмира снадобья есть... всякие... Посылай скорее...

– Да кто же и чем же могли отравить вас, скоморохи? – сокрушённо произнёс тиун Устин, растерянно стоя посередине избы и наблюдая за происходящим.

– Какая разница теперь – чем?! – воскликнула подскочившая к нему карлица Авдотья. – Давай, старый, быстрее посылай за Ратмиром! Он в город уехал по боярским делам.

– Да где же я сыщу его сейчас там?! – растерянно развёл руками тиун Устин. – Мне же никто не докладывал, куда он поехал.

– Вот дед Никифор опять чего-то шепчет, – Теодорка кинулся с мокрой тряпкой в руках

к старику Никифору и, осторожно промокнув ему лоб, прислушался к шёпоту и, спустя минуту, быстро обернулся к присутствующим. – Он говорит, что Ратмир поехал в Александрову слободу. Надо туда ехать!

– О, господи! В Александрову слободу?! Да туда же только по царской бумаге доезд разрешён! – воскликнул поражённый тиун Устин и растерянно развёл руками. – Что же он забыл в этой слободе? Даже и не знаю, что теперь делать!

– Зато я знаю! – неожиданно у входной двери послышался мягкий, но решительный голос боярыни Скобелевой. В избе сразу наступила тишина, и люди почтительно расступились, пропуская в избу хозяйку.

– Ох, матушка! – фальцетом от неожиданности воскликнул тиун Устин. – И до тебя уже долетело это дурное известие. Только я всё никак в толк не возьму – откуда здесь зелью-то взяться?! Да всё у нас на кухне хорошо! Я ведь сам по несколько раз на дню проверяю там и чистоту, и чтобы всё в свежести было. Может скоморохи сами каких ядовитых грибов или волчьих ягод без нашего ведома поели?

– Замолчи, Устин! – неожиданно оборвала его боярыня. Она с сочувствием посмотрела на корчившегося от боли старика Никифора и бледного как полотно силача Василия. С тревогой глянула на лежавшую без чувств Елену. Теодорка, сидел рядом с Еленой и крепко держал мать за руку. Он не спускал с боярыни заплаканных глаз.

– Иди сюда, отрок, – кивнула она мальчишке. – Вижу, что среди своих товарищей ты более здоровый. Пойдём со мной.

Боярыня направилась к выходу.

Теодорка оглянулся на мать, потом на старика Никифора, кинулся вслед за ней. Запнувшись ногой о порожек, он слегка ткнулся лицом в широкую спину женщины.

– Да осторожнее ты, торопыга, – беззлобно одёрнула она его за рукав и, отведя в сторону, махнула рукой стоявшим чуть поодаль холопам: – А вы марш по своим местам работать. Нечего тут глазеть.

Боярыня поправила на голове богато вышитый платок и внимательно посмотрела на мальчишку:

– Не слушай этого прилипалу Устина. Есть способ найти вашего Ратмира. Жаль, что Светозар Алексеевич мой по делам отбыл спозаранку во Владимир и сам не может вам помочь. У него-то как раз есть эта память на доезд в Александрову слободу. Но у меня другая придумка.

– Так говори же скорее, боярыня! А то ведь, не дай бог, помрут наши! Та же мамушка моя... как же я без неё-то?! – со слезами в голосе воскликнул Теодорка.

– Не торопи меня, отрок. У меня самой в голове из-за всего этого полная сумятица. Никак не пойму я – откуда могла взяться отравка? – она опять внимательно осмотрела на Теодорку. – На лошадях умеешь ездить?

– А как же! Хоть с седлом, хоть – без седла. Дед Никифор давно уже обучил меня этому.

– Это хорошо. Дам тебе сейчас провожатого. Поскачешь с ним ко двору в Москву. Он поможет тебе найти там боярина Усова Семёна Ивановича. Вот ему-то ты всё и расскажешь. И у него есть память на доезд в Александрову слободу.

– Боярин Усов?! – возмущённо воскликнул Теодорка. – Это тот, который тогда пытал нас с Ратмиром?!

– Он прямо сам вас пытал? – пристально посмотрела ему в глаза боярыня Скобелева.

– Ну, нет... не сам. Только он там сидел всё время и смотрел на всё это! – продолжил

горячиться мальчишка.

– Успокойся, отрок. В жизни иногда не всё так бывает, как тебе видится на первый взгляд, – неожиданно приобняла его за плечи боярыня Скобелева. Увидев вдруг направлявшегося в их сторону тиуна Устина, махнула ему рукой: – Нет, нет, Устин! Не подходи пока. Мы ещё не закончили.

Старик склонился в почтительном поклоне и, закивав головой как китайский болванчик, ретировался обратно.

– Как тебя зовут, отрок? – спросила боярыня Скобелева и неожиданно по-матерински ласково провела рукой по его тёмным кудрям.

– Теодор я, боярыня.

– Непривычное имя, иноземное. Ну, да ладно, Теодор. Слушай меня внимательно, – взгляд боярыни вновь стал более жестким. – Боярин Усов – свой человек. Ещё ранее мой супруг Светозар Алексеевич предупреждал меня, чтобы в случае каких-нибудь нежданных бед бежать или к нему, или к боярину Саврасову. Так что не сердись на него. Значит, не мог он в тот день поступить по-другому.

– А кто из них важнее? – неожиданно спросил Теодорка.

– Какая теперь разница? – пожала плечами боярыня Скобелева. – Чин-то у боярина Саврасова, конечно, поболее будет. А так они этим никогда не бахвалятся...

– Понял я про них, – нетерпеливо прервал её Теодорка. – Что дальше-то мне делать, боярыня? Ну, расскажу я ему всё. И что?

– Экий ты нетерпеливый! Там боярин Усов сам решит, как побыстрее найти вашего Ратмира в той слободе и сообщить ему обо всём. Ясно теперь?

– Ага, боярыня, ясно. И с кем же мне теперь отправляться?

– Пойдём со мной, Теодор. И ответь мне: что, ваш Ратмир и в ядах толк знает?

– Эх, боярыня! – как-то по-взрослому вздохнул мальчишка, явно повторяя чью-то интонацию. – Наш дяденька Ратмир чего только не знает!

Спустя короткое время из высоких дубовых ворот подворья боярина Скобелева показались два всадника на породистых скакунах и поскакали в сторону Москвы.

Глава 13

– Ну, здесь я тебя покидаю, Ратмир, – кивнул головой боярин Саврасов, когда они оба вышли за двери царской печатни, и хитро усмехнулся. – Сам всё теперь будешь видеть и слышать, если что. Тут теперь важные дела происходить будут.

– Это правда, – согласился Ратмир, оглядывая здание печатни и всё вокруг. – Большое дело затеял государь. И – очень нужное. Книгопечатание в государстве всегда считалось признаком достойного развития его граждан. Теперь можно будет здесь полезные книги печатать, которых в Европе уже множество. Жаль только, что управителя печатни сегодня нет здесь.

– Ничего, в следующий раз застанешь его.

– Да, тогда и поговорим с ним о печатных делах на Руси. Чтение книг много пользы даёт человеку.

– Вот ты и проследи за этим, Ратмир, на пользу русскому народу. А мне пора. Свидимся на досуге, – боярин Саврасов вальяжно зашагал к своей повозке. Его ратник уже привязал поводья лошади Ратмира к большому железному кольцу, вбитому в деревянную стену, и дожидался возвращения хозяина, приоткрыв дверцу повозки.

– Благодарствуй, Лука Дементьевич! – ответил ему Ратмир и направился к своей лошади. Проследив за тем, как повозка боярина Саврасова скрылась за поворотом, он легко запрыгнул в седло и дёрнул за поводья. Лошадь слегка всхрапнула и пошла вперёд.

Ратмир неторопливо ехал по широким улицам слободы и разглядывал всё на пути. Последний раз он был здесь несколько лет назад и поэтому примечал все новшества, стараясь запомнить их. Завидев незнакомую большую, богатую харчевню, он направился к ней. Дверь в харчевню была распахнута, и оттуда доносились голоса, шум, звон чаш и звуки гуслей. На всю округу одуряющее пахло жареными гусями и курами, запах браги и пива чувствовался уже при входе в корчму. Рядом с харчевней стояли на привязи лошади. Среди них выделялись несколько откормленных, чёрных скакунов, к сёдлам которых были приторочены новенькие мётлы.

– Заходи, добрый человек! В первый раз ты, видать, в слободе-то. Что-то я раньше тебя не видел, – радушно встретил его высокий, плотный хозяин харчевни в сером с вышивкой фартуке на объёмистом животе.

– Благодарствуй! – улыбнулся Ратмир. – Только я в слободе бывал и раньше, а вот твою харчевню вижу в первый раз.

– Это же когда ты здесь бывал, паря?! – удивился корчмарь. – Моя харчевня здесь уже, почитай, третий год стоит.

– Вот где-то три года меня здесь и не было, – Ратмир облокотился об прилавок, спиной чувствуя, как в зале наступает тишина и сидящие вокруг люди внимательно прислушиваются к их разговору.

– А покажи-ка ты, мил человек, доездную память свою, – неожиданно из-за ближнего стола поднялся рослый опричник в чёрной, грубоотканой рясе поверх богатого кафтана и в металлическом конусообразном шлеме с выбитой арабской вязью по краю шлема. Он поправил висевшую на боку саблю и направился прямо к скомороху.

Ратмир обернулся и внимательно посмотрел на подходившего опричника. Затем он кинул взгляд на людей в зале и неторопливо достал из-за обшлага рукава кафтана лист бумаги. Протянул её опричнику:

– По государевым печатным делам я приехал на днях из Италии. Поэтому и не было меня здесь три года, что в Италии изучал печатные науки.

Опричник окинул его придирчивым взглядом и, уткнувшись лицом в бумагу, стал изучать текст, написанный на ней, и сверять печати. Потом пожал плечами и, вздохнув, протянул бумагу обратно Ратмиру:

– Держи свою память, брат. Всё у него в порядке! – крикнул он глазевшим на них посетителям и сразу же в харчевне вновь возобновились шум и гам. Находившиеся в помещении посетители моментально потеряли интерес к Ратмиру. Он же, заказав себе ковш с медовухой и жареную на вертеле курицу, прошёл к столу у окошка, выходящего прямо на улицу. Сидя на широкой, отполированной многими посетителями лавке, Ратмир в ожидании еды и напитка незаметно рассматривал сидящих поблизости людей и посматривал в небольшое зарешечённое окошечко.

Массивные медные подсвечники с толстыми свечами, развешанные по стенам, освещали полумрак, царивший в зале. За тяжёлыми, добела выскобленными ножами столами сидели многочисленные посетители. Они стучали глиняными кружками по столам и требовали у носившихся между ними мальчишек-подростков в белых фартуках долить вина или водки и принести побольше еды.

В углу справа от стойки сидел седовласый слепой старик в когда-то белой вышитой рубаше и выдавшем виды сером суконном кафтане. Он привычно перебирал струны на потемневших от времени гусях. Звук струн был на удивление чист и звонок, и исполняемая слепым гусяром мелодия бередила душу выпивающих.

– Давай, Серафимушка, сыграй ещё! Вон как за душу цепляет проклятая! – прокричал из-за стоявшего неподалёку стола какой-то приказной чин в роскошном кафтане с высоким, переливающимся в свете свечей самоцветами, воротом. И старик согласно кивнул, и вновь коснулся старческими, узловатыми пальцами натянутых струн. И опять под низкими сводами шумной харчевни раздались почти небесные звуки гуслей.

– Вот, красавчик, твои курица и медовуха. Позови меня, коли ещё что потребуется. Я для таких, как ты много чего вкусенького могу поднести, – неожиданно над ухом Ратмира раздался грубоватый женский голос. Погрузившийся до этого в звуки гуслей, Ратмир недовольно повернул лицо и увидел около своего стола разбитную молодуху с насурьмленными бровями и натёртыми свеклой скулами. Глаза женщины похотливо сверкали, и от неё несло вчерашним перегаром.

Ратмир поморщился:

– Ставь на стол и иди.

– А что так неласково? – назойливо продолжила молодуха.

– Как могу, – сухо произнёс Ратмир и, достав из кармана кафтана медную монетку, положил её на стол. – На, милая, за заботу и больше не подходи ко мне пока сам не позову.

Молодуха жадно глянула на монетку и, медленно протянув к ней руку с обгрызенными ногтями, с сомнением произнесла:

– А не шутки ли ты со мной шутишь, красавчик? Это много за курицу и ковш медовухи.

– Я знаю. Просто бери и иди себе с богом, – Ратмир пригубил глиняный ковш с медовухой и, отвернувшись от назойливой молодухи, уставился в окно.

В этот момент неожиданно за окошечком послышался топот множества копыт, грубые мужские голоса, крики и смех. Посетители корчмы притихли и выжидательно смотрели на входную дверь. В корчму ввалилась ватага опричников в чёрных рясах поверх золочёных кафтанов. Те опричники, что уже находились в корчме, радостно повскакали со своих мест и кинулись обниматься со своими товарищами.

– Эй, Митроха, принимай гостей! – на весь зал прозвучал густой бас их предводителя. Невысокого роста, с огненно-рыжей бородой, он пронзительным взглядом из-под густых бровей окинул сидящих в зале и вновь обернулся к хозяину харчевни Митрохе. Тот моментально изобразил на лице радость и громко закричал в сторону подвала, из которого шустрые подростки бегом поднимали тяжелые подносы с едой и выпивкой:

– Лизка! Лизаветта! Беги быстрее сюда! Встречай дорогого гостя! Сам Григорий Лукьянович к нам пожаловали!

У Ратмира перехватило дыхание. Он сразу узнал в коротышке того садиста, что с нескрываемым удовлетворением принимал участие в недавних казнях на Троицкой площади и сам лично отрезал ухо у дьяка посольского приказа Висковатого. Ратмир опустил глаза, пряча ненавидящий взгляд, и мысленно повторил про себя, запоминая: «Григорий Лукьянович».

– Да где же ты, проклятая дура?! – засуетился Митроха и, не выдержав, сам кинулся обслуживать дорогого гостя. Схватив по ковшу с водкой и пивом в руки, он угодливо закивал в сторону свободного широкого стола в нише каменной стены. Прямо над нишей был

укреплён один из многочисленных подсвечников с горящей толстой восковой свечой: – А вот сюда, вот сюда присаживайся, Григорий Лукьянович! Вот местечко для тебя и твоих ребят. И свет вам тут, и шума с улицы не будет слышно.

– Это почему же туда?! – недовольно прогудел тот и махнул рукой в сторону стола, за которым сидел Ратмир. – Я хочу сюда – на своё место! Ты забыл, что ли, Митроха, что я в прошлый раз это место приказал за мной оставить.

– Ой, голова моя пустая! Не изволь гневаться, Григорий Лукьянович! Сейчас всё уладим! – Митроха кинулся к Ратмиру и жалостливо зашептал ему прямо в ухо: – Брат, выручай! Видишь же что за человек! Уступи ему это местечко, а? А я с тебя за ужин-то ни полушки не возьму в этот раз.

– Хочу на своё место! Я тут всегда сижу! – рыжебородый Григорий Лукьянович уставился на Ратмира тяжелым буравящим взглядом из-под густых, медного цвета, бровей.

Ратмир внимательно посмотрел ему прямо в глаза и усмехнулся:

– А я, Григорий Лукьянович, и не против. Раз тебе сподручнее здесь сидеть, то и мне не составит никакого труда пересесть на другое место.

– Так ты знаешь меня? – удивлённо вскинул брови невысокий опричник, и недоверчиво добавил: – И спорить со мною не станешь?

В зале опять наступила тишина.

Опричник подошёл к столу и, шумно сопя, забрался на скамью с противоположной от Ратмира стороны.

– Кто же тебя не знает, Григорий Лукьянович, – пожал плечами Ратмир. – Да и было бы из-за чего спорить.

Он потянулся было за своим ковшом с медовухой, но ковш вдруг выскользнул у него из рук и заскользил прямо в сторону опричника. Тот откинулся было к стене, но Ратмир быстро привстал и, нагнувшись над столом, схватил ковш у самого края стола, задев при этом нечаянно бороду опричника.

– Ох, ты смотри мне – аккуратнее! – недовольно пробурчал тот, приглаживая рукой свою рыжую бороду. Из-под грубой чёрной рясы у него просвечивал золоченый кафтан, усыпанный самоцветами. – Чуть всю бородёнку-то мне не выдергал.

– Прости, Григорий Лукьянович, – обезоруживающе улыбнулся Ратмир. – Иначе на тебя бы всё пролилось.

Он забрал свой ковш с тарелкой и отсел за стол в нише, который в начале предлагал опричнику Митроха. Последний с благодарностью посмотрел на Ратмира и вновь засуетился вокруг рыжебородого опричника.

Ратмир, сидя за столом, незаметно достал из кармана кафтана белую тряпицу и, завернув в неё несколько рыжих волосков из бороды опричника, быстро спрятал её обратно в карман.

– Эй, Митроха! Давай, живо неси всё, что я люблю! – довольно рявкнул рыжебородый опричник и сделал рукой приглашающий жест своим товарищам: – Айда, братия! Все садимся кучнее! Едим и по теремам своим спать. А то в полночь опять службу стоять с царём-батюшкой... Эй, Митроха, и Лизку свою сюда зови. Как же нам без неё!

[Купить полную версию книги](#)